

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

2

С О Ц Э К Г . И З

1936

Содержание

Г. Крумин — О некоторых задачах на экономическом фронте	3
А. Аракелян — Основной капитал и основные фонды	12
П. Хромов — Стахановское движение и использование оборудования	26
Р. Бешер — Стахановское движение и производительность труда	44
М. Ширман — К методологии анализа и планирования урожайности	64
И. Балашов, А. Фиссов, С. Гуревич — Победа социалистического сельского хозяйства	82
<hr/>	
М. Бортник — Проблемы мирового валютного кризиса	104

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И. Блюмин — Экономические взгляды В. А. Милютина	123
Б. Кафенгауз — И. Посошков о крестьянском вопросе	141

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Бронский — Неопубликованная работа Маркса о деньгах (IV т. Архива Маркса в Энгельса)	156
И. Кузьмин — Командный состав народного хозяйства СССР (Бейлин. Кадры специалистов СССР)	168
А. Либкинд — Производительность труда в колхозах (сборник)	175
Б. Кафенгауз — Меркантилизм (сборник)	179
М. Спектатор — Сельское хозяйство Чехословакии	183
Я. Сегалл — Фашистские учебники политической экономии	188

О некоторых задачах на экономическом фронте

Прошла большая, сложная и богатая полоса строительства социализма в нашей стране с того момента, как товарищ Сталин в своей знаменитой речи на конференции аграрников-марксистов констатировал некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли и нанес смертельный удар возрождавшимся буржуазным и мелкобуржуазным теориям в области экономики. То был период перехода в развернутое социалистическое наступление по всему фронту, перехода к ликвидации последнего капиталистического класса в нашей стране — кулачества. Это развернутое наступление, выкорчевывание корней капитализма было подготовлено успешным проведением индустриализации нашей страны.

С тех пор мы в праве отметить громадные всемирноисторического значения успехи строительства социализма в нашей стране. Основное заключается в том, что развернутое социалистическое наступление по всему фронту увенчалось полным успехом, и социализм победил капитализм в нашей стране не только в области промышленности, но — что в десятки раз труднее — и в области сельского хозяйства. Советский союз из страны неэповской превратился в страну социализма. Страна социализма уже стала мощнейшим государством и, перевооружаясь на основе самой передовой техники, гигантски подымая производительность народного труда, с исключительным успехом практически решает задачу — догнать и перегнать в технико-экономическом отношении самые передовые страны капитализма.

Составной частью развернутого социалистического наступления и важнейшей предпосылкой его успехов являлась разработка товарищем Сталиным марксистско-ленинской теории, беспощадная борьба, разгром буржуазных и мелкобуржуазных теорий, беспощадное изобличение тонкой и тончайшей фальсификации марксизма-ленинизма со стороны идеологов правого и «левого» оппортунизма, троцкистов, осколков капиталистических классов. В речах товарища Сталина, постановлениях нашей партии и Коминтерна мы имеем глубокую теоретическую разработку проблем, которые решались рабочими и крестьянами нашей страны и рабочим классом всего мира. Каждый шаг практического действия миллионов масс рабочих и колхозников ярко освещался сталинским анализом хода социалистического строительства, сталинским анализом основных проблем социализма. Гениальная разработка основных вопросов социализма, шесть исторических условий, дальнейшая разработка основного принципа социализма — каждый по способностям, каждому по труду, анализ стахановского движения и вскрытие в нем элементов перехода от социализма к коммунизму,

гениальный анализ проблем социалистического труда, кадров, сельскохозяйственной артели, денег и советской торговли и т. д. — все это такая вежа в марксистско-ленинской теории, которая, как гранитный фундамент, вошла в марксистско-ленинско-сталинскую науку политической экономии в широком смысле слова.

В свете этих гигантских достижений марксистско-ленинско-сталинской теории, являвшихся важнейшей предпосылкой, важнейшим условием победы социализма, — разве не чудовищными, политически враждебными являются рассуждения, которые можно встретить еще в предисловии к сборнику «Основные проблемы политической экономии» выпущенному в 1925 г., о том, что русский марксизм — большевизм утратил в XX в. свое первое место в области экономической теории, что германская социал-демократия дала «за последнее десятилетие лучшие и наиболее серьезные труды по экономической теории марксизма». Очевидно, такой дальнейшей «разработкой» марксизма должны являться помещенные в этом сборнике жалкие перепевы Гильфердингом и К° буржуазных апологетов капитализма о том, что политическая экономия является наукой о товарно-капиталистическом хозяйстве и что она не нужна, умирает при социализме. Между тем совершенно бесспорно, что действительную дальнейшую разработку марксистской теории дали лишь большевики, дает лишь Коминтерн. Неотъемлемой составной частью большевизма является как твердокаменность и непримиримость в борьбе с врагами рабочего класса, так и высокая принципиальность в области теории.

На основе марксистско-ленинско-сталинской теории советская экономическая наука обогащалась трудами, имеющими мировое значение. Это — имеющий важное значение и для экономического фронта вышедший недавно I том «Истории гражданской войны», где поставлен ряд кардинальных вопросов экономической теории. Это — многочисленные труды Госплана по первой и второй пятилетке, где в цифровом выражении на высоком теоретическом уровне разработаны все основные вопросы строительства социализма. Это дальше — выпуск ежегодно нашим Госпланом книги народнохозяйственного плана. Детальный анализ содержания этих книг вскрывает всю полноту социалистического общественного строя, вскрывает специфические законы социалистической системы хозяйства — определенные, соответствующие этой системе формы и отношения между производством, потреблением, распределением и обменом. Этот перечень книг может быть дополнен еще рядом изданий.

Этим успехам, этому широкому развертыванию теоретической мысли у нас противостоит вырождение научной мысли, научной работы в странах капитализма, разгром ее в странах фашизма. То, что в области экономической теории дает например германский фашизм, представляет собою прямую противоположность науке, фальсификацию науки, пытается подвести «теоретический» фундамент под «расовую теорию», дикий шовинизм и национализм и подготавливаемую фашистами новую войну. Разбор и критика современных буржуазных теорий в связи с общим кризисом капитализма, детальный разбор и критика экономических теорий фашизма являются важной задачей нашего экономического фронта.

Но наши теоретические успехи не должны скрывать от нас ряда существенных недостатков в работе того отряда экономистов, которые поставлены партией на ответственных боевых позициях теоретического экономического фронта.

Товарищ Сталин в 1929 г. говорил о некотором разрыве между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Товарищ Сталин указывал, что сокровищница марксистской теории не используется в достаточной мере для борьбы с теориями «равновесия» секторов нашего народного хозяйства, с теориями «самотека» в социалистическом строительстве и т. д. С тех пор на экономическом фронте сделан бесспорно шаг вперед в развертывании теоретической экономической работы. Однако необходимо со всей определенностью сказать, что мы все еще отстаем с обобщением громадного конкретного материала социалистического строительства, все еще во многом имеет место мертвящий схематизм, что в теоретической работе продолжает еще давать о себе знать отвлечение от актуальных вопросов социалистического строительства.

С другой стороны, гигантски выросли требования, предъявляемые к нашему экономическому фронту. Перед экономистами встали новые задачи, требующие подъема всей теоретической экономической работы на более высокую ступень. Это — в первую очередь факт победы социализма в нашей стране, требующий громадной работы по научному обобщению и систематическому изложению политической экономии социализма. От отряда экономистов требуется усиление бдительности, ибо, хотя буржуазные и мелкобуржуазные теории и разгромлены, но окончательно еще не добыты, пока не преодолены пережитки капитализма в сознании людей. Мы встречаем еще неожиданные комбинации осколков механистической теории и меньшевистствующего идеализма. На экономическом фронте имеют место явления, которые ЦК партии и СНК отметили в области истории. Было бы в корне неправильным считать, что это постановление ЦК и СНК относится только к историкам. Ошибки школы Покровского совсем не отделены китайской стеной от теоретических проблем экономики. Вопрос об истории как науке и связанный с этим вопрос о грубых ошибках школы Покровского, вопрос об общественно-экономических формациях, о соотношении между политикой и экономикой, соотношении диктатуры пролетариата и законов экономики, вопрос об экономическом материализме, об империализме и связанные с этим ошибки Покровского — все это, как видит читатель, вопросы кардинальные и для экономического фронта. Без ясной марксистско-ленинской постановки этих вопросов ни один экономист не может ступить и шагу. По этим кардинальным вопросам и на экономическом фронте выставлялись ошибочные положения. Между тем пока не слышать об участии экономистов во вскрытии ряда грубых ошибок школы Покровского.

ЦК и СНК в своем постановлении указали, что главным недостатком учебников истории и самого преподавания является их отвлеченный и схематический характер. «Учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами». Это пустое социологизирование, схематизм не преодолены еще и на экономическом фронте. Поэтому постановление ЦК и СНК по истории, которое бесспорно станет фактором перелома на историческом фронте, сыграет и на экономическом фронте важнейшую роль. Не оперирование пустыми схемами, не умничанье с «социологическими схемами», не склеивание цитат, а действительное всестороннее и добросовестное изучение богатейшего, невиданного в мире конкретного материала многогранного социалистического творчества

народных масс Советского союза, всестороннее и конкретное изучение общественно-экономических формаций в их зарождении, развитии и гибели и непримиримая борьба за марксистско-ленинско-сталинскую теорию на этой основе.

Так стоит вопрос.

Перед экономистами Советского союза стоит важнейшая задача всестороннего изучения и научного обобщения социалистической системы хозяйства в нашей стране и явлений умирающего мирового капитализма. Перед экономистами стоит благодарная задача систематического изложения — на основе указаний Ленина и Сталина — политической экономии социализма и перестройки в соответствии с этим научной и преподавательской работы. Нельзя больше довольствоваться тем, что политическая экономия социализма, законы развития социалистической экономики излагаются в наших учебниках как привесок, хвостик в конце каждой главы политической экономии капитализма.

Нельзя больше терпеть, что политическая экономия социализма отодвигается в нашей преподавательской работе на задний план. Речь должна идти об организации систематического и связного исследования законов развития социалистической хозяйственной системы, о систематическом связном изложении политической экономии социализма — как в условиях диктатуры пролетариата, на основе организующей роли социалистического государства «определенная форма производства обуславливает определенные формы потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу» (Маркс). Но для успешной работы в этом важнейшем направлении должны быть до конца выкорчеваны остатки и остаточки взятых напрокат у буржуазных экономистов взглядов на теоретическую политическую экономию как науку о товарно-капиталистическом хозяйстве и об отмирании этой науки при социализме. А ведь литература о том, что будто бы истинно марксистским является взгляд на теоретическую политическую экономию, как науку о товарно-капиталистическом хозяйстве, была достаточно «богатой». Смертельный удар этим буржуазным взглядам был нанесен в опубликованных заметках Ленина на книгу т. Бухарина «Об экономике переходного периода» и теоретической разработкой товарищем Сталиным основных вопросов социализма. Сейчас совершенно ясно, что споры о предмете и методе политической экономии, имевшие место в 1925 г. и в последующие годы, были не спорами о второстепенных вещах. Это были споры об основных вопросах политической экономии. Теперь уже совершенно ясно, что антимарксистские взгляды о ненужности науки политической экономии при социализме обезоруживали армию строителей социализма перед лицом классового врага. Вот почему полное искоренение этих взглядов и остаточков этих взглядов является существеннейшим условием плодотворной теоретической работы. Ведь источники живучих еще до сих пор взглядов, отрывающих политическую экономию от экономической политики, противопоставляющих друг другу политическую экономию социализма и экономическую политику диктатуры пролетариата как две самостоятельные дисциплины, лежат в известной мере в прошлых спорах о предмете и методе политической экономии.

Аргументация сторонников ненужности политической экономии при социализме была достаточно «простая». Так как производственные отношения «организованных обществ» ясны до прозрачности, то они не представляют-де объекта для теоретического анализа. В отно-

шении этих обществ вступают в свои права описание и предписание (экономическая география и нормативная наука экономической политики).

Специфический предмет теоретической политической экономии составляет лишь товарно-капиталистическое хозяйство с его фетишизацией производственных отношений людей.

В дискуссии 1925 г. эта группа экономистов, изображая себя единственно правочерными последователями Маркса — Энгельса, единственными представителями историзма в политической экономии, в действительности повторяя зады буржуазной науки и нагромождая одну ошибку на другую, кричали о «походе против абстрактной теории» (т. Кон), пугали образованием своеобразной исторической школы в марксизме. Они доказывали свою правоту, даже ссылаясь на прямо противоположные заявления Энгельса. Из Энгельса был сделан сторонник взглядов ненужности политической экономии при социализме под тем предлогом, что Энгельс-де говорил о политической экономии как науке о законах, управляющих производством и обменом. А так как обмен (который при этом вульгарно приравнивался к купле—продаже развитого товарно-капиталистического хозяйства) существует в меновых обществах, то следовательно и Энгельс, «если лучше посмотреть», являлся сторонником взглядов о ненужности политической экономии при социализме¹.

Вместо полнокровного учения марксизма об общественно-экономических формациях мы имели здесь тощую, идущую от Богданова, схему о меновых и неменовых, о «неорганизованных» и «организованных» структурах хозяйства, закрывающую путь действительного изучения общественно-экономических формаций во всей их полноте. Согласно взглядам этой группы экономистов выходит, будто можно изучать например рабовладельческую или феодальную формацию без анализа обмена.

Любопытно было бы посмотреть на результаты подобного «научного» предприятия...

Взгляды Маркса, Энгельса, Ленина по этому вопросу достаточно известны. Их заявления не оставляют и тени сомнения. В заметках Ленина на «Экономику переходного периода» т. Бухарина мы имеем прямое указание о неправильности этих взглядов. И совсем не «дипломатией», как пытался изобразить в 1925 г. т. Преображенский, явилась следующая формулировка Ленина в 1898 г. в рецензии на первое издание «Краткий курс экономической науки» Богданова: «Вся задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы»². Эта формулировка и выражает марксистский взгляд на науку политической экономии. Аргументация же сторонников иных взглядов исходит из учения буржуазных ученых о делении наук на монографические и идеографические, из смехотворных заявлений, будто абстрактный метод нужен только при изучении капиталистической экономики и т. д. и т. п. Политическая экономия социализма, гениально разработанная Лениным и Сталиным, опрокидывает как карточный домик все эти антимарксистские, антиленинские построения, весь этот заимствованный у буржуазии теоретический хлам. Во весь рост выри-

¹ «Вестник Коммунистической академии» № 11 за 1925 г., стр. 296.

² Ленин, Соч., т. II, стр. 372.

совывались сложнейшие теоретические проблемы политической экономии социализма, необходимость глубокого изучения новых характерных для социалистической экономики соотношений между формой производства и формами распределения, обмена и потребления. Во весь рост вырисовывались задачи теоретического изучения расширенного социалистического воспроизводства, условий новой, отличной от капитализма, пропорциональности отраслей народного хозяйства, иной постановки проблемы накопления и т. д. и т. п.

Прозрачность общественных отношений, как это воочию показывает практика социалистического строительства в нашей стране, совсем не уничтожает необходимости самого глубокого теоретического изучения законов развития этой общественно-экономической формации. Наоборот, теоретический анализ этой формации, с ее сложнейшей и тончайшей сетью общественных отношений, освобожденных от фетишистской скорлупы, опираясь на все богатство теоретического изучения предшествующих общественных формаций, приобретает особый размах и глубину.

И какая ирония судьбы! Странники ненужности политической экономии при социализме считали себя представителями историзма в политической экономии *par excellence* и обвиняли своих противников в том, что они универсализируют категории политической экономии. А на проверку оказалось, что взгляды этих экономистов взяты напрокат из буржуазного, социал-демократического (Гильфердинг!) арсенала. Наш «доморощенный» Туган еще в своем толстом курсе «Основы политической экономии» подробно обосновывал эти взгляды. Таким образом взгляды этой группы экономистов, чванившихся своим сугубым историзмом, сливаются со взглядами буржуазных и социал-демократических ученых, считающих законы капитализма вечными и разумными...

Мы указывали уже, что сторонники этих взглядов милостиво оставляют для социализма экономическую географию и экономическую политику. Спрашивается, на чем же будет покоиться эта экономическая политика, если наука о законах движения новой общественно-экономической формации, т. е. политическая экономия, не нужна, будет отсутствовать? Очевидно, подобная «экономическая политика» будет представлять собой некий волонгаристический прыжок через законы экономики. Как видим, ошибки, отмеченные в постановлении ЦК и СНК по истории о «вредных тенденциях и попытках ликвидации истории, как науки», имеют определенное отношение также и к экономическому фронту.

Любопытно еще отметить, что в дискуссии 1925 г. сторонники этих взглядов (например т. Осинский) правильно делали логически неизбежный из их позиции по политэкономии вывод о том, что за введением нэпа «скрывается в конце концов введение в действие категории ценности, и на этой почве ценностных отношений вообще, категории заработной платы, категории прибыли»¹.

Этот логически неизбежный из их позиции вывод полным светом освещает социальную значимость этих взглядов на политическую экономию.

Важнейшей задачей на экономическом фронте является двинуть вперед на основе ленинско-сталинских указаний систематическое и всестороннее изучение политической экономии социализма. Последние годы дали изумительно богатый конкретный материал во всех обла-

¹ «Вестник Коммунистической академии» № 11 за 1925 г., стр. 317.

стях строительства, в то время как изучение и теоретическое обобщение этого материала отставало. Нужно окончательно изжить разрыв между практическими успехами и нашей теоретической работой, кончить «игру в дефиниции», всемерно усилить анализ конкретного исторического материала, обобщить громадный исторический материал последней фазы капитализма и первой фазы коммунистического общества.

Главная задача наших экономистов должна заключаться в теоретическом анализе, в теоретическом обобщении громадного конкретного материала во всех областях социалистического строительства, и в первую очередь речь должна идти о том, чтобы коллективными усилиями двигать вперед и зучение истории советской экономики. Нужно всячески приветствовать растущий интерес у оканчивающей вузы и институты Красной профессуры молодежи к истории советской экономики, то, что в качестве диссертационных работ берутся для разработки темы из истории советской экономики. Это стремление нужно всемерно поддержать. Ибо только путем исторического анализа развития данного явления можно найти правильный ответ на тот или другой спорный вопрос. Коллективная работа над историей советской экономики во вновь реорганизованном Институте экономики Академии наук даст возможность избежать ряда ошибок, в частности должна предохранить от увлечения периодизациями, взятыми из «чистого разума», основанными не на тщательном и скрупулезном изучении фактов и событий.

Периодизация истории советской экономики должна основываться на детальном изучении всей фактической стороны, на указаниях Ленина, Сталина и постановлениях партии. К разработке любой экономической темы должен быть применен конкретно исторический подход, являющийся одним из лучших противоядий против схоластики, схематизма и дилетанства.

Наиболее крупной работой по истории советской экономики является коллективный труд «Этапы экономической политики СССР». Этот труд, наряду с достоинствами, не лишен существенных недостатков.

Главнейшим недостатком нам представляется отсутствие детального изображения этапов во всей их целостности, с характерными для данного этапа соотношениями классов, и отсутствие разработки материалов хотя бы по важнейшим областям, районам Советского союза.

С работой по составлению истории советской экономики нужно спешить. Не за горами 20-летие советской власти, когда широкая общественность имеет право потребовать от наших экономистов научно разработанных трудов по истории советской экономики.

В этой коллективной работе затруднением является то обстоятельство, что сравнительно слабо проведена подготовительная работа, что почти нет серьезных монографий, изучающих отдельные стороны этой истории. Этот изъян должен быть в кратчайший срок заполнен. На очереди дня стоит необходимость разработки ряда конкретных вопросов экономики, комплексных вопросов, связанных с планом третьей пятилетки. Наши экономисты должны смело стать на путь составления серьезных монографий по истории советской экономики.

В области проведения подготовительной работы экономический фронт несколько отстал от других фронтов. Отстал он также в важнейшей работе систематического издания основных трудов клас-

сиков политической экономии. В то время как Институт философии обеспечил научный перевод и издание целого ряда произведений философов-классиков — выход каждого тома полного собрания сочинений Гегеля представляет большое событие на научном фронте, — Институт экономики не сумел еще поставить дело издания классиков политической экономии, и до сих пор мы не имеем удовлетворительного научного издания, с детальными примечаниями и комментариями, основных трудов Адама Смита и Рикардо. Отстало также изучение истории экономической мысли в России.

Научно-экономическая работа должна быть поставлена на должную высоту в каждой области Советского союза. Большую роль в этой работе могли бы сыграть областные экономические журналы. Между тем в целом ряде областей эти журналы не стоят на высоте требований.

Мы не находим в чих анализа, научных обобщений и десятой доли всего богатого опыта местного социалистического строительства. Нужно констатировать неналаженность научной работы по областям. Руководящие областные органы должны взяться за это дело.

Неудовлетворительным является положение и в области отраслевых экономик, в области теоретической разработки проблем по важнейшим отраслям народного хозяйства. Задача заключается в том, чтобы создать отраслевые экономики по промышленности, транспорту, финансам, товарообороту, стоящие на высоком теоретическом уровне, в полной мере учитывающие сдвиги, производимые стахановским движением и вооружающие наших практиков необходимыми знаниями.

Важнейшей задачей теоретического экономического фронта является разработка проблем социалистического расширенного воспроизводства и на этой основе баланса народного хозяйства, задачу разработки которого товарищ Сталин поставил еще в 1929 г. Марксистско-ленинская теория баланса народного хозяйства СССР не должна иметь ничего общего с тем «балансом», который намечали правые оппортунисты в борьбе против социалистической индустриализации. Этот их «баланс» базировался на богдановской теории равновесия секторов нашего народного хозяйства, на «законе узких мест» и был враждебен марксистско-ленинской теории расширенного социалистического воспроизводства. Разработка баланса народного хозяйства является важнейшей теоретической задачей, в ее основе должно лежать решение основных проблем политической экономии социализма, нового соотношения между производством, потреблением и накоплением, специфических законов роста и распределения народного дохода и т. д.

Разработка баланса народного хозяйства должна быть в центре внимания Института экономики Академии наук.

Существенным недостатком в работе наших экономистов является известный отрыв от техники, от проблем технологии, отсутствие углубленного изучения истории и хода развития современной техники. А ведь в отрыве от техники, без ясного понимания линий технического развития, нельзя экономически правильно проанализировать самое передовое движение современности — движение стахановцев, несущее в себе элементы перехода от социализма к коммунизму, нельзя теоретически глубоко поставить и решать проблему производительности труда.

Этот крупный недостаток в работе на экономическом фронте должен быть выправлен.

В лице Всесоюзной академии наук создан крупнейший центр науки СССР. Советская наука органически увязывается с социалистическим строительством и становится чем дальше, тем больше мощным фактором ускоренного продвижения к коммунизму. В составе Академии наук создается мощный центр и общественных, в том числе экономических наук. Безгранично выросли требования практических строителей социализма к науке. Мы не сомневаемся, что советская наука, в том числе и экономическая, перестраиваясь вровень с громадными возросшими задачами на основе применения марксистско-ленинско-сталинского метода, двинется еще более широким фронтом вперед.

Основной капитал и основные фонды

Для процесса производства во всех общественно-экономических формациях необходимы рабочая сила и средства производства. Средства производства функционируют только в сфере производства, но их отдельные элементы, т. е. орудия труда и предметы труда, выполняют совершенно различные функции: первые являются средством (машины, оборудования, сооружения и т. д.), через которое человек воздействует на окружающую природу — на предметы труда, а последние представляют объект воздействия человека через орудия труда (сырье, материалы и т. д.).

Основная особенность такого функционирования этих двух элементов средств производства заключается в том, что орудия труда принимают участие в создании продукта в течение нескольких рабочих периодов (производственных циклов), т. е., участвуя целиком в процессе труда, передают свою стоимость по частям, а предметы труда участвуют в течение лишь одного рабочего периода (производственного цикла), т. е. употребляются в процессе труда полностью. Это различие между орудиями и предметами труда, вытекающее из природы процесса труда, в различных общественных формациях выступает не в одинаковой форме.

В условиях капитализма разница между орудиями и предметами труда выступает в форме различия между основным и оборотным капиталами. Вещь, которая функционирует как орудие труда, становится основным капиталом, а если функционирует как предмет труда, то становится оборотным капиталом. Точнее говоря, орудие труда образует вещественное содержание основного капитала, а предмет труда — вещественное содержание оборотного капитала. Но одна и та же вещь по своим материальным свойствам может выполнить обе функции. В таком случае ее принадлежность к основному или оборотному капиталу зависит от ее конкретной функции в данном периоде. «Скот в роли рабочего скота, — пишет Маркс, — есть основной капитал, откармливаемый на убой скот представляет сырой материал, который в конце концов как продукт вступает в обращение, следовательно, это не основной, а оборотный капитал»¹. Далее Маркс опять подчеркивает, что «одни и те же вещи образуют составную часть оборотного или основного капитала, в зависимости от того, какую функцию выполняют они в процессе труда»².

Таким образом отнесение тех или иных предметов к основному или оборотному капиталу, по Марксу, определяется не естественными их свойствами (как это делали А. Смит и его последователи), а харак-

¹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 103—104, 1935 г.

² Там же, стр. 185.

тером их функционирования в сфере производства. При этом необходимо подчеркнуть, что, во-первых, основной и оборотный капиталы являются составными частями производительного капитала, который в противоположность капиталу обращения (товарному и денежному) функционирует только в процессе производства, и, во-вторых, в состав оборотного капитала помимо предмета труда входит также и рабочая сила.

Маркс не ограничился делением капитала на его основную и оборотную части, ибо в этом делении капитала совершенно ступшевывается коренное различие между средствами производства и рабочей силой: рабочая сила попадает в одну группу с предметами труда и противопоставляется орудиям труда (основному капиталу). Это деление совершенно скрывает действительную, особую роль рабочей силы как единственного источника прибавочной стоимости. В противоположность буржуазным экономистам, которые придерживались только деления на основную и оборотный капиталы, Маркс разоблачал тайну капитала, заключающуюся в том, что капитал есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость путем эксплуатации наемного рабочего капиталистом, и открыл второе деление капитала, исходящее из роли отдельных частей капитала в процессе создания прибавочной стоимости. Это деление на постоянный (орудие труда и предмет труда) и переменный (рабочая сила) капитал. Маркс доказал, что затрата переменного капитала создает прибавочную стоимость.

Деление производительного капитала на его постоянную и переменную части отражает противоположность между интересами рабочего класса и интересами владельцев средств производства. Этим антагонизмом объясняются отсутствие преданности рабочих капиталистическому производству, отсутствие любовного отношения рабочих к средствам производства, рассмотрение труда как тяжелого бремени, как способа угнетения и выжимания пота. Наличие общественной собственности на средства производства в советском хозяйстве обуславливает отсутствие антагонизма между интересами производства и интересами рабочего класса, отсутствие прибавочной стоимости. В наших социалистических предприятиях «представлены не два класса, а один класс, класс рабочих, который владеет орудиями и средствами производства и который не эксплуатируется, ибо максимум того, что получается в предприятии сверх заработной платы, идет на дальнейшее развертывание промышленности, т. е. на улучшение положения всего рабочего класса в целом»¹. Этим объясняются преданность рабочих советским предприятиям, их героизм, отношение к труду как к делу чести, славы, доблести и героизма.

Общностью интересов производства и рабочих объясняется мощное стахановское движение, показывающее мировые рекорды повышения производительности труда. Вот почему товарищ Сталин, говоря о причинах стахановского движения, подчеркнул: «Вторым источником стахановского движения является у нас отсутствие эксплуатации. Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения ту-неядцев, а на себя, на свой класс, на свое советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы»².

¹ Сталин, Политотчет ЦК XIV съезду ВКП(б), изд. 1933 г., стр. 31.

² Сталин, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 17, Партиздат, 1935 г.

Таким образом частная собственность на средства капиталистического производства служит причиной антагонизма между интересами производства и интересами рабочей силы, а общественная собственность на средства производства в советском хозяйстве обуславливает отсутствие противоречий. И если нельзя отождествлять социальную природу капиталистических средств производства с социальной природой средств производства советского хозяйства, то нельзя этого делать и по отношению орудий труда (часть средств производства).

Орудия труда при капитализме образуют вещественное содержание основного капитала, а при советском хозяйстве — вещественное содержание основных фондов. Орудия труда в советском хозяйстве не образуют основного капитала, ибо последний есть категория, присущая только капиталистическому способу производства. Меньшевик-вредитель Гинзбург извращал действительность, говоря, что якобы в советском хозяйстве «экономические категории основного и оборотного капиталов сохраняют свое значение полностью и целиком». В противоположность подобным утверждениям у Маркса мы находим прямые указания о том, что «...лишь при капиталистическом способе производства и средства труда и предмет труда становятся капиталом... Вместе с тем различие средств труда и предмета труда, вытекающее из природы процесса труда, отражается в новой форме — в форме различия основного капитала и оборотного капитала. Лишь с этого времени вещь, которая функционирует как средство труда, становится основным капиталом»¹. Маркс утверждает, что средства труда только в том случае являются основным капиталом, когда процесс производства представляет собою капиталистический производственный процесс.

В наших условиях орудия труда образуют вещественное содержание не основного капитала, а основных фондов, ибо они не отделены от рабочей силы и не являются средством эксплуатации рабочих. Наоборот, они служат средством уничтожения капиталистических элементов и классов вообще, средством повышения материально-культурного уровня трудящихся и т. д. Эта коренная разница социальной природы наших орудий труда обязывает выступать против всех тех, кто хочет механически перенести в советское хозяйство понятие основного капитала как чисто технического термина — как универсального понятия об орудии труда, без всякого социального содержания.

Однако нельзя ограничиться только подчеркиванием социального отличия основных фондов от основного капитала. Социалистическая природа основных фондов обуславливает также их иное технико-экономическое содержание и иную динамику по сравнению с основным капиталом. Иначе говоря, внутренне социальное содержание основных фондов выступает не в отрыве от своего вещественного содержания. Технично-экономическое содержание основных фондов отличается от технико-экономического содержания основного капитала. При этом если нет особых трудностей в понимании социальной разницы между основными фондами и основным капиталом, то очень часто не вполне правильно представляется их технико-экономическая разница. Более того, вместо подчеркивания, что социальная природа наших основных фондов обуславливает другое технико-экономическое содержание по сравнению с основным капиталом, многими ставится знак равенства

¹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 103, 1935 г.

между ними (вредители, троцкисты). Помимо того в нашей современной экономической литературе сплошь и рядом ошибочно и традиционно употребляют термин «основной капитал», подразумевая под этим основные фонды. Поэтому необходимо сказать несколько слов о технико-экономической разнице между основным капиталом и основными фондами. Для того чтобы показать эту разницу, достаточно проанализировать следующие пять экономических проблем: а) цену земли; б) жилищный фонд; в) внутрипроизводственную динамику амортизации; г) проблему морального износа и д) цикличность динамики основного капитала и ее отсутствие в динамике основных фондов.

Земля, не являясь продуктом труда, никакой стоимости не имеет. Но в капиталистическом обществе в силу наличия частной собственности на землю, она превращается в товар. Не имея стоимости, земля все-таки имеет цену, определенный участок земли продается и покупается за определенную сумму денег. Если цены всех товаров выражают стоимость этих товаров, то цена земли выражает не стоимость земли (каковой она не имеет), а капитализированную ренту, т. е. ренту, превращенную в доход с ссудного капитала определенной величины.

Цена земли (а также и недр) как капитализированная рента входит в общую сумму основного капитала капиталистических предприятий. Поэтому, когда говорят о той или иной величине основного капитала, следует иметь в виду, что речь идет не только о стоимости зданий, сооружений, оборудования и т. д., но и о цене земли. В условиях советского хозяйства в связи с национализацией земли не только отсутствуют рыночные расценки земли, но она вообще не фигурирует в составе наших основных фондов. Это обстоятельство обуславливает огромное количественное различие между абсолютными размерами основного капитала и основных фондов: в одном случае земля как вещественный элемент всей совокупности орудий труда фигурирует, а в другом случае — не фигурирует. При этом влияние цены земли на общий объем основного капитала довольно велико. По данным Н. Я. Воробьева в 1913 г. (в границах СССР), из общей суммы основного капитала ценовой промышленности в 4 128 млн. руб. цена земли составляла 605 млн. руб., или 15% всего основного капитала.

Это различие между основным капиталом и основными фондами, обусловленное включением цены земли в объем основного капитала, не ограничивается только рамками количественных показателей. Оно находит свое конкретное отражение также и в области качественных показателей. Достаточно сказать, что в результате включения цены земли в общую стоимость основного капитала показатель (качественный) вооруженности рабочей силы орудиями труда значительно повышается. Так например, стоимость основного капитала ценовой промышленности на 1 рабочего в 1913 г. составляла 1 589 руб., а без включения цены земли — 1 356 руб.

Ж и л и щ н ы й ф о н д в условиях капитализма не входит в состав основного капитала. По этому поводу у Маркса есть несколько прямых указаний. Критикуя взгляды А. Смита на основной капитал, согласно которым главным признаком последнего является неподвижность вещей, Маркс писал: «Они (неподвижные вещи. — А. А.), как например жилые дома, могут принадлежать к фонду потребления и таким образом вообще не входить в состав общественного капитала, составляя однако элемент общественного богатства, по отно-

шению к которому капитал представляет только часть»¹. Далее, критикуя взгляды Рикардо, который главным принципом определения основного капитала считал медленность разрушаемости, Маркс говорил: «Рикардо забывает при этом дом, в котором живет рабочий, его мебель, орудия его потребления, как ножи, вилки, посуда и т. п., которые все в смысле долговечности имеют тот же самый характер, как и средства труда. Те же самые вещи, те же самые классы вещей выступают в одном случае как средство потребления, в другом случае — как средство труда»². Три случая могут иметь место при капитализме:

1. Жилой дом принадлежит самому рабочему. В этом случае дом является частью фонда потребления, а не частью производительного капитала. Ввиду того, что фонд потребления не функционирует в процессе производства и не является частью производительного капитала, дом не может быть отнесен в состав основного капитала.

2. Дом принадлежит владельцу предприятия, и рабочий этого предприятия пользуется жилищной площадью бесплатно. Здесь мы имеем дело с выдачей капиталистом рабочему части его зарплаты не в денежной форме, а средствами существования — в натуральном выражении. Капиталист выступает как продавец товара (жилплощадь), а рабочий — как покупатель. Иначе говоря, жилые дома выступают не в качестве производительного капитала, а в качестве товарного капитала их владельца, вследствие чего не могут быть отнесены к основному капиталу.

3. Дом отдается его владельцем внаймы рабочему. Здесь дом опять выступает как товарный капитал и противостоит производительному капиталу; нельзя поэтому относить его к основному капиталу.

Итак, во всех возможных трех случаях отношений к жилищному фонду последний выступает либо как фонд потребления (случай первый, который имеет очень узкие границы), либо как товарный капитал (случаи второй и третий, имеющие господствующее значение при капитализме). Но к производительному капиталу он не относится и поэтому не может быть основным капиталом. В том случае, когда жилплощадью пользуется сам владелец, она опять-таки не является основным капиталом. Маркс говорил, что «дом, функционируя как место труда, есть основная часть производительного капитала; функционируя как жилое помещение владельца, вовсе не имеет формы капитала»³. Следовательно, фабрично-заводские здания капиталиста относятся к основному капиталу, а их жилое помещение к нему не относится.

Вторым и более важным аргументом в пользу того, что жилой фонд не относится к основному капиталу, является различие между отношениями людей к жилому фонду и их же отношениями к основному капиталу. Отношения между нанимателем и сдающим внаймы жилищный фонд (домовладельцем) не тождественны с отношениями, которые складываются вокруг основного капитала между рабочими как продавцами рабочей силы и владельцем средств труда — основным капиталом. Энгельс в брошюре «К жилищному вопросу» жестоко критиковал немецкого прудониста, который говорил, что «квартиронаниматель по отношению

¹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 141, 1935 г.

² Там же, стр. 151.

³ Там же, стр. 135.

к домовладельцу — то же, что наемный рабочий по отношению к капиталисту». По Энгельсу, эта «попытка отождествить отношение между нанимателем и сдающим внаймы с отношением между рабочим и капиталистом является прямым извращением этого отношения. Напротив, мы имеем здесь дело с совершенно обычной товарной сделкой между двумя гражданами, и сделка эта происходит согласно экономическим законам, регулирующим продажу товаров»¹. Энгельс потому отвергает такое отождествление, что своеобразные результаты, к которым приводит продажа рабочей силы владельцу орудий труда — капиталисту, коренным образом отличается от сделки найма квартиры. Он пишет: «Капиталист заставляет купленную рабочую силу, во-первых, воспроизвести свою стоимость, а, во-вторых, производить еще прибавочную стоимость, которая временно и впредь до распределения среди класса капиталистов остается в его руках. Здесь производится таким образом избыточная стоимость; общая сумма наличной стоимости увеличивается. Совершенно иначе обстоит дело при сделке найма. Сколько бы ни сорвал сдающий внаймы у нанимателя, это всегда лишь передача уже существующей, ранее произведенной стоимости, и общая сумма стоимости, которой обладают наниматель и сдающий внаймы вместе, остается без изменений»².

Третий аргумент против отнесения жилого фонда к основному капиталу — независимость жилого фонда от капиталистического предприятия. Капиталисты и их государства, «строая свое существование на грабеже физической энергии рабочего народа, никогда не заботились и не заботятся о здоровье источника этой энергии» (М. Горький). Они не осуществляют капитальных работ, чтобы создать нормальные жилищные условия для рабочих. Для капиталиста обеспечение нормальными жилищными условиями рабочих не является актуальной задачей. В случае потери трудоспособности или смерти рабочего капиталист может из армии безработных черпать всегда свежие рабочие силы. Если машина является органической необходимостью для организации производственного процесса, то жилищный фонд для капиталиста таковым не является.

В противоположность всему этому жилищный фонд в условиях советского хозяйства относится к основным фондам, ибо он не имеет отмеченных выше трех особенностей, свойственных капитализму. Если при капитализме отношения рабочего к основному капиталу не тождественны с отношениями к жилищному фонду, то в условиях советского хозяйства отношения рабочего к основным фондам тождественны с отношениями к жилищному фонду. В обоих случаях рабочий является их коллективным хозяином. Помимо этого обеспечение рабочих жилищной площадью есть непосредственная задача любого социалистического предприятия. Нельзя приступить к строительству того или иного предприятия без строительства жилищ для рабочих. Забота о кадрах, об обеспечении жилищными условиями в советском хозяйстве есть первостепенная задача. Жилищный фонд выступает как необходимое условие воспроизводства социалистического хозяйства, как органическая часть социалистического производственного процесса, ибо он обеспечивает нормальное воспроизводство основной производительной силы — рабочей силы.

¹ Энгельс, К жилищному вопросу, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 8.

² Там же.

Объем и структура основных фондов нашего народного хозяйства и удельный вес жилищного фонда во всем объеме фондов по плану второй пятилетки характеризуются следующими цифрами¹.

Отрасли народного хозяйства	Среднегодовые фонды (в млрд. руб.)			В %	
	1928 г.	1932 г.	1937 г.	1932 г. к 1928 г.	1937 г. к 1932 г.
А. Производственные фонды	29,0	58,8	140,6	202,8	239,1
Б. Фонды общественного назначения В том числе жилищный фонд . . .	20,4 10,7	26,4 14,5	54,6 26,8	129,4 135,5	206,8 184,7
Всего по народному хозяйству	49,4	85,2	195,2	172,3	229,0

Из этой таблицы видно, что жилищный фонд занимает довольно солидное место в основных фондах народного хозяйства. Его удельный вес — около 15—20%. Ясно, что создание этого фонда требует соответствующего количества капитальных вложений. Сумма капиталовложений в городское и промышленное жилищное строительство в 1932 г. составляла 4 млрд. руб., а в 1937 г. составит 12,5 млрд. рублей.

Жилищный фонд, выступая как неотъемлемая часть основных фондов, обуславливает специфическое вещественное содержание их, отличное от вещественного содержания основного капитала. Помимо того, он обуславливает также специфическую структуру основных фондов (деление основных фондов на производственные фонды и фонды общественного назначения, направление части социалистического накопления на нужды жилищного строительства и т. д.).

★

В коренной технико-экономической разнице между основным капиталом и основными фондами можно убедиться и на внутрипроизводственной динамике амортизации. Проблема амортизации является темой специального исследования, здесь речь будет идти только о разнице между ее динамикой при капитализме и у нас.

Амортизация имеет форму учета сношенной части орудий труда и образует фонд для их возобновления. Основным руководящим принципом определения нормы амортизации является установление таких размеров отчислений, которые соответствовали бы сношенной части орудий труда. Весь процесс амортизации в советском хозяйстве отличается от процесса при капитализме. Нормы амортизации в капиталистическом обществе определяются стихийными законами, вытекающими из анархии производства. Эти стихийные законы приводят к установлению средних норм амортизации. В случае преувеличения норм амортизации искусственно увеличивается амортизационный фонд за счет прибавочной стоимости, следовательно за счет уменьшения нормы прибыли. В результате этого издержки производства увеличиваются, продукция дорожает и шансы на реализацию товаров и конкурентоспособность уменьшаются. В случае уменьшения размеров отчислений по отношению к действительному снашиванию основного капитала последний постепенно проедается, ибо за неимением соответствующего фонда амортизации сношенные части основного капитала

¹ «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР», т. I, стр. 303.

полностью не воспроизводятся. Поэтому для возмещения физического износа сохраняется средний размер амортизационных отчислений, но эта средняя величина отчислений устанавливается беспланово, анархично. В советском хозяйстве определение норм амортизации принимает совершенно другой характер. Они устанавливаются, во-первых, не стихийно, а планомерно, во-вторых, исходя из интересов не индивидуального, а общественного производства.

При определении норм амортизации капиталист руководствуется интересами и принципами воспроизводства своего индивидуального капитала, обеспечивая воспроизводство условий дальнейшей эксплуатации. Мы, напротив, руководствуемся интересами воспроизводства всего общественного производства и обеспечиваем воспроизводство социалистических отношений. У нас амортизационные отчисления каждого предприятия поступают в распоряжение высших регулирующих и планирующих органов и теряют непосредственную связь с отдельными предприятиями, на которых они были созданы. Аккумулированная в финансовой системе сумма амортизации всей промышленности, находясь в руках планирующих органов диктатуры пролетариата, используется рационально, исходя из интересов не отдельных предприятий, а из общих интересов всей промышленности. У нас не обязательно использовать фонд амортизации именно на том предприятии, где он создается, можно его использовать на совершенно другом предприятии, если это диктуется интересами всей промышленности.

Такая внутрипроизводственная динамика при капитализме невозможна.

Коренная разница между амортизацией основного капитала и основных фондов находит свое выражение также в проблеме морального износа. Маркс по отношению к основному капиталу писал, что «кроме материального снашивания машина подвергается, так сказать, и моральному снашиванию. Она утрачивает меновую стоимость по мере того, как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию. В обоих случаях, как бы нова и жизнеспособна ни была машина, ее стоимость определяется уже не тем рабочим временем, которое фактически овеществлено в ней, а тем, которое необходимо теперь для ее воспроизводства или для воспроизводства лучшей машины. Поэтому она более или менее утрачивает свою стоимость»¹.

Констатируя, что машины до окончательного физического износа, т. е. до окончательной утраты всей потребительной стоимости, могут обесцениваться и морально, Маркс подчеркивает две формы морального износа: 1) обесценение машины старых конструкций вследствие удешевления их воспроизводства, 2) обесценение машин вследствие изобретения и введения новых конструкций, новых типов машин, более дешевых и более совершенных. Последняя форма морального снашивания является для капиталистов более опасной, ибо она сопряжена для них с потерей части основного капитала. Эта опасность особенно остро ощущается в начальном периоде введения новых машин. Под нажимом опасности морального снашивания основного капитала (его фактической потери) капиталисты, в особенности монопольные объединения, всячески сопротивляются введению новых машин, выступают против технического прогресса, что является одной из конкретных форм

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 308, изд. 1935 г.

проявления конфликта между ростом производительных сил и существующими производственными отношениями. Но борьба владельцев старых предприятий против новой техники, задерживая технический прогресс, ослабляя темпы последнего, не может прекращать его. Закон стоимости и борьба за получение сверхприбыли двигают технику вперед. Весь процесс роста техники сопровождается разорением мелких предприятий и укрупнением крупных, в которых старые машины заменяются новыми. Устаревшие машины капиталистами не используются в силу анархии производства. Имея еще потребительную стоимость, устаревшие машины выбывают, тем самым в результате морального износа часть народного богатства растрачивается, теряется.

Под давлением морального износа нормы амортизации устанавливаются более высокие, чем это нужно для возмещения физического износа основного капитала. В США в период 1919—1929 гг. ежегодно обновлялось около 13—14% оборудования, из коих 10% в порядке возмещения физического износа и 3—4% в порядке замены морально износившегося оборудования¹. Проведенная в конце 1927 г. американским журналом «Manufacturing Industry» анкета среди крупнейших фирм США показала, что подавляющее большинство этих фирм имеет такие нормы амортизации, которые обеспечивают возмещение затрат на новое оборудование в срок, не превышающий 7,5 лет, несмотря на его техническую способность служить значительно дольше. При этом 64,1% нового оборудования должно окупиться не позднее 3 лет, а 7,5 лет это — самый максимальный срок, в течение которого американские предприятия должны были окупить затраты на новое оборудование.

Под влиянием капиталистической практики установления норм амортизации, характеризующих не только размер физического износа, но и некоторые контуры морального износа, многие требуют, чтобы в основу определения норм амортизации наших основных фондов был положен не только технический, но и моральный износ. Говоря о нормах амортизации, некоторые утверждают: «При определении сроков, в течение которых должна погашаться стоимость основных средств, необходимо учитывать... «моральный износ»². «Необходимо при выработке новых норм обязательно учесть и моральный износ»³. Таких утверждений можно привести немало. Ошибочно заканчивает свою статью в газете «За индустриализацию» (от 27/IV 1935 г.) т. П. Капустин, который пишет: «Пренебрежительное отношение к «моральному» износу оборудования... заранее ставило бы нас в неблагоприятное положение». Исходным для такого неправильного подхода к проблеме морального износа является игнорирование той коренной разницы, которая существует между моральным износом основного капитала и процессом замены конструктивно устаревших машин в советской экономике.

Сторонники наличия «морального износа» в советской экономике в качестве довода, на первый взгляд как будто убедительного, выдвигают быстроту темпов развития нашей техники и обусловленную этими темпами замену старого оборудования новым. Этот довод следует считать совершенно несостоятельным. Здесь верно то, что прогресс нашей техники совершается во много раз быстрее, чем при капитализ-

¹ Сборник Института Мирового хозяйства «Кризис и загнивание капиталистической промышленности», изд. 1934 г., стр. 29.

² «Предприятие» № 19, стр. 27, 1934 г.

³ Там же, стр. 32.

ме, и замена простого, конструктивно устаревшего оборудования более усовершенствованным не наталкивается на препятствующие факторы. Наоборот, у нас всякое рационализаторское мероприятие широко поощряется. Однако процесс замены старых, технически и конструктивно устаревших основных фондов нашего хозяйства не есть тот же самый процесс «морального износа», который свойственен основному капиталу, ибо закон стоимости и вообще все законы капиталистической экономики, обуславливающие моральный износ, не присущи советскому хозяйству. Между ними существует коренная количественная и качественная разница, изложение которой покажет несостоятельность трактовки «морального износа» основных фондов и вместе с этим покажет одну из существенных сторон различия между основным капиталом и основными фондами.

В условиях капитализма орудия труда гораздо менее загружены, чем в условиях советского хозяйства. Вернее говоря, орудия труда при капитализме недогружены, причем эта недогрузка в период общего кризиса капитализма носит хронический характер. По данным Конъюнктурного института в Берлине, хроническая недогрузка производственного аппарата дает следующую картину:

Процент использования производственной мощности промышленности в Германии¹

1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
67,4	56,2	44,5	35,7	41,0	53,7	58,6

Необходимо иметь в виду, что эти исчисления сделаны, исходя из работы производственного аппарата в одну смену. Поэтому при нагрузке в две и больше смен исчисления покажут еще меньший процент использования производственного аппарата. Так например, по исчислениям т. Варги², для того количества продуктов, которое было произведено в 1929 г. в Германии, т. е. в год наивысшей ее конъюнктуры, при нагрузке производственного аппарата в три смены (ежедневно по 7 часов, за 7-дневную неделю — 147 часов) нужны не 67,4% существующих производственных мощностей, а 20,6%.

Хроническая недогрузка производственного аппарата имеет место не только в Германии, но и в других капиталистических странах. Так в США фактическая продукция в процентах к производственной способности предприятия составляла³ (см. таблицу на стр. 22).

Данные т. Варги показывают, что если исходить из одной смены и из неполного рабочего года (из 308 дней), то в среднем по всей промышленности США основной капитал был загружен за десятилетие 1925—1934 гг. всего лишь наполовину⁴.

¹ Данные на 1929, 1930, 1931, 1932 гг. взяты из «*Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung*», 7. Jahrgang, Heft 2, Teil B, изд. 1932 г., стр. 119. Данные за остальные годы — 1933, 1934 и 1935 — взяты из того же органа, изд. 1936 г., 10. Jahrgang, Heft 4, стр. 93.

² «Новые явления в мировом экономическом кризисе», стр. 14.

³ Данные за 1929, 1930 и 1931 гг. взяты из годовых сведений «*Survey of Current Business*», Annual Supplement, 1932, p. 212—213. Данные за 1933, 1934 и 1935 гг. взяты из этого же источника по месяцам. На основе месячных данных исчислены годовые цифры.

⁴ Е. Варга, *Общий кризис и хронический излишек основного капитала* (см. журнал «Мировое хозяйство и мировая политика» № 1, 1936 г., стр. 153).

Потребительная стоимость заменяемых старых, но еще не вполне изношенных машин в капиталистическом хозяйстве расточается вследствие частной собственности на средства производства и невозможности планировать народное хозяйство. В советском хозяйстве положение иное: старое годное оборудование как часть общественного богатства не теряется, а перебрасывается на другие предприятия (скажем, на предприятия мелкой промышленности) для его окончательного снашивания. Возможность такой переброски, использования машин до конца объясняется условиями общественной собственности на средства производства и планированием их.

Процесс использования старого годного оборудования протекает в советском хозяйстве следующим образом: часть оборудования, которая при замене новым имеет в той или иной мере потребительную стоимость, передается либо непосредственно предприятиям, нуждающимся в этом оборудовании, либо Реммаштресту, который модернизирует его и продает соответствующим предприятиям; остальная, полностью изношенная часть оборудования, которая потеряла потребительную стоимость как оборудование, превращается в лом. Этот лом может быть использован для собственных нужд данного предприятия (металлообрабатывающие предприятия) или передается Металломтресту. Для иллюстрации приведем данные по демонтажированию металлообрабатывающего оборудования.

Число машин, демонтированных в 1932—1934 гг.

	С 10/IV 1932 по 1/I 1933 г.	В 1933 г.	В 1934 г.
I. Машины для обработки металлов резанием	1 917	3 611	2 682
В том числе:			
для отправки другим предприятиям	1 083	1 735	1 316
для передачи Реммаштресту годные	688	1 550	945
обращенные в лом	146	326	421
II. Машины для обработки металлов ударами и давлением	482	816	803
В том числе:			
для отправки другим предприятиям	211	375	461
для передачи Реммаштресту годные	194	325	190
обращенные в лом	77	116	152

Из этой таблицы видно, что число старых годных машин металлообрабатывающей промышленности (токарные, сверлильные, строгальные, фрезерные и другие станки, машины горячейковки и штамповки, машины для холодной обработки листового металла и проволоки и прочие машины) в одном лишь 1934 г. составляло 2 912 (1 316 + 945 + 461 + 190). Потребительная стоимость этого огромного количества выбывших машин не потеряна для народного хозяйства. Она благодаря социалистической природе нашего хозяйства перешла в другие предприятия либо непосредственно, либо через Реммаштрест для использования до окончательного износа. Остальные 573 машины (421 + 152) превращены в лом ввиду их полного износа. Такое использование старого годного оборудования при капитализме, при частной собственности на средства производства и отсутствии планового хозяйства, невозможно.

В условиях капитализма опасность морального износа вызывает бешеную атаку капиталистов и особенно монополистических объединений, направленную против технического прогресса. Ленин подчеркивал, что хотя монополия полностью не задерживает технического прогресса, но все же «тенденция к застою и загниванию свойственна монополии»¹. В противоположность этому в советском хозяйстве замена старого, менее производительного оборудования, новым ни в коем случае не наталкивается на тормозящие или препятствующие факторы.

Таким образом в советском хозяйстве технически и конструктивно устаревшие машины при замене их включают меньше потребительной стоимости, чем при капитализме, благодаря их целесообразному, напряженному и планомерному использованию, благодаря большей нагрузке, чем при капитализме; остающаяся потребительная стоимость устаревших машин как часть народного богатства не расточается, а используется другими предприятиями благодаря тому, что хозяйствующим субъектом является диктатура пролетариата; замена машин совершается без каких бы то ни было тормозящих факторов, наоборот, этот процесс всячески поощряется, если он соответствует интересам всего народного хозяйства. Поэтому у нас не может быть речи о моральном износе машин, который присущ капиталистическому хозяйству.

Наконец разница между основным капиталом и основными фондами находит свое отражение еще в том, что основной капитал является материальной основой циклического движения капиталистического производства, а основные фонды не знают циклов, ибо советскому хозяйству не присущи кризисы и цикличность развития. Во время кризиса цены на товары резко падают. Низкие цены в состоянии выдержать только предприятия с более высокой техникой. Отсюда у капиталистов возникает естественное желание обновить технику, старые, менее совершенные машины заменить новыми, снизить издержки производства и тем самым сделать предприятия рентабельными и при тех низких ценах, которые установились в результате кризиса и продолжающейся после него депрессии.

Подъем техники, замена старого оборудования новым, организация новых предприятий есть не что иное как обновление основного капитала. Массовое переоборудование и строительство новых предприятий неизбежно приводят к оживлению, а потом и к подъему капиталистического производства. Этот подъем в силу противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения не сопровождается соответствующим подъемом потребления, и через известный период наступает новый кризис на более глубокой основе. Из сказанного видно, что непосредственным толчком к периодическому подъему производства в капиталистическом хозяйстве служит периодически возникающая потребность в обновлении основного капитала вследствие не только физического износа основного капитала, но и главным образом вследствие его морального износа. Таким образом материальной основой цикличности является периодическое обновление основного капитала. Но если бы не было основного противоречия капитализма, обновление основного капитала само по себе не могло бы вызвать кризисов. Весьма ярким доказательством этого может служить обновление наших основных фондов,

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 151.

которое не вызывает кризисов в советском хозяйстве. В силу отсутствия противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения в советском хозяйстве обновление основных фондов совершается без цикличности.

★

Итак, весь анализ социальной формы и технико-экономического содержания основных фондов и противопоставление их социальной форме и вещественному содержанию основного капитала показывают диалектическое единство социальной формы и содержания основных фондов. Социальная форма основных фондов одновременно дается в самом содержании их, а содержание оформляется и проявляется через эту же форму. Отсюда следует, что нельзя ограничиться только утверждением коренной социальной разницы между основным капиталом и основными фондами. Необходимо подчеркнуть, что основной капитал и основные фонды отличаются друг от друга не только по своей социальной форме, но и по своему технико-экономическому содержанию. Различные социальные формы (капиталистическая и социалистическая) обуславливают различное технико-экономическое содержание основного капитала и основных фондов. И тот, кто видит разницу между основным капиталом и основными фондами только в их социальных формах и вкладывает в эти противоположные социальные формы единое и универсальное содержание, выступает как ярко выраженный механист. Известно, что именно для механистов характерна трактовка вопроса о том, что различные социальные формы имеют единое, универсальное для всех общественных форм содержание.

Стахановское движение и использование оборудования¹

I

Степень интенсификации основного капитала промышленности определяет объем производства, уровень издержек производства и темп процесса воспроизводства в целом. «Период воспроизводства стоимости машин и других составных частей основного капитала практически определяется не тем временем, когда они просто существуют, а общей продолжительностью того процесса труда, в течение которого они функционируют и утилизируются»². Увеличением использования основного капитала во времени и в единицу времени достигается то, что стоимость основного капитала воспроизводится в течение меньшего числа оборотов, и таким образом уменьшается время, на которое она должна быть авансирована для получения определенного экономического эффекта.

Противоречие между общественным способом производства и частной формой присвоения, циклический характер воспроизводства капиталистического хозяйства никогда не позволяют с полной нагрузкой использовать производственный аппарат. Так, например, даже в период высокой конъюнктуры незагруженные станки в машиностроении капиталистических стран составляют не менее 20—25%. Всеобщий кризис капитализма принес с собой хроническую недогрузку производственного аппарата промышленности. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. уменьшил использование основного капитала до невиданных в истории капитализма размеров. Недогрузка производственного аппарата капиталистической промышленности может быть устранена лишь с уничтожением самого капиталистического способа производства. Буржуазные экономисты редко занимаются анализом использования основного капитала промышленности. В тех же случаях, когда они в той или иной форме ставят вопрос об использовании мощности капиталистической промышленности, они затушевывают действительное положение вещей. «Исследование» Германского конъюнктурного института³ об использовании производственных мощностей германской промышленности в 1934 г. и первой половине 1935 г. является примером подобного рода апологетических изысканий. В своих исчислениях авторы «Исследования» совершенно не принимают во внимание мощности неработающих предприятий. Вместо технической мощности они оперируют надуманной,

¹ Статья является частью работы, выполненной автором в Институте промышленно-экономических исследований НКТП СССР.

² Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 46, изд. 5-е.

³ «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung» № 36, September, 1935.

«хозяйственной мощностью», которая ниже технического максимума процентов на 15—20. Положив в основу эту «методологию», институт дает явно завышенные показатели использования производственной мощности немецкой промышленности, определяя его для 1934 г. в 60%, для первой половины 1935 г. в 67%, в частности в машиностроении соответственно — в 54 и 77%.

Современный капитализм неспособен использовать созданные им производительные силы, в том числе мощность основного капитала. Низкий коэффициент использования мощностей капиталистической промышленности обуславливает разрыв в темпе роста основного капитала и продукции, обостряет проблему «постоянных издержек». Не случайно этим вопросом в связи с нагрузкой усиленно занимались виднейшие представители современной буржуазно-экономической мысли. Шмаленбах на съезде доцентов по изучению экономики предприятий даже считал, что рост постоянных издержек явился будто бы причиной структурных сдвигов послевоенного капитализма. Буржуазная литература повторяет взгляды Шмаленбаха, Зомбарта по вопросу о постоянных издержках, отнюдь не способствуя вскрытию действительных причин той остроты, которую эта проблема приобрела для всего капиталистического производства. Буржуазные экономисты не могут и не хотят понять того факта, что в известной мере рост постоянных издержек выражает рост производительности труда. Но в условиях капитализма, эпохи всеобщего кризиса с его архинизким коэффициентом использования производственных мощностей предприятий, этот рост означает рост «издержек загнивания».

Социалистическая промышленность уже к началу второго пятилетия опередила капиталистическую индустрию по показателям использования оборудования во времени (процент действующего оборудования, сменность и т. д.). Второй пятилетний план поставил задачу повышения использования мощности производственного аппарата во всех отраслях народного хозяйства. Эта задача является важнейшей частью плана освоения техники.

И н т е н с и ф и к а ц и я использования основного капитала советской промышленности на первом этапе освоения лимитировалась недостаточной квалификацией рабочих, неудовлетворительной организацией производства и т. д. Но теперь в социалистической промышленности имеются уже люди, «вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать» (Сталин). Задачей нашей промышленности является распространение максимальных, стахановских коэффициентов использования оборудования на все отрасли промышленности, на всю колоссальную массу основных фондов. Стахановское движение призвано решить задачу создания более высокой, чем при капитализме, производительности труда.

Степень использования основного капитала находит свое обобщающее выражение в соотношении фактической продукции и производственной мощности. Рост использования производственного аппарата социалистической промышленности характеризуется тем, что рост промышленной продукции в ряде отраслей обгонял темп роста мощностей. Так, в черной металлургии, автотракторной, химической, электроэнергетической промышленности и в ряде других отраслей в 1934 г. рост продукции обгонял рост основных фондов. Но это были лишь первые шаги на пути использования основных фондов.

На данном этапе освоения борьба за использование оборудования сосредоточивается на увеличении интенсивной его нагрузки (повышение коэффициентов использования мощностей, машинного времени, режимов эксплуатации и т. д.). Этим не уничтожается необходимость увеличения коэффициента сменности для отдельных отраслей, предприятий. Но стахановское движение, которое «органически связано с новой техникой» (Сталин), ломая старые технические нормы, проектные мощности, оказывает сильнейшее влияние на интенсивную и экстенсивную эксплуатацию оборудования. В свете стахановского движения особенно ясна ошибочность теорий абсолютного использования оборудования, пределов использования машин.

В результате технического прогресса, повышения квалификации рабочих, улучшения организации производства рамки использования оборудования расширяются. Одним из решающих факторов, определяющих максимальное использование техники, являются кадры. «Можно иметь первоклассную технику, первоклассные заводы и фабрики, но если нет людей, способных оседлать эту технику, техника так и останется у вас голой техникой» (Сталин). Эту решающую роль живого фактора, субъекта в производстве, блестяще вскрыл товарищ Сталин в речах на выпуске академиков Красной армии и на совещании стахановцев. В свое время Маркс отмечал односторонность Годгскина в рассмотрении диалектики объекта и субъекта в производстве. «То, чего Годгскин не подчеркивает, поскольку для него имеет значение, в противоположность грубому представлению экономистов, сделать ударение на субъекте, так сказать на субъективном в субъекте, в противоположность вещи, есть ступень развития производительности труда., которая имеется не только как дарование, способность рабочего, но также в вещественных орудиях, которые этот труд создал себе и которые он ежедневно возобновляет. Это настоящий Plus, составляющий исходный пункт, и этот Plus есть результат процесса развития»¹.

Производственная мощность страны — это не только оборудование (машины, станки и т. д.). Живой фактор играет активнейшую роль. «Из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (Сталин). Роль «живого» фактора в производстве при механизации отнюдь не снижается. Маркс ясно показал апологетический характер переоценок вещественных условий производства. «Так как экономисты отождествляют прошедший труд с капиталом., то понятно, что они как Пиндары капитала выдвигают вперед вещественные элементы производства и переоценивают их значение по сравнению с субъективным элементом, живым, непосредственным трудом... Экономисты неправильно придают слишком важное значение вещественному моменту в противоположность самому труду»².

Теории падения роли «субъекта» в производстве отражают капиталистические отношения с их властью машин над рабочим. Иная роль субъективного фактора в нашей промышленности. Она особенно резко вырисовывается на фоне высокой производительности труда, достигаемой стахановцами. Стахановское движение наглядно показывает новые взаимоотношения живого и мертвого труда. Способствуя максимальному использованию оборудования, стахановское движение обуславливает огромный рост производительности труда. Но «в ка-

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 228—229, изд. 1932 г.

² Там же, стр. 213—214.

питалистических странах серьезный рост производительности труда обязательно вызвал бы сокращение числа занятых рабочих, падение зарплаты, рост безработицы, рост нищеты, ибо капитализм не может не сковывать производительные силы страны. В СССР, наоборот, бурный рост производительности труда обязательно ведет к расширению фронта производства, к увеличению количества действующих станков и агрегатов и, следовательно, к росту количества занятых рабочих, к росту их зарплаты, ибо советский строй, освободив производительные силы от капиталистических оков, не может не вести к всемерному их развитию» (из резолюции декабрьского пленума о стахановском движении).

II

Проследим влияние стахановского движения на использование оборудования в ведущем звене машиностроения СССР — станкостроении.

Роль машиностроения в народном хозяйстве состоит в том, что оно воспроизводит важнейшую часть основного капитала для всех подразделений народного хозяйства. Не случайно Маркс писал, что «средства труда — не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹. Особое место в воспроизводстве оборудования в ряду отраслей машиностроения принадлежит отрасли, производящей машины для производства машин, станкостроению. «Крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самую машину, должна была производить машины машинами. Только тогда она создала адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги»². Важнейшую роль станкостроение выполняло не только на заре развития машинной индустрии — роль его сохраняется и усиливается во всяком индустриализированном народном хозяйстве. «Экономический и технический прогресс всякого машиностроения находится в прямой зависимости от соответственного оборудования станками и инструментом. Отсюда ясна ведущая роль станкостроения и инструментального дела»³. Станкостроение в условиях социалистической промышленности — ведущее звено плана машиностроения. Станковооруженность страны — это показатель степени индустриализации и ее технико-экономической независимости. Именно поэтому, обосновывая программу индустриализации нашей страны, товарищ Сталин на XIV съезде партии отмечал: «Они хотели бы, чтобы мы ограничивались производством, скажем, автомобилей, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только автомобили, но и машины, производящие автомобили»⁴. Учитывая это, особенно важно проследить использование оборудования именно в данной отрасли.

«Без новой техники, без новых заводов и фабрик, без нового оборудования стахановское движение не могло бы у нас зародиться» (Сталин). В станкостроении создана огромная техническая база. Реконструированные старые станкостроительные заводы («Самоточка», «Красный пролетарий», завод им. Свердлова и другие), введенные в эксплуатацию новые заводы: револьверных станков в Москве, фрезерных станков в Горьком, сверлильных станков в Харькове, строя-

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 121, изд. 1935 г.

² Там же стр. 291.

³ «Первый пятилетний план», т. II, ч. 1, стр. 156, изд. 3-е.

⁴ «Стенографический отчет XIV съезда», стр. 489.

щиеся заводы автоматов в Киеве, тяжелых станков в Челябинске создают огромные производственные мощности станкостроения. Новые станкостроительные заводы СССР имеют первоклассное в техническом отношении оборудование. Структура их парка с точки зрения удельных весов высокопроизводительных станков и станков квалифицированной отделки почти соответствует структуре американского станкостроения и выше структуры ряда европейских заводов.

Важнейшим показателем интенсивного использования оборудования является использование его по мощности. Уже самый общий показатель — отношение фактически затраченного количества электроэнергии к количеству энергии, теоретически необходимому при полной нагрузке имеющегося парка на заводе станков, — вскрывает далеко недостаточную степень использования оборудования. Так, за первое полугодие 1935 г. (до стахановского движения) на основных базах нашего станкостроения — на заводе «Красный пролетарий» и станкозаводе им. Орджоникидзе (по механическим цехам с учетом сменности) — этот коэффициент составлял:

Заводы	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
«Красный пролетарий» . . .	27,3	23,4	23,2	24,0	23,7	24,6
Станкозавод им. Орджоникидзе	16,0	16,5	15,0	20,0	16,0	20,0

Такой низкий коэффициент использования мощности парка был результатом заниженных режимов эксплуатации оборудования (скорость, подача и т. д.) и неудовлетворительной организации производства, проявляющейся в больших простоях оборудования и неравномерной его эксплуатации в течение суток, пятидневки. Так, анализ силового графика среднесуточного расхода электроэнергии станкостроительных заводов вскрывает определенную закономерность кривой потребления энергии, возрастание ее в середине шестидневки и падение перед выходным днем и после него. Это же показывает и анализ нагрузки машин в течение рабочего дня. Нагрузка достигает максимума по прошествии часа от начала работы, снижается уже задолго до обеда и снова достигает максимума спустя долгое время после обеденного перерыва. Подобные лихорадочные кривые встречаются на всех наших станкостроительных заводах.

Своей ритмичной работой стахановцы, «овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что из нее можно выжать», вносят радикальные поправки в коэффициент использования мощностей. Проведенные стахановские однодневки и пятидневки на заводах «Красный пролетарий» и станкозаводе им. Орджоникидзе показали большую равномерность степени использования оборудования. Особенность стахановца состоит в том, что он эксплуатирует свой станок интенсивно уже с начала рабочего дня. В качестве иллюстрации укажем например на стахановку завода им. Орджоникидзе Дунаеву, выработка у которой в начале рабочего дня (с 8 час. утра) уже идет на высоких показателях — 400% нормы.

О недоиспользовании мощности оборудования станочных заводов говорит не только приведенный выше общий показатель, о том же говорит и обследование использования мощностей отдельных станков. Так например, произведенное в августе 1935 г. обследование на стан-

костроительном заводе им. Свердлова показало, что средний процент использования мощности токарных станков составляет 30,5, карусельных — 11,8, строгальных — 20,9. Несмотря на мелкосерийный характер производства завода, такой коэффициент использования станков явно недостаточен. Комиссия сектора труда НКТП считала вполне возможным повысить его до 30% и выше. Как неполно использовалось оборудование на наших заводах и как много из него можно еще выжать, показывает анализ режимов эксплуатации оборудования (определяющих использование мощности станка), которые были достигнуты стахановцами заводов.

Важнейшим фактором, определяющим степень использования мощности станка, является скорость резания металла. «При данной сфере деятельности рабочей машины, т. е. при данном количестве ее орудий или, если дело идет о силе, при данном их объеме, масса продукта зависит от скорости, с которой она оперирует, т. е. например от скорости вращения веретен или числа ударов, производимых молотом в течение одной минуты»¹.

Скорость резания — важнейший показатель степени использования производительности оборудования. Недаром немецкий ученый и капиталист Шлезингер считал, что дивиденды многих станочных заводов лежат на острие резца.

Стахановское движение заставило пересмотреть все факторы, определяющие производительность оборудования. Особенно большие коррективы оно внесло на станочных заводах в нормы скоростей резания металла. Достаточно наглядно показывает это следующая таблица:

Изменение режимов резания, достигнутое стахановцами на станкостроительном заводе им. Орджоникидзе

Станок	Режущий инструмент		Характер работы	Режим работы			
	ранее	теперь		скорость резания в м/мин.		подача в мм/обор.	
				ранее	теперь	ранее	теперь
Горизонтально-фрезерный Фридрих-Вернер	Быстрорежущая сталь	Тот же	Прорезка канавки	16	34	21	32
Токарный фирмы „А. В. Г.“	Быстрорежущая сталь	„Победит“	Проточка шеек под люнет	20	70	0,3	1
Токарно-револьверный Шои М-10	„Победит“	Тот же	Черновая проточка	50	75	0,21	0,47
То же	„	„	Чистовая проточка	50	123	0,21	0,32
То же	„Победит“ РЭ-8	„Победит“	Черновая торцовка	30	56	0,32	0,47
То же	„Победит“ РЭ-8	Тот же	Чистовая торцовка	30	153	0,32	0,21
Токарно-револьверн. фирмы ВАРД № 7	„Победит“	„	Черновая проточка	30	70	0,28	0,28

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 328, изд. 7-е, 1931 г.

Наименование переходов	Н о р м ы Т Н Б						Нормы, достигнутые т. Комиссаровым							
	Режим обработки			Время			Режим обработки			Время				
	Глубина резания (в км)	Подача в км на 1 оборот	Скорость резания в м/мин	Число оборотов шпинделя	Число проходов	ма- шин- ное	руч- ное	в минутах	Подача в км на 1 оборот	Скорость резания в м/мин	Число оборотов шпинделя	Число проходов	ма- шин- ное	руч- ное
Подготовительно - заключительное время	—	—	—	—	—	—	4,5	—	—	—	—	—	—	28
Установить и снять деталь	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	4,0
Расточить отверстие 160, 133	0,4	0,18	38,6	77	4	38,4	2,5	0,53	38,6	77	1	3,3	2,5	
Расточить отверстие 300, 26,5	0,4	0,18	40,3	43	4	13,7	2,0	0,36	38,6	77	1	4,8	2,0	
Подрезать торец обода шкива 368/300, 31,5	0,75	0,18	35,0	34	2	10,3	1,0	0,53	72,5	77	1	1,0	0,7	
Подрезать торец втулки 200/150, 20	0,75	0,18	19,2	34	2	6,5	1,0	0,36	80	77	1	1,1	0,7	
Снять фаски по торцу втулки 200/160	—	—	—	—	2	0,5	—	—	—	—	2	0,5	—	
Итого	•					69,4	11,5					12,1	9,8	
Прибавочное время на неизбеж- ные потери — 6,7% от общего времени							5,3						1,0	
Прибавочное время на заточку инструмента 6% от машинного времени							4,1						—	
Всего времени на 1 штуку							90,3						22,9	

Наименование перехода	Р е ж и м Т Н Б						Режим работы, применяемый т. Шелмановым					
	инструмент	число оборо-тов	скорость реза-ния в ж/мин	число прохо-дов	подача в л	время машин-ное (в мину-тах)	инструмент	число оборо-тов	скорость реза-ния в ж/мин	число прохо-дов	подача в л	время машин-ное (в мину-тах)
Фрезеровка шлиц	Пила ф 275	14	12,1	2	18	10,0	Пила ф 275	14	12,1	2	38	4,75
Фрезеровка выемки на зер-кале	Фреза ф 125 быстрое-жуш.	36,5	14,5	1	38	26,6	Фреза ф 125 „Победит.“	120	47	1	147	6,9
Фрезеровка платика	Фреза ф 122 Б 1	28 40	10,7 40.	1 1	38 94	23,4 19,3	Фреза ф 100 П 2	120 120	37,7 37,7	1 1	147 147	7,33 7,33
Фрезеровка бобышки	Фреза 122 Б	28	10,7	1	38	2,1	Фреза ф 100 П	120	37,7	1	147	0,54
Фрезеровка уха	Фреза ф 50 Б	70	13,2	1	38	1,34	Фреза ф 60 П	70	13,2	1	38	1,34
						87,74						28,19

1 Быстрорежущий.
2 „Победит.“

До стахановских дней максимальная скорость резания составляла 60 м в минуту, стахановцы же довели скорость до 120 м в минуту, а иногда и до 200 м. Пересмотр не ограничивается изменением скоростей резания — стахановцы увеличивают все факторы, определяющие использование мощности оборудования (подачи, глубины резания).

Стахановцы второго гиганта станкостроения, завода «Красный пролетарий», внесли также немало поправок в режимы резания и процесс обработки вообще.

Достаточно проанализировать режимы стахановца Комиссарова, работающего на карусельном станке фирмы «Буллорд».

Таблица на стр. 32 показывает, что благодаря изменению всех факторов, определяющих использование станка, Комиссаров выполняет штучную норму вместо 90,3 мин. в 22,9 мин., т. е. в 4 раза быстрее. Скорость резания на четвертой операции он довел до 80 м в минуту при увеличении вдвое подачи. Стахановец того же завода Купчихин сократил время обработки шпинделя передней бабки с 207,24 до 84 мин., добившись этого прежде всего за счет изменения режимов. Стахановцы вносят революцию не только в скорость резания, но и во все факторы, определяющие использование мощности. Так, стахановец того же завода Росляков установил более производительный режим работы за счет увеличения подачи, что позволило ему сократить машинное время с 200 до 101,4 мин. и систематически выполнять норму на 202%.

Было бы неправильно думать, что высокие нормы выработки стахановцев станкостроения определяются только изменением технологического режима. Рекордная выработка некоторых стахановцев есть результат и организационных улучшений.

Крупнейший станкостроительный завод фрезерных станков в Горьком пока в меньшей степени, чем передовые заводы станкостроения (им. Орджоникидзе, «Красный пролетарий»), развернул стахановское движение. Но отдельные стахановцы этого завода достигли многого в изменении технологических режимов (см. табл. на стр. 33). Так, фрезеровщик Шелманов, работая на продольно-строгальном станке «Кендель-Джент», в течение 2 месяцев выполняет нормы на 300%. Это — результат измененных режимов резания (скорости, подачи).

Замена инструмента из быстрорежущей стали инструментом из «Победита» позволила сократить машинное время на все пять операций более чем в 3 раза. Революционная роль стахановского движения состоит в том, что оно преодолевает существующие нормы и установленные проектные мощности не столько интенсификацией труда, сколько полным освоением новой машины, изменением технологического процесса.

Стахановская практика в станкоиндустрии вскрыла в частности неудовлетворительное современное состояние теории резания. Так, по стали средней твердости для полуобдирочной стружки справочники рекомендуют следующие разнообразные скорости резания¹:

Пирожков и Осьминкин	21 м/мин.	Гипромаш	52 м/мин.
Июффе	32 м/мин.	По испытаниям получено	64 м/мин.

Изменение режимов эксплуатации оборудования в сторону их повышения с учетом стахановских норм вскрывает огромные произ-

¹ «К новым техническим нормам», стр. 60, 1936 г.

водственные резервы станочных работ. Подсчеты бригады Экспериментального института металлорежущих станков и Московского машиностроительного института показывают, что перевод токарно-револьверной группы станков парка СССР на режимы работы, практически проверенные произведенными опытами, позволит получить дополнительные резервы оборудования, исчисляемые в 20 с лишним тыс. станков¹.

Стахановец станкозавода им. Орджоникидзе Гудов при обработке крышки коробки скоростей револьверного станка при норме штучного времени ТНБ в 8,5 мин. и проектной норме в 6,6 мин. затратил 0,6 мин.

Штучное время, запроектированное и фактически затраченное т. Гудовым для выработки крышки револьверного станка

	Норма немецкого проекта	Норма завода	Фактич. затраченное время
Машинное время (в мин.)	3,5	6,14	0,5
Вспомогательное время	1,0	1,50	0,1
Дополнительное время	2,1	0,86	0,0
Итого штучное время . . .	6,6	8,50	0,6

Этих показателей т. Гудов достиг за счет изменения технологии процесса обработки, установления одновременно шести деталей вместо одной, за счет работы на большей скорости резания и двумя фрезами вместо одного.

Осваивая технику, стахановцы обгоняют на отдельных участках немецкие проектные нормы. Вот данные об обработке детали № 366097 на станке фирмы «Леве» (мотор мощностью 5 л. с.) на заводе им. Орджоникидзе:

	Стахановская норма	Немецкая норма
Скорость резания (в м/мин.)	27	25
Машинное время (в мин.)	0,5	0,9
Подготовительное время (в мин. на штуку)	0,35	0,6
Вспомогательное время (в мин. на штуку)	0,25	0,4
Прибавочное время (в мин.)	0,15	0,5
Штучное время (в мин.)	0,9	1,8
Выработка в смену (в штуках) . . .	465	233

Работа по немецким нормам загружает станок только на 50%, тогда как стахановец загрузил станок на 90%. Это обстоятельство позволило ему уменьшить машинное и вспомогательное время.

III

Повышение коэффициента машинного времени является одним из важных методов, с помощью которого стахановцы достигают повышения использования оборудования. «В машиностроении стахановское движение должно быть направлено... на повышение использования машинного времени» (из резолюции декабрьского пленума ЦК ВКП(б).

¹ «К новым техническим нормам», стр. 4.

«Для того, чтобы поднять увеличенное количество металла, нашим машиностроителям надо сегодня же взяться за лучшее использование станков своего оборудования... В этом деле... определение использования оборудования по машинному времени должно сыграть ту же роль, что коэффициент использования объема доменных печей»¹. На предприятиях, где существует сплошной учет оборудования по машинному времени, удалось ближе подойти к выявлению потенциальных возможностей оборудования. Машинное время дает возможность судить о «пористости» смен, т. е. о действительной работе машин за определенное время. Машинное время на заводе «Красный пролетарий» в начале 1935 г. составляло (в процентах ко всему времени):

Механический цех № 1	Инструментальный цех	Цех приспособлений	Экспериментальный	Ремонтный
36,6	28,0	32,0	22,0	29,0

На станкозаводе им. Свердлова в августе 1935 г. машинное время у токарей крупномеханического цеха составляло 38%, инструментального цеха — 29,4%, у фрезеровщиков мелкомеханического цеха 36,3%, инструментального — 38,6%.

Развернувшееся на станкостроительных предприятиях стахановское движение с его борьбой за снижение ручного времени, сокращение всевозможных простоев станка, устранение организационных неполадок, централизация заточки инструмента, ускорение наладки станков позволило повысить норму машинного времени до 60%, а по отдельным операциям и выше. Проведенные фотографии на заводе «Красный пролетарий» в конце 1935 г. и в начале 1936 г. показали следующую норму машинного времени у стахановцев (в процентах к общему времени):

Станок № 99 стахановца Балашова разр. IV	Станок № 141 Болгова	Станок № 38 стахановца Комиссарова разр. V	Станок № 44 стахановца Купчихина разр. VI	Станок № 46 стахановца Косолапова разр. VI	Станок № 60 стахановца Машкова разр. III	Станок № 270 стахановца Ефимова разр. IV	Станок № 126 стахановца Киткель
50,4	54,0	59,5	60,4	61,0	51,5	65,58	58

Наше станкостроение сможет значительно увеличить пропускную способность своего оборудования за счет повышения доли машинного времени и снижения ручного времени. Стахановцы показывают пути использования этого резерва.

IV

Одним из средств увеличения использования мощности станков, машин является применение твердых сплавов, внедрение которых дает огромный техно-экономический эффект. Недостаточная квалификация рабочих и консерватизм, нередко встречавшийся на предприятиях, являлись основным препятствием для широкого внедрения

¹ «Совет при НКТП Союза ССР», стр. 308, изд. 1935 г.

твердых сплавов в наше машиностроение. Достаточно сказать, что на Горьковском заводе фрезерных станков все станки, работающие на твердых сплавах, при самых лучших условиях работы могли дать в год 910 тыс. станкочасов машинного времени, а все резцы, израсходованные с твердыми сплавами в 1934 г., должны были дать по самым минимальным подсчетам 1400 тыс. станкочасов. Следовательно из-за недостаточной квалификации рабочих расходовалось резцов (очень дорогих) почти в 2 раза больше нормы.

Появление в нашей промышленности людей, «вполне овладевших техникой своего дела», открывает широкие возможности применения твердых и сверхтвердых сплавов как источника вскрытия и использования огромных потенциальных возможностей социалистической промышленности. При капитализме противоречия между капиталистическими концернами стоят на пути к широкому развитию дела твердых сплавов. Обследование, произведенное в американской промышленности о потребляемых сортах стали для резцов, показало, что отдельные сорта сталей составляют следующий процент: углеродистая — 15, быстрорежущая — 76, кобальтовая — 4, стеллит — 3, карбиды вольфрама и тантала — 2¹.

«Концентрация производства твердых сплавов в руках монополистических гигантов, как Крупп в Германии и Дженерал Электрик К° в США, влечет за собой не только хищнический захват львиной доли выгод, обеспечиваемых применением твердых сплавов, не только поддерживает цены на твердые сплавы на непомерно высоком уровне, но и препятствует широкому внедрению твердых сплавов в производство, поскольку революционизирующее влияние их обуславливает такие коренные сдвиги в темпах производства и в самом оборудовании, что грозит опрокинуть всякие нормы амортизации основного капитала бесчисленных потребителей машин и инструментов, выпускаемых теми же концернами»².

Следовательно внедрение твердых сплавов в промышленность — это не только технический вопрос. Применение их в капиталистической промышленности, означая повышение интенсификации, эксплуатации рабочих, снижая издержки производства, одновременно сокращает число занятых рабочих, увеличивает армию безработных. Так например, в немецком машиностроении внедрение сверхтвердых сплавов увеличило выработку токарных станков от 10 до 50%, револьверных — почти вдвое, в станкостроении — на 50%, в котлоаппаратостроении — в шесть раз и одновременно привело к сокращению числа рабочих в котлоаппаратостроении почти в 6 раз, в станкостроении — на 35—40%³, обострив тем самым хроническую безработицу.

Социалистическая промышленность дает простор техническому прогрессу, в том числе широкому внедрению твердых сплавов. В первой пятилетке они широко применялись лишь в нефтяной промышленности. В машиностроении, в частности в станкостроении, они находили недостаточное применение. В 1932 г. в станкостроении процент машин, работающих с инструментом из твердых сплавов, составлял 5,3, из быстрорежущей — 70,3 и углеродистой — 24,4⁴. Из-за недостаточной квалификации рабочих и технической косности этот колоссальный резерв увеличения производственной мощности стан-

¹ «The Machinist» № 48, 1934 г.

² Резолюция I Всесоюзной конференции по твердым сплавам 1932 г., стр. 4.

³ «Rationalisierung in der Metallindustrie», 1931.

⁴ «Металлообрабатывающее оборудование СССР», ЦУНХУ, 1935 г., выпуск V, стр. 55.

костроительных заводов оставался в значительной мере нереализованным. Лишь в 1935 г. и особенно в последние месяцы 1935 г. под влиянием стахановского движения, требующего и вносящего изменения в технологический процесс, наметился перелом в деле внедрения твердых сплавов.

Так, на станкозаводе им. Орджоникидзе из 406 станков, которые могут быть переведены на работу резцом из твердых сплавов, в 1935 г. было переведено на эту работу 184 станка. На «Красном пролетарии» на работу резцом из твердого сплава переведено 144 станка и на «Самоточке» 40 станков, что составляет около 20% всего парка этих заводов. Для станкостроения это далеко не достаточно. Твердыми сплавами охвачены пока лишь токарные и револьверные станки, очень слабо охвачены строгальные, карусельные и почти не охвачены фрезерные и другие виды станков.

Развертывание стахановского движения «вширь и вглубь» обеспечивает увеличение использования мощности машин за счет внедрения более производительных резцов металла.

V

Стахановское движение показало еще одну интересную сторону проблемы использования оборудования. Дело в том, что определенная часть станочного парка нашей промышленности не может быть переведена на работу с твердыми сплавами из-за маломощности станков. Так, в станкостроении удельный вес отдельных групп станков по мощности, согласно данным переписи, был следующий (в процентах к общему числу машин)¹:

До 1,0 л. с.	1,0 до 2,0 л. с.	2,1 до 3,0 л. с.	3,1 до 5,0 л. с.	5,1 до 10,0 л. с.	Свыше 10,0 л. с.
19,2	25,0	18,1	19,8	14,0	3,9

Между тем резец из твердого сплава требует следующей мощности станков (в л. с.).

Потребная мощность при обработке стали²

Инструмент	Сечение стружки									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
«Победит»	2,7	4,3	5,2	6,0	6,4	6,65	6,9	7,0	7,1	7,2
«Победит РЭ-8»	3,8	5,9	7,2	8,1	8,8	9,4	9,55	9,7	9,8	9,9
«Победит Альфа»	6,6	10,6	13,2	15,1	17,0	18,1	19,4	20,2	21,0	21,5

Потребная мощность при обработке чугуна (средней твердости)

Инструмент	Сечение стружки									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
«Победит»	1,6	2,6	3,45	4,0	4,5	5,0	5,3	5,6	6,2	6,9
«Победит РЭ-8»	1,9	3,25	4,2	5,0	5,5	6,0	6,5	6,9	7,3	7,6

¹ «Оборудование металлообрабатывающей промышленности», вып. II, 1935 г., стр. 146.

² «Машиностроитель» № 3 за 1935 г., стр. 20.

Приведенные данные указывают на известную диспропорцию между фактической мощностью станков и потребной мощностью при условии работы резцом из твердого сплава. Удельный вес станков до 3 л. с. составлял 62,3%, в то время как при обработке стали «Победитом» при наименьшей подаче требуется уже около 3 л. с.

Следует конечно учесть, что эта характеристика станочного парка станкостроения относится к 1932 г. Станки, введенные в эксплуатацию после переписи, уже на 1 января 1934 г. повысили среднюю мощность металлорежущего станка с 3 до 3,7 л. с., а средняя мощность выпускаемого станка в 1935 г. составила уже 9 л. с.

Несмотря на это, игнорировать необходимость модернизации известной части станочного парка нашего станкостроения было бы неправильно. Ознакомление с работой ряда заводов показывает, что кое-что ими было в этом отношении проделано. Так, на заводе «Большевик» в Киеве уже в 1934 г. была проведена модернизация оборудования внесением несложных конструктивных изменений, увеличением мощности и скорости, правильной кинематической настройкой, пристройкой одиночных приводов и приспособлений. В результате пропускная способность механического цеха выросла на 25—30% при улучшении качества выпускаемой продукции и использовании менее квалифицированной рабочей силы¹.

В борьбе за «использование техники до дна», за новые режимы обработки (скорости, подачи и т. д.) стахановское движение, вызывая изменение технологии, использует модернизацию оборудования как дополнительный резерв использования оборудования. Так, в связи с увеличением скоростей резания на заводе револьверных станков им. Орджоникидзе пришлось заменить моторы у карусельных станков (вместо 15 л. с. — 25 л. с.). На полуавтоматах Шютте мотор в 8 л. с. заменен мотором в 12 л. с., увеличена мощность моторов на станках «136» до 10 л. с. Эти мероприятия позволили пользоваться резцами из твердых сплавов. Стахановское движение заставило перестроить в крупном и мелком механическом цехе на заводе им. Свердлова парк токарных станков на увеличенное число оборотов. В результате этого достигнуто увеличение мощности станков в два раза. Необходимость введения более высоких режимов для обточки на заводе «Красный пролетарий» обусловила замену мотора (у станка ДИП-200) в 3,5 квт более мощным мотором — в 6—7 квт.

Применение стахановцами более жестких режимов резания, твердых сплавов в широких размерах вызывает необходимость увеличения мощностей моторов. Средством увеличения мощности мотора является модернизация в ее различных формах. На отдельных наших станкостроительных заводах довольно часто встречается разрыв мощности мотора с мощностью, потребной станку. Стахановское движение, способствуя уничтожению этого разрыва, вскрывает тем самым огромные резервы оборудования в станкостроении.

В капиталистической промышленности под ударами жесточайшего кризиса, в условиях замедления обновления основного капитала, идее модернизации уделялось немалое внимание и в литературе и в практике. В периоды неблагоприятных «экономических условий» нередко случалось, когда нет возможности достать средства для новых капиталовложений. Тогда не остается ничего больше, как предпринять

¹ «Наука на службе тяжелой промышленности СССР», 1934 г., стр. 60.

улучшение находящихся в производстве станков имеющимися в распоряжении средствами»¹. В числе средств модернизации станков на первое место выдвигается проблема изменения приводного механизма.

Введение в производство твердых сплавов вызывает модернизацию станков, увеличивающую их скорость. Такая перестройка легко производится в случаях, когда главным движением является вращательное. Значительно труднее модернизация станков с прямолинейным движением. В этом случае лучшее решение задачи — изменение привода. Так например на немецком заводе «Ман» в результате перестройки строгальных станков путем замены механического привода гидравлическим получились следующие техно-экономические результаты²:

Инструмент	До перестройки	После перестройки
	трансмиссионный привод быстрорежущая сталь	гидропривод твердый сплав
Количество резцов	2	2
Скорость резания (в м/мин.)	15	45
Количество снимаемой стружки в 1 мин. (в см ³)	563	1365
Машинное время в мин. .	103	39
Общее время, включая ручное (в мин.)	156	86

Уменьшение времени на обработку деталей обусловило снижение издержек производства с 10,9 до 7,85 марки на 1 штуку.

В числе других средств омоложения подержанных станков указывается модернизация с помощью оснастки станков дополнительными принадлежностями, приспособлениями, настройки станка на определенную операцию, изменения системы подшипников и т. д. В силу разнообразного характера станочного парка, различных форм и степени износа невозможно конечно дать исчерпывающие рецепты повышения производительности его. Конкретные особенности станка и износа его определяют своеобразие методов модернизации. В «Maschinenwesen» мы читаем, что «многие подержанные токарные станки имеют недостаточное число оборотов, для того чтобы использовать твердые сплавы. Но они имеют супорта и заднюю бабку довольно крепкие. Благодаря пристройке к старому станку «Loeve» быстровращающейся передней бабки удалось при относительно незначительных расходах повысить производительность этих токарных станков»³.

Наша промышленность с ее плановой организацией имеет значительно большие возможности омоложения части своего производственного аппарата. Внедряя новую технику, обновляя исключительно быстро свое оборудование, социалистическая промышленность в то же время максимально использует подержанное оборудование путем его модернизации. Стахановское движение, как мы видели выше, использует модернизацию оборудования как вспомогательное средство, для того чтобы выжать из техники максимум.

¹ «Maschinenbau», В. 12, 1933.

² «Die Werkzeugmaschine», № 22 и 24 за 1934 г.

³ «Maschinenwesen», № 77, 1935.

VI

Для характеристики экстенсивного использования активной части основных фондов — оборудования — пользуются обычно коэффициентом сменности оборудования. Привлечение для этих целей коэффициента сменности рабочей силы уже неточно хотя бы потому, что в ряде отраслей промышленности «процесс труда» и «процесс производства» не совпадают. Но коэффициент сменности оборудования правильно отражает использование оборудования во времени лишь при условии полной нагрузки наибольшей смены. На предприятиях станкостроительной промышленности мы этого часто не наблюдаем, поэтому для характеристики использования оборудования во времени воспользуемся соотношением числа фактически отработанных станко-часов к максимально возможному при 3-сменной работе.

Коэффициент использования оборудования производственных цехов по основным станкостроительным заводам Главстанкоинструмента за 1935 г.¹

Группы станков	Средний по Главку 1935 г.			З-д „Кр. Пролет.“			Им. Орджоникидзе			Фрезерных станков			Им. Свердлова		
	Январь	Июнь	Декабрь	Январь	Июнь	Декабрь	Январь	Июнь	Декабрь	Январь	Июнь	Декабрь	Январь	Июнь	Декабрь
Токарные . . .	74,3	64,1	73,8	85,9	64,3	82,4	60,7	60,0	76,1	59,6	51,6	54,7	74,6	63,6	63,1
Револьв. . . .	65,1	60,9	71,5	77,7	80,0	81,8	70,0	63,4	82,0	48,7	40,3	50,3	59,0	63,1	62,3
Сверлильн. . .	45,7	42,5	52,7	53,8	58,0	60,8	46,7	48,7	77,7	26,3	29,9	31,0	53,8	37,2	35,5
Расточные . . .	47,6	61,8	70,9	70,7	67,0	76,8	60,0	55,3	97,2	49,9	54,1	57,6	76,4	70,9	60,5
Шлифовальн. .	47,9	47,5	62,7	61,2	67,0	76,4	34,7	52,0	88,7	46,5	41,6	42,0	66,9	51,6	52,0
Зуборезн. . . .	47,1	39,5	48,5	68,3	68,0	73,2	54,0	38,7	55,0	26,9	28,3	31,9	26,0	30,4	25,4
Нарезные . . .	53,8	736,	47,0	—	—	—	52,7	73,4	78,0	—	—	—	—	—	—
Фрезерные . . .	62,3	52,5	65,7	63,4	64,0	71,0	62,7	51,4	78,5	55,6	45,4	51,7	61,0	51,5	65,8
Струг.-долб. . .	63,7	60,0	72,6	75,1	72,3	75,7	56,7	62,7	87,9	45,5	40,1	57,7	68,7	66,4	78,4
Итого	63,1	56,5	67,5	76,0	71,6	76,3	56,7	55,4	78,5	47,7	43,3	48,0	64,6	58,6	59,6

Эта таблица дает возможность представить картину «узких» и «широких» мест в станкостроительной промышленности, выявить некомплектность оборудования как в отрасли, так и по заводам. Степень использования во времени отдельных видов оборудования неровная. Наиболее полно используются во времени станки токарные, револьверные, нарезные и расточные. «Широкие» места парка — это в первую очередь сверлильные станки, шлифовальные и зуборезные. Анализ сменности обнаруживает, как это видно из приведенных данных, что некоторые станки не эксплуатируются даже полные две смены, хотя формально производственные цехи большинства станочных заводов работают в три смены. Ни одна из смен не является полносменной, работающей при всей потенциальной мощности.

Крупнейший завод, производящий фрезерные станки, в Горьком имел коэффициент использования оборудования в январе — 47,7, в июне — 43,3 и в декабре — 48. Следовательно завод не эксплуатирует оборудования полных две смены и имеет огромные резервы производственных мощностей. Старейший станкостроительный завод «Красный пролетарий» имел коэффициент использования: в январе —

¹ Данные Главка.

76, в июне — 71,6 и в декабре — 76,3, в то время как основные производственные цехи работали в три смены. На «Красном пролетарии» степень использования в целом выше средней по всему станкостроению; отдельные группы оборудования имеют относительно более ровную нагрузку. Новый станкозавод им. Орджоникидзе, вступивший в эксплуатацию в 1933 г., имел коэффициент использования в январе 1935 г. — 56,7, в июне — 55,4, в декабре — 78,5%, при 3-сменном режиме основных цехов. Это объясняется наличием огромных простоев и неполнокровностью всех смен.

При установлении оптимальной сменности в станкостроительной промышленности мы не должны игнорировать некоторую еще напряженность станочного баланса — степень удовлетворенности станками отдельных отраслей народного хозяйства — и уровень освоения техники станкостроительными заводами.

В воспроизводстве станочного оборудования роль внутреннего производства все увеличивается, составляя в 1923—1927 гг. — 32%, в 1930 г. — 41%, а в 1934 г. — уже 82%¹. Однако мы еще в 1935 г. импортировали около $\frac{1}{10}$ части станков внутреннего производства.

Другой важный фактор, определяющий сменность, — это уровень освоения техники предприятиями. Дело в том, что переход на 3-сменную эксплуатацию оборудования в условиях плохого ухода и ремонта, большого процента простоев, отсутствия культурной эксплуатации вообще не дает должного экономического эффекта. Стахановское движение в машиностроении, увеличивая режимы эксплуатации оборудования (скорости, подачи, глубины резания), машинное время, использование мощности станков, по-иному ставит проблему и сменности. В прошлом, когда у нас «собственно и не было почти новой техники» (Сталин), увеличение использования оборудования достигалось главным образом повышением коэффициента сменности. «Важнейшим резервом в деле дальнейшего движения вперед и ускорения социалистического развития является максимальное использование действующего оборудования промышленности, используемого теперь совершенно недостаточно, и внедрение новой техники. Учитывая, что введение непрерывной недели и увеличение количества работающих смен значительно поднимают возможность использования фабрично-заводского оборудования, повышают нагрузку предприятий, способствуют ускорению оборачиваемости капитала, увеличению валовой продукции и снижению себестоимости и что итоги непрерывной недели за истекший период показали, что последняя явилась существенным фактором выполнения промплана в 1929/30 г., — съезд предлагает в предстоящем году обеспечить перевод всех основных отраслей промышленности на непрерывную рабочую неделю, одновременно всемерно расширяя работу по увеличению сменности на предприятиях»².

Стахановское движение, интенсифицируя использование оборудования, сосредоточивая внимание на увеличении «отдачи» его в единицу времени, способствует внедрению 2-сменной работы почти во всех отраслях машиностроения, в том числе и в станкостроении.

Наше станкостроение имеет все основания внедрить 2-сменный режим эксплуатации оборудования, используя третью смену для подготовки производства (ремонт, наладка станков). Установление двух смен даст возможность концентрировать техническое руководство и, как показывает опыт, не снизить общего выпуска продукции.

¹ «Социалистическое строительство СССР», ЦУНХУ, 1935 г., стр. 47—72.

² «Стенографический отчет XVI съезда», стр. 728.

VII

Отдельные стахановцы нашего машиностроения, станкостроения, как мы видели выше, превысили мировые показатели производительности. «Но таких образцов у нас еще очень мало. Средний уровень производительности труда и себестоимость продукции у нас еще значительно отстают от американского и европейского»¹.

Американское станкостроение, имея 47 391 рабочих в 1929 г.², дало около 65 тыс. станков, а станочные заводы Главстанкоинструмента в 1935 г. при 14 547 рабочих дали только 9 868 станков, несмотря на то, что энерговооруженность рабочих некоторых наших станкостроительных заводов близка к американской. Тот же разрыв в уровне производительности труда можно наблюдать и по отдельным заводам. Производительность 1 рабочего в год на станкозаводе им. Орджоникидзе составляет 0,6 станка, а на аналогичном английском заводе Ward — 1,5 станка, на американском Вернер Свази — 2 станка. Наш завод фрезерных станков в Горьком при 1 862 рабочих выпустил в 1935 г. 1 201 станок, а американский завод Трекер Корней дает 1 200 (сложных 15 размеров) станков при 500 рабочих.

Но «мы присутствуем сейчас у колыбели стахановского движения, у его истоков» (Сталин). Пересмотр норм в сторону их повышения, преодоление существующих проектных мощностей, широкое применение прогрессивно-премиальной сдельщины повысит использование оборудования наших заводов, обеспечит огромный рост производительности труда.

Стахановское движение уже показало свои первые результаты. Можно не сомневаться, что, когда «стахановское движение развернется во-всю, охватит все области и районы нашей страны» (Сталин), социализм покажет более высокую, чем в капиталистической промышленности, производительность труда по всему фронту народного хозяйства.

¹ Молотов, Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г., стр. 18, Партиздат, 1936 г.

² Исчислено по «Census of Manufactures», 1929 г.

Стахановское движение и производительность труда

«Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но оно начато, вот в чем самое главное»¹.

Стахановское движение открывает практическую возможность создания той новой, гораздо более высокой производительности труда, о которой говорил Ленин. Сегодня мы можем не только констатировать тот факт, что это дело начато, но и демонстрировать огромные результаты борьбы нового общественного строя за высокую производительность труда.

Преимущества социалистической системы хозяйства получили яркое отражение уже в тех темпах роста производительности труда, которые были достигнуты СССР за первую пятилетку. За годы первой пятилетки темпы роста производительности труда в нашей промышленности были выше, чем темпы роста в капиталистических странах. Выработка на 1 рабочего за 4½ года первой пятилетки возросла на 41%, а по тяжелой промышленности — на 53%; часовая выработка за этот период возросла на 61%. За 3 года второй пятилетки производительность труда в промышленности выросла на 36%, а по тяжелой — на 56%. Капиталистические страны таких темпов роста не знают. В обрабатывающей промышленности США производительность труда с 1920 по 1930 г. выросла на 46,8%, в Германии с 1913 по 1931 г. — на 27%, в Англии с 1924 по 1931 г. — на 10,6%. Производительность труда в нашей тяжелой промышленности за один только 1935 г. поднялась на 18,5%, а средний темп роста по промышленности составил 13%.

По плану второй пятилетки рост производительности труда в промышленности должен составить 63% к уровню 1932 г. Значение такого подъема вырисовывается хотя бы из следующих цифр: каждый процент прироста производительности труда по плану второй пятилетки дает прирост продукции на 396 млн. руб. За счет роста производительности труда должно быть обеспечено около 70% прироста продукции.

Образцы работы, которые были показаны стахановцами, являются мощной силой, позволяющей реализовать наши богатейшие возможности в деле систематического подъема социалистической произво-

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 342. Подчеркнуто Лениным.

дительности труда. Действие этой силы должно обеспечить в 1936 г. новый серьезный подъем производительности труда. По плану 1936 г. рост производительности труда в промышленности намечен в 20%, в том числе по промышленности НКТП — на 23%, НКЛП — на 21%, НКЛеса (фабрики—заводы) — на 19%, НКПП — на 17%. Реализация этого задания будет означать, что пятилетний план подъема производительности труда в промышленности будет выполнен в 4 года, а по промышленности НКТП перевыполнен на 10%. Крупнейшее народнохозяйственное значение роста каждого процента производительности труда видно из того, что один процент этого роста в 1936 г. означает прирост продукции (по четырем союзным промышленным наркоматам и наркоматам местной промышленности) на 505 млн. руб.; из общего прироста продукции (по указанным наркоматам) 85% должны быть достигнуты за счет роста производительности труда.

Новый, высший уровень производительности труда — необходимое условие победы социалистического строя. В СССР, стране пролетарской диктатуры, осуществление этого условия является возможностью несомненной. Новый, высший уровень производительности труда необходим для победы социализма потому, что он обеспечивает создание зажиточной и культурной жизни для всех членов социалистического общества. В речи на совещании стахановцев товарищ Сталин дал яркую критику мелкобуржуазного представления о социализме как о некотором материальном поравнении людей на базе бедняцкой жизни. «На самом деле социализм может победить только на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потреблений, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества. Но для того, чтобы социализм мог добиться этой своей цели и сделать наше советское общество наиболее зажиточным, — необходимо иметь в стране такую производительность труда, которая перекрывает производительность труда передовых капиталистических стран»¹.

Возможности достижения нового, высшего уровня производительности труда заложены в самом существе нового общественного строя, создающего новую социалистическую организацию производства и труда; превращение же этих возможностей в действительность осуществляется в процессе социалистического строительства, создающего все необходимые для этого условия. Ленин в 1918 г. выдвинул два решающих условия подъема производительности труда. «Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности... Другим условием... является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения... Во-вторых... повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации»².

Социалистическая техника и социалистические кадры — вот два решающих звена, ухватившись за которые наша страна готовила невиданный подъем социалистической производительности труда. «Великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном... масштабе»³, явилась предпосылкой возможности создания этих условий. Ленинская политика коммунистической партии под руководством

¹ Сталин, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 7, Партиздат, 1935 г.

² Ленин, Соч., т. XXII, стр. 453—454.

³ Там же, стр. 161.

мудрого вождя товарища Сталина, возглавившей «живую деятельность миллионов масс» строителей социализма, привела к превращению в действительность тех возможностей, которые заложены в социалистической системе хозяйства.

В стахановском движении, как в фокусе, выявляются наши достижения в деле превращения из возможности в действительность тех условий, которые обеспечивают создание более высокого, чем при капитализме, уровня производительности труда. Оно показывает, каких громадных успехов достигла страна победившего социализма в осуществлении тех условий подъема производительности труда, которые были выдвинуты Лениным в 1918 г., в создании социалистической техники, социалистических кадров, социалистической дисциплины труда.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) (1935 г.) констатировал, что «Советская страна перевооружилась технически и реорганизовала народное хозяйство на основе социалистической экономики». За последние 10 лет наша тяжелая промышленность выросла в 10 раз. Развитие производства топлива, железа, машиностроения, химии, о которых говорил Ленин, характеризуется следующими данными: производство электроэнергии выросло за 10 лет в 17 раз, каменного угля — в 5,4 раза, нефти — в 3,6 раза, чугуна в 7 раз, стали и проката — в 5,6 раза, серной кислоты — в 8 раз, суперфосфата — в 13,7 раза; мы производим в 11 раз больше паровозов, в 370 раз больше товарных вагонов, в 200 раз больше тракторов, в 1 000 раз больше грузовых автомобилей. Мы стоим в ряду передовых индустриальных стран: по производству электроэнергии мы занимали в 1925 г. 11-е место, а в 1935 г. — 3-е место, уступая только Германии и США; по добыче угля соответственно — 10-е и 4-е место; по выплавке чугуна в 1925 г. мы были на 7-м месте, в 1935 г. оспариваем 2-е место у Германии, по стали занимали 6-е, теперь 3-е место; по производству тракторов мы занимаем 1-е место в мире.

За один только 1935 г. электровооруженность рабочего выросла почти на 15%, а за 3 года второй пятилетки она выросла на 70%. Рост механизации характеризуется такими например показателями: механизированная добыча в каменноугольной промышленности составила в 1935 г. около 80% против 65% в 1933 г., удельный вес чугуна, выплавленного полностью механизированными печами, составил в 1935 г. 53,3% против 26,5% в начале второй пятилетки.

Наличие новой техники явилось одним из решающих условий, породивших стахановское движение, ибо лишь на этой базе возможен действительно значительный подъем производительности труда. «Стахановское движение было бы невысказимо без новой, высшей техники» (Сталин).

Лениным были выдвинуты в качестве условий для роста производительности труда общеобразовательный и культурный подъем массы населения, с одной стороны, повышение дисциплины трудящихся, умение работать, спорность, интенсивность труда, лучшая его организация — с другой. Лозунг товарища Сталина о кадрах является развитием этих положений Ленина. В новой обстановке, когда мы изжили в основном голод в области техники, основная наша задача заключается в том, чтобы «выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать... Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства... Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на

работниках, овладевших техникой»¹. На данном этапе вопрос о кадрах становится узловым в деле создания высокой социалистической производительности; на сегодня это уже вопрос не просто общего образовательного и культурного подъема, который был шагом вперед от безграмотности и темноты, но вопрос подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. «Только такой культурно-технический подъем рабочего класса... может обеспечить ту высокую производительность труда и то изобилие предметов потребления, которые необходимы для того, чтобы начать переход от социализма к коммунизму»². И стахановское движение выявляет создание новых социалистических кадров, выросших на базе культурного подъема населения, на базе новой техники. В этом движении начатки того культурно-технического подъема, который необходим для перехода к коммунизму.

Социализм приобщает к культуре многомиллионные массы трудящихся, которые капитализм обрекал на темноту и невежество. Колоссальная тяга к учебе получает удовлетворение благодаря разветвлению многочисленной и многообразной сети различных учебных заведений. Достаточно сказать, что в 1935 г. свыше 42 млн. учились в начальных и средних школах, вузах, втузах, техникумах, комвузах, на курсах по повышению квалификации, в школах взрослых. По плану на 1936 г. этими видами учебы должно быть охвачено 47 млн. чел. Больше четверти населения учится, тогда как в дореволюционной России училось 6—7% населения.

Введение всеобщего начального обучения, быстрое развитие школы по пути к осуществлению десятилетнего обучения означает, что новые кадры молодежи приходят на фабрики и заводы вооруженными общеобразовательной подготовкой.

В деле подъема культурно-технического уровня рабочих большую роль сыграла техническая учеба рабочих в технических кружках, курсах, подготовлявшая их к сдаче технического минимума.

В 1934 г. подготовкой к сдаче техминимума было охвачено около 1,2 млн. рабочих промышленности, в 1935 г. — свыше 1,5 млн., в 1936 г. по плану намечен охват 2,3 млн. В целом по всей сети курсового обучения (включая техминимум) в 1935 г. обучалось около 5,5 млн. чел., в 1936 г. намечено 7,4 млн.

Значение этой учебы было подчеркнуто декабрьским пленумом ЦК ВКП(б), указавшим, что «необходимо ...сделать обучение техническому минимуму всеобщим и обязательным для всех рабочих и работниц, подчинив это важнейшее дело задаче подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда».

Живая деятельность миллионов масс, которая привела к крупнейшим победам социализма в СССР, была вместе с тем процессом создания новой социалистической дисциплины труда, свободной и сознательной дисциплины трудящихся, свергнувших иго эксплуататоров. Владимир Ильич неоднократно подчеркивал громадную важность и вместе с тем гигантскую трудность задачи создания новой дисциплины объединенного освобожденного труда. В речи на I съезде советов народного хозяйства он сравнивал переход от старой крепостной дисциплины палки, от дисциплины бессмысленнейшего, самого

¹ Речь т. Сталина на выпуске академиков Красной армии, стр. 12, Партиздат, 1935 г.

² Речь т. Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 10, Партиздат, 1935 г.

наглого и грубого надругательства над человеком, к дисциплине буржуазной, дисциплине голода, наемного рабства, и переход от этой последней к социалистической дисциплине труда. Первый переход «исторически казался легок, потому что от одного эксплуататора человечество переходило к другому эксплуататору... и даже эта смена одной эксплуататорской дисциплины другой дисциплиной стоила годов, если не десятилетий усилий... Новый хозяин капиталист на каждом шагу встречал практические трудности и махал рукой на свое хозяйство... Одним из вещественных доказательств трудности этого перехода — было то, что Россия тогда выписывала заграничные машины, чтобы работать на них, на самых лучших машинах, и оказывалось, что нет ни людей, умеющих обращаться с ними, ни руководителей»¹. Еще большие трудности встают, когда вместо дисциплины наемного рабства создается дисциплина свободного труда. Это задача гигантской трудности, ибо «это дело переработки самих нравов, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства»². Для того чтобы угнетенный и эксплуатируемый класс сумел после освобождения наладить работу, выдвинуть своих организаторов, нужны долгие месяцы и годы.

Но уже в самом начале борьбы за социализм выявляются первые ростки коммунистического труда, появляются коммунистические субботники, «т. е. бесплатный, не нормированный никакой властью труд отдельных лиц на общественную пользу» (Ленин), появляется самоотверженная забота рабочих о повышении производительности труда. В ходе социалистического строительства, в классовой борьбе за победу социализма пролетариат перевоспитывает самого себя, в корне меняется отношение к труду, широко развертывается социалистическое соревнование и ударничество, труд превращается «из зазорного и тяжелого бремени в дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» (Сталин). Одной из решающих сил, обеспечивших победы социализма, явилось развертывание социалистического соревнования и ударничества, творческая инициативная деятельность миллионных масс трудящихся строителей социализма. Ярким проявлением организации творческой инициативы масс является высший этап соцсоревнования — стахановское движение.

Стахановское движение означает новый этап в социалистической организации труда. Организованный культурный труд стахановцев представляет собой высокую ступень сознательной добровольной дисциплины рабочих, использующих передовую технику. Стахановцы дают те высокие образцы дисциплины, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации, о которых говорил т. Ленин. «Стахановское движение означает организацию труда по-новому, рационализацию технологических процессов, правильное разделение труда в производстве, освобождение квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы, лучшую организацию рабочего места» (из резолюции декабрьского пленума ЦК ВКП(б)).

Методы стахановской работы становятся достоянием широчайших масс и должны стать методами работы каждого рабочего нашей социалистической страны. Эти методы не требуют какого-либо чрезвычайного напряжения физических сил. В основе их лежит правильная организация труда и производства, рационализация технологических процессов.

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 43.

² Ленин, Соч., т. XXV, стр. 255.

Мастера высокой производительности труда — стахановцы — дали массу образцов замечательнейших достижений, и каждый новый день приносит новые вести о новых рекордах, о новых завоеванных высотах. Стахановское движение в настоящее время вступило в новый этап: от стахановской работы на отдельном станке, участке к стахановским сменам, суткам, пятидневкам, декадам, через них — к стахановским месяцам, к стахановскому году. Понятно, какой колоссальный эффект дает применение этих методов не на отдельном участке, а в целой смене, для цеха или завода в целом. Приведем несколько примеров. В результате стахановского дня в механическом и прессовом цехах ГАЗ им. Молотова линия клапана дала 7 603 детали (за 3 смены) при основной программе 4 200 деталей, линия поршня дала 4 020 деталей при задании в 2 тыс. деталей, в картерном отделении прессового цеха сделано 1 100 картеров при программе в 450, 13 тыс. колпаков при программе в 5 тыс.

На Сталинском заводе Союзстальмоста (обработочный цех) в результате проведенной 25 декабря стахановской смены среднесменное задание выполнено на 155%, а в сравнении с работой цеха за прошлые дни декабря план выполнен на 218%. 9 января были проведены стахановские сутки на металлургических заводах «Стали». За этот день выплавлено 23,4 тыс. т чугуна, 20,1 тыс. т стали и сдано 18,5 тыс. т проката. Значимость этого результата ярко выявляется из следующего сопоставления:

Среднесуточное производство на металлургических заводах «Стали» (в тыс. т)

	Январь 1935 г.	Сент. 1935 г.	Декабрь 1935 г.	9 янв. 1936 г.
Чугун	16,5	19,8	22,3	23,4
Сталь	10,7	13,6	15,2	20,1
Прокат	9,6	11,8	13,5	18,5

Средний коэффициент использования доменных печей составил в этот день по заводам «Стали» 0,98, тогда как в декабре 1935 г., лучшем месяце этого года, коэффициент использования печи составлял 1,08. Отдельные заводы дали еще более высокие показатели: завод им. Кирова — 0,75, им. Дзержинского — 0,87, им. Петровского — 0,88. Съём стали с 1 м² пода составил в среднем по действующим мартенам 6,44 т, а по всем печам (включая и мартены на капитальном ремонте) — 5,53 т против 4,26 т в декабре 1935 г.; новые мартены завода им. Кирова дали в этот день 8,2 т, завода им. Дзержинского — 7,48, Азовстали — 7,48 и т. д.

Итоги первой стахановской декады в тяжелой промышленности (20/1—29/1) дают много прекрасных результатов, показывающих, чего можно добиться при надлежащей подготовке. Не все отрасли и даже не все предприятия работали в стахановскую декаду успешно; хорошо работали металлурги, хотя и они не удержались на высоких показателях первой половины декады, лучше обычного работала нефтяная промышленность, в Донбассе первая стахановская декада была проведена неудовлетворительно: среднесуточная выработка за декаду была ниже январского плана, составила 99,8%; недостаточно участвовали в стахановской декаде машиностроители. Но там, где подготовка была хорошей, и результаты были поразительны. Завод «Коммунар» в стахановскую декаду снимал 86—87—90 комбайнов в день при норме в 80, по ряду работ перекрывая американские нормы. В целом по черной металлургии за стахановскую декаду было выплавлено свыше 30 тыс. т стали и выпущено около 67 тыс. т проката

сверх плана. При достигнутом среднем коэффициенте использования доменных печей в 1,05 (1,03 в первой пятидневке и 1,07 — во второй) против 1,22 в среднем за 1935 г. ряд заводов достиг показателей много ниже 1; при среднем съеме стали с 1 м² пода мартеновских печей 4,8 т (4,9 т в первой пятидневке и 4,6 т во второй) против 3,9 в среднем за 1935 г. многие заводы достигли 6 и 7 т. Данные по отдельным заводам иллюстрируются следующей таблицей:

Коэффициент использования объема доменных печей ¹

	Стахановская декада			
	Декабрь 1935 г.	Первая пяти- дневка (20—24) января	Вторая пяти- дневка (21—24) января	В сред- нем за декаду
В среднем НКТП	1,14	1,03	1,07	1,05
Макеевский им. Кирова (без домен 3 и 7) . .	0,84	0,77	0,80	0,78
Им. Дзе жинского	1,01	0,87	0,88	0,87
Азовсталь	1,08	0,91	0,95	0,93
Запорожский	1,06	0,93	0,93	0,93
Сталинский Донбасс	1,00	0,98	0,97	0,97
Мариупольский	1,31	0,95	1,01	0,98
Съем стали с 1 м ² пода				
В среднем по НКТП	4,0	4,9	4,6	4,8
«Коминтерн»	6,98	7,78	7,85	7,81
Им. Дзержинского (новые печи 11, 13)	6,6	7,28	7,83	7,59
Макеевский им. Кирова (новые печи)	5,83	8,0	6,68	7,34
Азовсталь	4,95	6,77	6,43	6,60
Таганрогский (новые печи)	5,53	6,59	5,85	6,22

Во вторую стахановскую пятидневку (1—5 февраля) угольщики шахты Донбасса добились гораздо лучших показателей, чем в первую стахановскую декаду. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Добыча угля в Донбассе
(среднесуточное производство в тыс. т)

Декабрь 1935 г.	Первая стахановская декада пятидн вка 20—24/1	пятидневка 25—29/1	В среднем за декаду 20—29/1	В среднем за пятидневку 1—5/II
270,2	215,0	223,8	229,4	236,9

При этом важно отметить, что февральская пятидневка угольщиков проходила уже на базе новых норм; это несомненно явилось важным фактором достигнутых в это время лучших показателей.

В чем корень того эффекта, который дают стахановские дни, пятидневки, декады?

Об этом хорошо рассказывают стахановцы торецкого завода им. Ворошилова, на котором в результате одной стахановской смены было достигнуто выполнение 205% всей суточной программы завода. В письме наркому т. Орджоникидзе стахановцы торецкого завода пишут о том, как была организована и проведена стахановская смена: к каждому рабочему месту был завезен необхо-

¹ Отношение полезного объема доменной печи к среднесуточной выплавке.

димый материал, заготовлен инструмент, чертежи, во многих цехах изменили технологический режим: в механическом цехе увеличили скорость резания металла, в литейном цехе изменили процесс подачи формовочного материала и жидкого металла, деревянные модели и литники заменили металлическими; накануне смены станки были тщательно осмотрены, выверены; мастера, инструкторы в течение всей смены имели возможность быть у рабочих мест и инструктировать рабочих. В результате хорошо подготовленной стахановской смены одна смена выполнила удвоенную суточную программу завода, простой станков уменьшились в 5 раз, брак уменьшился в 2½ раза.

Корень таких успехов стахановских смен, суток лежит в согласованности, ритмичности всех звеньев производственного процесса, в применении стахановских методов работы не на отдельном участке, а во всем производственном механизме.

Но чтобы добиться этой согласованности необходима большая организаторская работа по созданию условий для работы по-стахановски. Самотеком этих успехов не добиться.

Стахановское движение возникло снизу, оно «началось как-то самопроизвольно, почти стихийно, снизу, без какого бы то ни было давления со стороны администрации наших предприятий» (Сталин); оно развертывалось неравномерно, охват стахановским движением и темп его нарастания были различны не только на разных предприятиях, но и внутри предприятия, в отдельных цехах. Так например в начале декабря на Кировском заводе удельный вес стахановцев в различных цехах колебался от 2,5 до 17%, на заводе им. Егорова — от 8 до 34%, на «Красном Профинтерне» — от 7 до 30%. Это положение было характерным для большинства наших предприятий, да и на сегодняшний день эта неравномерность существует еще на многих предприятиях. На отраслевой конференции морского судостроения начальник Главморпрома т. Муклевич говорил, что в судостроительной промышленности стахановское движение развивается еще стихийно, «дислокация стахановского движения нас не удовлетворяет»: на наиболее важных участках, в корпусных цехах стахановцев недостаточно; на Балтийском заводе им. Орджоникидзе в корпусном цехе стахановцев 43%, а в ремонтно-механическом — 89%; на заводе им. Жданова в корпусном цехе стахановцы составляют 38%, а в котельном — 70%.

При таком положении замечательные рекорды стахановцев в одних цехах, на отдельных участках местами слабо отражаются на общем итоге из-за отставания других звеньев производственного механизма.

Очень характерен следующий пример, иллюстрирующий разницу между ростом производительности на забойщика (с учетом крепильщиков) и средним ростом на рабочего, занятого на участке «Никанор-Восток» на шахте «Центральная-Ирмино».

	До перехода на стахановский метод	После перехода	Рост в %
Производительность на 1 забойщика с учетом крепильщиков	14,7 т	30—33 т	204,8
Производительность рабочего, занятого на участке	2,8 т	4,1—4,6 т	146,4

Производительность на одного забойщика выросла в большей степени, чем средняя производительность на рабочего; достижения стахановцев снижаются недостатками на других участках.

Значение организации условий для стахановской работы выявляется особенно на примере тех перебоев, которые имели место на шахте «Центральная-Ирмино». Шахтеры «Центральной-Ирмино» дали обещание удвоить добычу на шахте, доведя ее до 1 850 т в сутки. В отдельные дни декабря шахта достигала этого уровня. Так, 24 декабря шахта выдала 1 802 т, но в январе шахта начала отставать; в стахановскую пятидневку оперативный план в 1 650 т не был выполнен. В шахте нехватает леса, труб, шлангов, лошадей. Донецкий обком партии принял специальное решение, в котором отмечает, что при блестящей работе стахановцев шахты, перевыполняющих нормы во главе со Стахановым и Дюкановым, исключительно из-за крайне недостаточного внимания со стороны треста Кадиевуголь и Кадиевского парткома к нуждам шахты и шахтного поселка удвоение добычи угля до сих пор не достигнуто, а в отдельные дни не выполняется даже оперативное задание. Обком требует систематического внимания и помощи этой шахте со стороны руководства треста и парткома. Стаханов писал в «Правде», что отставание шахты больно задело честь и самолюбие каждого рабочего шахты. Рабочие настроены по-боевому и требуют одного: «Давайте условия для работы, и шахта будет греметь, как гремела в 4-м квартале прошлого года» («Правда» 6/II 1936 г.).

Проведение стахановских пятидневок, суток вскрывает огромные резервы роста производительности труда и вместе с тем выявляет те узкие места, которые мешают этому росту, тормозят его. Недостатки внутризаводского снабжения, его некомплектность, отсутствие тщательной подготовки оборудования и отсюда случаи аварии, слабость внутризаводского планирования, недостатки технического руководства нередко срывают реализацию тех возможностей высокоэффективной работы, к которой готовы стахановцы на своих отдельных участках. По признанию управляющего трестом Артемуголь т. Зорина, стахановская работа на шахтах нередко подменялась штурмовщиной. И эта подмена имела место не только в Артемугле, и не только в Донбассе, но и на других участках. В результате в стахановскую декаду в феврале Донбасс только выполнил правительственный план, но не добился более высоких показателей; медеплавильные заводы Урала хотя и повысили продукцию, но оперативное задание за стахановскую декаду выполнили только на 78,5%.

По ряду машиностроительных заводов руководители предприятий гнались за высокими процентами перевыполнения норм, но не обеспечивали согласованной работы отдельных звеньев производства; в результате создавались большие заделы в отдельных цехах, а готовая продукция заводом не выпускалась или выпускалась далеко не в соответствии с тем, как выполнялись нормы в отдельных цехах. Например на Сормовском заводе в четвертые стахановские сутки, 28 января, выполнение норм в мартеновском цехе составило 130%, прокатном — 163, кузнечном — 140, механическом — 131, дизельном — 160, корпусном — 140, монтаже судов — 144, литейном — 145, пресовом — 235, трубопроводном — 191, вагонном — 142, а в целом по заводу валовой выпуск товарной продукции составил 103% плана. На том же Сормове за стахановскую пятидневку программа по чугуно была выполнена на 140%, а по товарной продукции — на 84%; аналогичная картина и на Пермской верфи. Начальник Главречпрома тов.

Березин на отраслевой конференции резко критиковал практику, приводящую к таким результатам: начальники отдельных цехов в погоне за высокими процентами выработки искусственно подбирают менее трудоемкие детали, забывают о комплектности.

Рекорды отдельных стахановцев, стахановских смен, суток, пяти-дневков выявляют те богатейшие возможности использования новой социалистической техники, за которые должна бороться многомиллионная армия строителей социализма. Но усилия стахановцев должны быть направлены в организованное русло. Самоотек, отсутствие организации работы, стоящей на уровне тех требований, которые предъявляет стахановское движение к хозяйственному руководству, тормозят развертывание стахановского движения на ряде участков производства. Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) (1935 г.) особо подчеркнул задачу «пойти в ногу со стахановским движением, возглавить его». Решение пленума говорит о необходимости прежде всего сломить сопротивление стахановскому движению со стороны консервативной части хозяйственников и инженерно-технических работников; кроме того необходимо всемерно помочь тем хозяйственникам и инженерно-техническим работникам, которые идут навстречу стахановскому движению, но не сумели еще возглавить его. «Хозяйственные и прежде всего промышленные и транспортные наркоматы должны на деле стать производственно-техническими штабами по руководству подчиненными им предприятиями, без чего нельзя по-настоящему организовать и развить стахановское движение в промышленности и на транспорте»¹. Отставание части хозяйственников и ИТР в деле руководства и развертывания стахановского движения, непонимание задач этого движения, а порой прямое сопротивление и попытки его срыва совершенно нетерпимы. Блестящий пример проведения стахановской декады на транспорте под руководством тов. Л. М. Кагановича должен быть освоен всеми хозяйственниками.

По темпам роста производительности труда мы перегнали передовые индустриальные капиталистические страны. Однако по уровню производительности труда мы на многих участках отстаем от них. Перед нами стоит задача догнать и перегнать их и в этом отношении по всем отраслям производства.

Тов. Молотов в докладе на второй сессии ЦИК СССР говорил о том, что в ряде случаев образцы работы стахановцев превосходят лучшие заграничные образцы по высокой производительности труда и по умелому использованию техники. Некоторые доменные печи у нас стали работать не хуже, а даже лучше заграничных. Средние коэффициенты использования объема доменных печей в 1929 г. в США — 1,08, в Германии — 1,0; рекордные показатели Германии (Гутехофнунгс-Хютте) — 0,69—0,72, в Руре — 0,8—0,9; по мартенам суточный съем стали с 1 м² пода в Германии составлял в 1929 г. 5 т, рекордные показатели США и Германии — съем 7—9 т.

В СССР в 1935 г. средний коэффициент использования оборудования составлял по доменным печам 1,22, по мартенам — 3,9 т. Работа в стахановские сутки (9/1 1936 г.) на заводах «Стали» поставила эти заводы по средним показателям впереди средних показателей США и Германии, коэффициент использования объема доменных печей составлял по «Стали» — 0,98; завод им. Кирова, достигший в этот день коэффициента 0,75, обогнал показатели Рура; в течение первой ста-

¹ Постановления второй сессии ЦИК СССР, стр. 19, Партиздат, 1936 г.

хановской декады завод им. Кирова также давал высокие показатели — 0,78, а по среднему коэффициенту — 1,03 — наши домы работали на уровне немецких. Суточный съём стали с 1 м² пода в эти стахановские сутки составил 6,44 т, т. е. был выше средних показателей Германии, а по заводу им. Кирова составил 8,2 т, т. е. на уровне передовых по технике капиталистических стран; в стахановскую декаду (20—29 января 1936 г.) заводы НКТП (в среднем) по суточному съёму стали — 4,8 т подошли к уровню средних показателей Германии, а по печам заводов им. Кирова, им. Дзержинского к рекордным показателям США и Германии.

Ряд примеров перекрытия американских норм имеется и в машиностроении. Бусыгин установил мировой рекорд штамповки колеччатых валов, достигнув затраты труда в 17 сек. на 1 вал при американской норме в 36 сек. На заводе им. Сталина на формовке поршневых колец при норме ТНБ в 450 штук стахановцы дают 850, а как отдельные рекорды — 1 000 шт., перекрывая американскую норму в 600 шт.; на нарезке зубьев шестерни заднего листа стахановцы выполняют в смену 35 шт. при американской норме в 28 шт., на сборке колес норма стахановцев 160 шт. при американской норме 120—140 шт. На конференции автотракторной промышленности начальник моторного цеха ХТЗ сообщил, что из 250 американских норм 98 перекрыты, 113 норм идут на уровне американских и только по 39 нормам цех отстает от Америки.

На заводе «Коммунар» стахановцы Балыка и Бессмертный на профилировке колес установили норму 71 обод в час, перекрыв норму американской фирмы Вильямс Вайт — 35 ободьев в час; на пробивке дыр в ободе колеса норма этой фирмы 60 колес в час, пресовщики тт. Таран и Тищенко установили рекорд 71 колесо в час. На ГАЗ в отдельные дни минут-кост поршня не только приближался к уровню фордовского, но и был ниже; у Форда — 3,34 мин., на ГАЗ 27/1 — 2,49 мин., 28/1 — 2,41 мин., 8/II — 2,83 мин., но в том же январе достигал и 8—9 мин., а в феврале этот уровень колебался от 3,2 до 4,5 мин.

Стаханов смог дать почти вдвое большую производительность, чем забойщик в Руре. В шахте «Центральная-Ирмино» производительность на забойщика (с учетом крепильщиков) после перехода на стахановский метод 30—33 т, на одной из лучших шахт Рура «Вильгельм» — 17,3 т. В лесной промышленности на наших лучших заводах производительность рамосмены по пропуску выше, чем на современном европейском заводе. По данным известного немецкого инженера Фриц Браунс, предельная производительность рамосмены на механизированном заводе составляет 66,5 кубометра, на наших лучших заводах картина такова:

	Производительность рамосмены		по пропуску (в м ³)	
	Бобруйский завод	Саратовский завод	Тавлинский завод	
Июль 1935 г.	69,9	65,3	124,1	
Ноябрь 1935 г.	82,9	92,5	142,9	

«Но таких образцов у нас еще очень мало. Средний уровень производительности труда и себестоимость продукции у нас еще значительно отстают от американского и европейского»¹, подчеркивал

¹ Доклад т. Молотова на второй сессии ЦИК СССР, стр. 18, Партиздат, 1936 г.

т. Молотов. Например средние показатели использования оборудования в черной металлургии у нас еще значительно ниже зарубежных; годовая выплавка чугуна составила у нас в 1935 г. 520 т на 1 рабочего против 1 735 т, достигнутых в 1929 г. США и 620 т Германией; количество рабочих, приходящихся на 1 доменную и мартеновскую печь, у нас значительно выше, чем в США.

На германских заводах Круппа и Беллера в 1930 г. приходилось на 1 000 т проката 77 чел., а у нас на «Электростали» в 1935 г. — 118 чел. В станкостроительной промышленности Америки на 1 производственного рабочего приходится производство 1,8 станков, у нас — 0,9—0,95 станков.

В 1936 г. мы делаем новый крупный шаг вперед в осуществлении задачи догнать и перегнать передовые капиталистические страны по уровню производительности труда. Перед черной металлургией поставлена задача довести производство чугуна на 1 рабочего с 520 до 725 т, по стали — с 260 до 350 т. По использованию оборудования для доменных цехов установлен коэффициент для средних печей от 0,87 до 1,0, для печей, работающих на агломерате, — 0,7, для мощных печей, не работающих на агломерате, — 0,86—0,88; в мартеновских цехах средний съём стали должен быть доведен до 8 т с 1 м² пода, для новых мартенов заводов им. Кирова и им. Дзержинского — 12 т.

Те показатели перекрытия американских норм, которые уже достигнуты в машиностроении на отдельных участках, могут и должны быть на базе развертывания стахановского движения освоены и на других заводах. А дальнейшее его развитие должно привести к расширению круга этих показателей. На ГАЗ например поставлена задача — догнать Форда по затрате времени на машину, на каждую деталь; в отдельные дни на отдельных участках газовой уже в 1935 г. шли на уровне фордовских норм, но эти успехи еще не закреплены; сейчас поставлена задача закрепить достигнутое и переходить в дальнейшее наступление. Эта задача стоит перед всеми предприятиями нашей страны. «Твердо будем помнить, что нормы капиталистических стран для нас не предел, и мы, дойдя до этих норм, пойдем дальше своим путем, путем Ленина и Сталина!» (Орджоникидзе)¹.

★

На Всесоюзном совещании стахановцев товарищ Сталин дал директиву: «Новые люди — новые технические нормы». Он говорил о том, что существующие технические нормы были составлены применительно к технической отсталости наших рабочих и работниц. «С тех пор прошло несколько лет. Люди за это время выросли и подковались технически. А технические нормы оставались неизменными. Понятно, что эти нормы оказались теперь для наших новых людей устаревшими... Они отстали и превратились в тормоз для нашей промышленности, а для того, чтобы не тормозить нашу промышленность, необходимо их заменить новыми, более высокими техническими нормами. Новые люди, новые времена, — новые технические нормы»². Старые технические нормы и старые проектные мощности опрокинуты.

Установленные на отраслевой конференции металлургов новые технические мощности выше старых в 1½—2 раза. По заводам «Ста-

¹ Речь на совещании стахановцев 16 ноября 1935 г., стр. 17, Партиздат, 1935 г.

² Речь т. Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 20—24, Партиздат, 1935 г.

ли» конференция выявила мощность прокатных станков в 8,9 млн. т, а в 1935 г. выпуск проката на «Стали» был равен 4,3 млн. т. Мощность Енакиевского блюминга установлена в 700 тыс. т против 310 тыс. т в 1935 г., стана «800» Ворошиловского завода — 200 против 106, по новым блюмингам заводов им. Кирова и Дзержинского — 1,6 млн. т против 1,1 млн. т и т. д. Харьковский и Сталинградский тракторные заводы давали в сутки 144 машины (в 2 смены), теперь выявляется, что конвейер может дать 200 машин в 1 смену. Эти примеры так многочисленны, что перечислять их — значит писать целые томы. Каждый день приносит все новые вести о выявлении огромных неиспользованных резервов.

Декабрьский (1935 г.) пленум ЦК осудил существующую систему и практику установления норм выработки как не соответствующую достигнутому уровню передовой техники СССР, как не отвечающую задаче дальнейшего подъема производительности труда, не отвечающую требованиям социалистической организации труда. Пленум дал директиву «заменить нынешние технические нормы как устаревшие более высокими нормами и изменить соответственно нормы выработки в сторону некоторого их повышения с тем однако, чтобы в условиях прогрессивной сдельщины нынешние расценки были сохранены, а фонд заработной платы ввиду роста стахановского движения был увеличен». Ответственной и почетной задачей поставлена перед хозяйственным руководством, перед инженерно-техническими работниками — работа по установлению новых технических норм, новых норм выработки, соответствующих достигнутому уровню передовой техники, степени ее освоения, соответствующим новым людям, росту их технического и культурного уровня. Это — работа по созданию технических норм и норм выработки, отвечающих требованиям социалистической производительности труда, социалистической организации производства.

В решениях пленума дана резкая критика существующей практики нормирования. Тов. Орджоникидзе на пленуме привел многочисленные факты, показывающие, насколько устарели нормы выработки, как значительно они перевыполняются. Резюмируя, т. Орджоникидзе говорил, что общая картина примерно такова: около 6—10% рабочих недовырабатывают норму, около 40% рабочих перевыполняют от 20 до 40%, остальные 50% рабочих выполняют от 50 до 100% нормы и выше. Тов. Андреев в своей речи на пленуме показал, что на 10 крупных предприятиях, проверенных промотделом ЦК ВКП(б) и охватывающих около 35 тыс. рабочих (Ижорский завод, Кировский, Сормово, «Серп и молот» и др.), установленные нормы перевыполняют 91% рабочих, а на отдельных заводах — 97% рабочих. Стахановцы Торецкого завода им. Ворошилова в письме к т. Орджоникидзе говорят, что нынешние нормы существуют «курам на смех». «Ну, что это за нормы, — пишут они, — когда в стахановской смене 300 стахановцев за первые 2 часа работы выполнили дневную норму, когда кузнец Осмерик в стахановские сутки выполнил норму на 550%, резчик рессорного цеха т. Мороз — на 666%, слесарь Будник — на 660% и т. д.» Они в своем письме приветствуют решение пленума об увеличении норм, ибо это подтянет остальных рабочих и поднимет производительность завода на более высокую ступень.

Техническое нормирование не стоит на высоте тех требований, которые вытекают из задач социалистической организации труда. Необходимость борьбы за правильное техническое нормирование была резко подчеркнута еще в решениях XVII партконференции. «В

основу правильной организации труда и внутризаводского планирования должно быть положено техническое нормирование»¹. Для того чтобы технормирование могло выполнить эти требования, оно должно обеспечить наиболее полное рациональное использование оборудования и рабочей силы. Установление правильной нормы требует тщательного изучения производственного процесса, изучения роли и влияния отдельных факторов, определяющих результат работы, тщательного изучения всех производственных возможностей; на основе этого изучения технормирование должно установить наиболее выгодный, эффективный режим работы машин, с одной стороны, и наиболее эффективное рациональное использование рабочей силы, с другой. Это значит, что технормирование должно активно воздействовать на организацию труда и производства, на изменение технологического процесса, и выявить максимум того, что можно «выжать из техники».

Отмеченное пленумом преобладание в практике нормирования опытно-статистических норм свидетельствует об отсутствии этого активного воздействия на организацию труда и производства со стороны нормирования, означает пассивное приспособление к существующему положению вещей. Дефект опытно-статистического нормирования состоит в том, что оно фотографирует существующее состояние работы со всеми его недостатками: простоями как вынужденными, так и теми, которые зависят от рабочего, излишними подсобными операциями, от которых можно освободиться при лучшей организации труда. А такое нормирование преобладало на очень многих участках производства. Нормы, технически обоснованные, установленные в результате изучения производственных возможностей предприятия, занимали очень небольшое место. Таких норм не более 10—15%. На многих предприятиях нормы выработки по ряду изделий не пересматривались в течение двух лет и больше, а за это время проведено много технических изменений, повышающих производительность оборудования. Новые технические нормы отнюдь не должны быть доведены до уровня тех достижений, которых добились лучшие стахановцы. Такие нормы, указывал товарищ Сталин, были бы нереальны, ибо рабочие, менее подкованные, чем передовые стахановцы, не могли бы выполнить таких норм. «Нам нужны такие технические нормы, которые проходили бы где-нибудь посередине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины» (Сталин). Такие нормы будут подтягивать отстающих к передовым, будут стимулировать овладение техникой, будут фактором дальнейшего культурно-технического подъема рабочих и тем самым обеспечат достижение еще более высокого уровня производительности труда и на этой основе роста заработной платы.

Отраслевые конференции тяжелой промышленности наметили такие размеры повышения норм выработки: по автотракторной промышленности — на 15—20%, в паровозостроении по Ворошиловградскому заводу — на 25%, по Коломенскому — на 24%, в черной металлургии по мартеновским цехам — на 22—23%, по прокату — на 27—29%, по доменным цехам — на 10—15%; в каменноугольной промышленности Донбасса намечено повысить нормы на 25—30%; в энергопромышленности — в среднем на 37%.

В каменноугольной промышленности Донбасса работают уже по

¹ Резолюции XVII партконференции, стр. 15, Партиздат, 1932 г.

новым нормам. Первые итоги говорят о том, что угольщики побоевому взялись за освоение новых норм. Подавляющее большинство рабочих Донбасса — 80% — с первого же дня начали выполнять и первыполнять новые нормы. «Технические нормы — это большая регулирующая сила, организующая на производстве широкие массы рабочих вокруг передовых элементов рабочего класса». Это указание товарища Сталина находит свое практическое подтверждение уже в первых итогах работы по новым нормам. За первые 5 дней этой работы, в стахановскую пятидневку (1—5/II), производительность труда по Донбассу поднялась на 5%.

Последующее освоение новых норм будет фактором дальнейшего подъема производительности труда.

Недостатки технорирования, отмеченные пленумом, обусловлены были в значительной степени тем, что этот участок «передоверен так называемым нормировщикам и тарификаторам, а начальники цехов, инженеры, техники, мастера и руководители предприятий либо вовсе не занимаются вопросами нормирования, либо механически штемпеуют разрабатываемые нормировщиками и тарификаторами нормы выработки». Тов. Андреев на пленуме привел ряд примеров запущенности этого участка. Например на двух передовых заводах из 267 нормировщиков только 22 инженера, 151 нормировщик не имеют никакой специальной подготовки, а 8 — абсолютно малограмотные люди. Из 12 тыс. нормировщиков машиностроения инженеров только 400, или около 3%, техников 2 200 — около 20%, а остальные 9 тыс. — 76% всех нормировщиков — не имеют никакого технического образования, а зачастую просто малограмотные люди. В Америке молодой инженер после прохождения станочной практики в большинстве случаев идет в первую очередь на работу в отдел изучения операции, т. е. нормировщиком. Нормирование в Америке опирается на изучение операции, что включает анализ всех факторов, влияющих на выполнение заданий, установление лучших методов производства и определения самой нормы. Эта практика нормирования, оказывающая огромное влияние на рост производительности труда, является в условиях капитализма средством усиления эксплуатации рабочих, выжимания прибавочной стоимости. Ленин писал о системе Тейлора: «Система Тейлора, — как и все прогрессы капитализма, — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д.»¹. Ленин указывал на необходимость использовать все ценное из этой системы в интересах социалистического строительства, использовать ее научные завоевания в деле лучшей организации труда. Используя научные завоевания капитализма в деле улучшения организации труда, мы ставим их на службу пролетариату, делаем их орудием подъема социалистической производительности труда, ведущей к росту благосостояния трудящихся нашей страны.

Наши передовые предприятия намечают ряд интересных мероприятий по улучшению качества кадров, руководящих нормировочной работой. На станкозаводе им. Орджоникидзе взамен аппарата нормировщиков намечается создание отдела технических норматив и мощностей, подчиненного непосредственно директору. В этот отдел подбираются лучшие инженеры, которые будут проводить работу в

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 454.

цехах совместно с начальниками цехов и мастерами. Перед ними поставлена задача — изучить технологический процесс по всем звеньям и весь станочный парк, изучить конструкцию каждого станка, скорости и подачи резания, характер приспособлений, инструментов. Они должны дать заключение по каждому станку о всех необходимых изменениях, которые надо провести, чтобы получить максимальный эффект; а после этого должны будут следить за соблюдением на станках рекомендованного ими режима. Такая организация работы дает безусловно большой эффект.

На ГАЗ организованы комплексные бригады в составе технолога, нормировщика-организатора, наладчика или мастера, задачей которых является разработка и внедрение организационно-технических мероприятий, повышающих производительность труда. В результате работы бригады производительность труда в отделении картера (прессовый цех) увеличилась на 51%, в механическом цехе по детали «поворотный кулак» производительность линии увеличена на 40—50%, расход времени в нормоминутах сокращен с 29,3 человеко-минут до 16,21. Силами этих комплексных бригад будет проводиться на ГАЗ пересмотр норм выработки и технических норм. Завод им. Карла Маркса намечает пересмотр состава нормировщиков, с тем чтобы выдвинуть на эту работу группу стахановцев, имеющих среднее образование, сдавших на «отлично» гостехэкзамен, технически оформивших свои предложения стахановской работы. На этом же заводе намечено проведение публичной защиты новых технологических процессов и новых норм выработки для новых машин, которые будут производиться на заводе в этом году. Защищать проекты должны их авторы, оппонентами будут начальники цехов, мастера, стахановцы. Такая защита норм производительности оборудования и норм выработки, включая и работу по нормированию инженерно-технических работников и стахановцев, обеспечит установление наиболее правильных норм.

В дальнейшем развертывании стахановского движения крупнейшую роль призвана сыграть правильная организация заработной платы. Значение зарплаты в условиях социализма как выражения меры труда и меры потребления неоднократно подчеркивалось в директивах нашей партии, в речах и выступлениях ее вождей. «До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют строгой и жесткой контроле со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления»¹. Эту меру дает зарплата, поскольку она выдается в соответствии с количеством и качеством труда и поскольку размер зарплаты определяет уровень потребления. Одним из шести исторических условий, выдвинутых товарищем Сталиным, является правильная организация зарплаты, такая ее организация, которая воздает должное квалификации работника, которая уничтожает левацкую уравниловку. В беседе с металлургами, в декабре 1934 г., в новой обстановке, когда решающим стал вопрос о людях, овладевших техникой, товарищ Сталин снова подчеркивает роль зарплаты и выдвигает требование «организовать зарплату так, чтобы она укрепляла решающие звенья производства и двигала людей на высшую квалификацию». Роль зарплаты неизмеримо вырастает, особенно на данном этапе, в условиях

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 437.

отмены карточной системы. При карточной системе зарплата была не главным и единственным, а только одним из элементов оплаты труда. «Теперь заработная плата превращается в основной регулятор, а ее повышение — в решающий стимул для рабочих и служащих. И это должно повести к большому усилению роли зарплаты»¹. В докладе на второй сессии ЦИК т. Молотов говорил о том, что ликвидация карточек и установление единых цен сделали денежную зарплату основным стимулом для рабочего. «Без развития денежного хозяйства и связанного с этим усиления роли зарплаты, и особенно прогрессивно-сдельной оплаты труда, мы не имели бы такого быстрого развития стахановского движения»².

Правильная система оплаты труда — это прежде всего оплата в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, оплата в соответствии с принципом социализма — «от каждого по способностям, каждому по труду». Такая оплата есть осуществление равенства в марксистском понимании — в условиях первой фазы коммунизма. Под равенством в социалистическом обществе марксизм понимает и «равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду»³. Этим требованиям отвечает индивидуальная сдельная оплата труда, обеспечивающая прямую зависимость оплаты от непосредственных результатов работы и тем самым стимулирующая выполнение работы большей по количеству и лучшей по качеству; прогрессивно-сдельная оплата является наиболее эффективной, стимулирующей, так как при ней рост зарплаты на базе роста производительности идет быстрее, чем в условиях прямой сдельщины. Применение прогрессивной сдельщины доказало ее большую эффективность; всюду, где она вводилась, достигалась расшивка «узких» мест, выявлялись богатые неиспользованные резервы роста производительности труда, оборудования. И понятно, что внедрение прогрессивной оплаты сыграло большую роль в развитии стахановского движения. Материалы ряда предприятий говорят о том, что на тех участках, где была введена прогрессивка, стахановское движение имеет большое распространение. «Интерес рабочих к повышению своего заработка имел немаловажное значение для развертывания стахановского движения»⁴.

Дальнейшее внедрение прогрессивной сдельной оплаты должно послужить серьезным фактором широкого развертывания стахановского движения. Но при этом необходимо помнить об одном условии: «Прогрессивно-сдельная оплата должна проводиться с умом, и обязательным условием правильного применения прогрессивно-сдельной оплаты труда должно быть удешевление продукции, снижение себестоимости». Это требование, выдвинутое т. Орджоникидзе в докладе на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б), однако не всегда соблюдалось. Применение прогрессивки «с умом» требует того, чтобы результатом ее были рост производительности труда, рост зарплаты и снижение себестоимости, обеспечивающие внутривидовое накопление, рентабельность производства. Между тем зачастую прогрессивная сдельщина не давала снижения себестоимости, которое является

¹ Молотов, Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 25/XI 1934 г. от отмене карточной системы по хлебу, сб. «В борьбе за социализм» (Речи и статьи), стр. 580; Партиздат, 1935 г.

² Доклад т. Молотова на второй сессии ЦИК СССР, стр. 11, Партиздат, 1935 г.

³ Сталин, Доклад на XVII съезде ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 30.

⁴ Молотов. Доклад на второй сессии ЦИК, стр. 11.

критерием правильного ее применения, приводила к значительному перерасходованию фондов зарплаты. Происходило это в силу того, что нормы выработки, за перевыполнение которых устанавливалась прогрессивка, были заниженными, а шкалы прогрессивки при этом очень крутыми. Приведем такой пример. На Кировском заводе у полускатчиков шкала прогрессивки была построена таким образом, что при предполагавшейся максимальной переработке норм на 30% зарплата должна была расти на 80%; темпы роста зарплаты при этом были бы выше роста выработки на 38,4%; в октябре 1935 г. переработка норм у полускатчиков достигала 50—60% и даже 100—150%, а зарплата выросла (в процентах к уровню зарплаты, рассчитанному на 100% выполнения нормы) на 100 и 200%; темп роста зарплаты обгонял темп роста выработки на 40—50—80%. Аналогичная картина на другом участке того же цеха — на сборке полов для железнодорожных платформ. Здесь шкала прогрессивки была построена так, что при наивысшем предполагавшемся росте переработки норм — на 33% — рост зарплаты составил бы 50%, фактически (в октябре) нормы перерабатывались на 60—80—100%, а зарплата выросла в 3—4 раза. В этом же цехе средний процент переработки норм (в октябре) составлял 44%; свыше чем на 50% перерабатывали норму 50% рабочих цеха, причем 20% из них перевыполняли норму на 100 и 200%; охвачено прогрессивной сдельной оплатой в этом цехе 55% рабочих. При таком положении прогрессивка должна приводить к отрицательным результатам в снижении себестоимости. И действительно, если в июле себестоимость передела грузовой платформы была 1364 руб., а зарплата в себестоимости 414 руб., то в октябре соответственно 1413 и 503 руб. Недостатки проведения прогрессивки на отдельных участках должны быть исправлены. В результате стахановского движения, в результате правильного проведения прогрессивно-сдельной оплаты труда мы должны безусловно получить снижение себестоимости продукции и ее удешевление.

«Переход на прогрессивку нужно всячески форсировать, такова установка ЦК нашей партии», — подчеркнул т. Жданов в докладе об итогах пленума ЦК. Вопрос о более решительном переходе на прогрессивку поставлен не только для рабочих-сдельщиков, но и для тех групп рабочих, которые сейчас еще находятся на повременной оплате, система оплаты которых не стимулирует повышения производительности труда, улучшения качества работы. На сдельной оплате труда в промышленности находится 65% рабочих, значительная часть повременщиков может быть также переведена на сдельную оплату. Прошедшие отраслевые конференции тяжелой промышленности приняли решения о значительном расширении внедрения прогрессивки.

Серьезным вопросом в системах оплаты труда является вопрос о переводе на индивидуальную сдельщину тех рабочих, зарплата которых построена по принципу бригадной сдельщины. Бригадная форма оплаты — это наследие уравниловки. Бригадная сдельщина обычно сохраняется там, где трудно наладить индивидуальный учет результатов работы. Но все же некоторые предприятия добиваются его осуществления. Развитие стахановского движения требует более решительного перехода от бригадной формы оплаты на индивидуальную сдельщину. Надо использовать удачные опыты разрешения этого вопроса. Вот некоторые из них. На заводе «Самочка» (Москва) до недавнего времени широко практиковалась коллективная сдельщина станочников-сменщиков на тех станках, где обрабатывались крупные

детали с длительным циклом обработки (10—12—20—40 часов). Всего по этой системе оплачивалось более 100 человек из 210—215 станочников механического цеха. Хотя в ряде случаев сменщики имели разную квалификацию, получали они п о р о в н у — пропорционально проработанному времени. Вычеты за брак раскладывались на всех, так как выявить, по чьей вине получился брак, было очень трудно. Борьба против этой коллективной сдельщины была начата недавно пришедшим на завод мастером-коммунистом т. Куниковым. Тов. Куников встретил сопротивление части рабочих и вначале не получил поддержки со стороны руководства завода. Решающее значение в ликвидации этой формы оплаты труда сыграло стахановское движение, ибо стахановская работа хотя бы одного из сменщиков требует ликвидации коллективной сдельщины как у р а в н и т е л ь н о й оплаты. В настоящее время к наряду на детали, обработка которых продолжается длительное время, приложены нормы по операциям, и мастер в конце смены совместно с рабочим отмечает, какие операции были выполнены им за день, и проверяет, нет ли брака. В настоящее время коллективная сдельщина сохранилась на двух-трех станках, а производительность труда резко возросла; обработка многих деталей стала укладываться в одну смену. Положительные результаты показывает также практика Калининского вагоностроительного завода, который ввел индивидуальную сдельщину вместо бригадной на сварке рам вагона; при этом рабочие, сами подбирая состав бригады, довели ее состав до 6 чел. вместо прежних 9 человек.

Развитие стахановского движения привело к значительной ломке плановых тарифных соотношений в оплате разных групп рабочих, причем нередки случаи, когда зарплата стахановца, стоящего на менее квалифицированной работе, обгоняет уровень зарплаты более квалифицированного рабочего не-стахановца и даже инженерно-технических работников. Например на Кировском заводе заработок (дневной) стахановца т. Макова, токаря III разряда, составил 18 р. 80 к., токаря VI разряда — не-стахановца — 17 руб.; стахановца т. Строгова, кузнеца V разряда, 34 р. 85 к., кузнеца Колюжник VIII разряда — не-стахановца — 24 р. 50 к.; стахановка т. Смирнова, сверловщица II разряда, зарабатывает в час 3 р. 25 к.; в том же цехе сверловщик IV разряда Кузьмин — не-стахановец — зарабатывал 1 р. 09 к. в час; на обувной фабрике «Пролетарская победа» в ноябре стахановцы II разряда получали (в среднем по предприятию) такую же часовую зарплату (1 р. 09 к.), как не-стахановцы VI разряда — 1 р. 11 к. На тормозном заводе (Москва) лекальщики инструментального цеха VIII разряда зарабатывают до 500—550 руб., а стахановцы IV—V разрядов в других цехах — 500, 600 и даже свыше 1 000 руб. Создается своеобразная уравниловка в оплате рабочих разных квалификаций; устранить ее можно лишь путем перехода на стахановские методы работы тех рабочих более высокой квалификации, зарплата которых отстала, тем самым повысив уровень их производительности труда, а следовательно и зарплаты. Но это требует того именно руководства стахановским движением со стороны инженерно-технических работников, которого требуют решения пленума ЦК. Охват стахановским движением широких масс рабочих будет означать выявление новых возможностей роста производительности труда на тех участках, где они были скрыты, в том числе и на участках работы тех квалифицированных рабочих, зарплата которых отстает от зарплаты рабочих, менее квалифицированных, но перешедших на стахановские методы. --

Круг вопросов регулирования зарплаты не исчерпывается вопросами, нами затронутыми. Оплата ИТР, ликвидация прогрессивки внутри нормы, изменение общего построения тарифных сеток и т. п. являются актуальными проблемами сегодняшнего дня. Необходимо самое серьезное внимание руководителей хозяйственников к их конкретному разрешению, ибо правильная организация зарплаты — решающий фактор успешного развертывания стахановского движения, перевода всей производственной работы на высшую ступень социалистической организованности и роста на этой основе уровня благосостояния пролетариев и всех трудящихся СССР.

«Стахановское движение означает... обеспечение быстрого роста производительности труда, обеспечение значительного роста заработной платы рабочих и служащих» (из резолюции декабрьского пленума). Переход на стахановские методы работы повысил зарплатки рабочих, ИТР. Нередки факты удвоения и утроения их зарплаты. И если одним из корней стахановского движения явилось то, что «жить стало лучше, жить стало веселее», то и обратно: стахановское движение ведет к тому, что жизнь становится еще лучше, еще веселее. Рост зарплаты на базе подъема производительности труда ведет к росту потребления продуктов питания, ширпотреба, к растущему удовлетворению культурных запросов. Стахановцы приобретают дорогие и высококачественные культтовары — пианино, патефоны, радиоприемники, фотоаппараты и т. п.

Сила социализма заключается в том, что гигантский подъем народного хозяйства у нас неразрывно связан с ростом материального благосостояния трудящихся, высокая оплата за высокое качество труда — важнейший фактор этого роста. Стахановцем может стать каждый рабочий. Превратить 1936 г. в стахановский год — значит развернуть во-всю стахановское движение и следовательно обеспечить широким массам трудящихся СССР высокий рост благосостояния, ибо, во-первых, стахановское движение ведет к росту предметов потребления и их удешевлению, к превращению нашей страны в наиболее зажиточную страну, во-вторых, оно обеспечивает значительный рост зарплаты рабочих и служащих, т. е. обеспечивает возможность большого роста потребления. Развертывание стахановского движения открывает захватывающие перспективы развития СССР, укрепления социализма в нашей стране, укрепления позиций социализма во всемирном масштабе.

К методологии анализа и планирования урожайности

«Сколько потребуется нам зерна в ближайшем будущем, скажем, года через 3—4? Нам потребуется не менее 7—8 миллиардов пудов зерна. Вот как обстоит дело, товарищи. Стало быть, мы должны уже теперь принять меры к тому, чтобы производство хлеба росло у нас из года в год и чтобы мы оказались к этому сроку вполне подготовленными к выполнению этой важнейшей задачи».

Сталин

Одним из могучих рычагов подъема урожайности в социалистическом хозяйстве является научно обоснованное планирование с.-х. производства. «Колхоз есть крупное хозяйство. Но крупное хозяйство нельзя вести без плана. Крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда и тысячи дворов, может вестись лишь в порядке планового руководства. Без этого оно должно погибнуть и развалиться»¹. Правильное планирование урожайности приобрело острейшее хозяйственно-политическое значение. Но для того чтобы планирование явилось действительным орудием подъема урожайности, оно должно быть построено на основе правильной, научной методологии.

Методология планирования урожайности в начальной стадии своего развития очень часто строилась на концепциях, совершенно чуждых марксизму. В основе этой методологии лежали попытки эмпирического предвидения урожайности, а не воздействие на почву и на растение в борьбе за высокий урожай. Это пассивное эмпирическое предвидение должно было явиться в результате открытия определенных закономерностей в статистических рядах и выведения динамических коэффициентов путем эксплуатации и интерполяции.

Исходя из этой реакционнейшей концепции, вредители — экономисты, статистики и плановики — доказывали неизбежность постоянных периодических чередований повышенных и низких урожаев, тем самым «узаконивая» неурожаи, оправдывая их². «Знаменитые» в свое время громановские «прогнозы», на основе которых строились широковещательные предсказания урожайности, также по существу по-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 517—518, изд. 10-е.

² Наиболее пожалуй яркое отражение эти псевдонаучные «теории» нашли в сборнике «Проблемы урожая» в статьях вредителей А. Чайнова, А. Вайнштейна и др. (изд. Научно-исследовательского института с.-х. экономики 1926 г.). Одной из типичных работ этого рода является также статья М. И. Семенова, К вопросу о закономерности колебаний урожаев («Вестник статистики», 1922 г., № 5—6), в которой на основе столетних данных В. Г. Михайловского (1800—1914 гг.) доказывается совершенная неизбежность периодических неурожаев в связи с «космическими» явлениями природы.

коились на эмпирическом анализе статистических рядов. Эти предсказания строились, как известно, на том, что урожайность каждого десяти лет должна якобы давать непрерывную монотонную прямую, так называемую «огиву». Если такой прямой нет, то местом прорыва определяется урожайность искомого года¹.

Не останавливаясь на оценке этих попыток «предвидения урожайности», игнорирующих массовую зяблевую вспашку, расширенное применение удобрений, введение механизации работ и т. д., отметим только, что закономерности чередования низких и высоких урожаев являются выражением отсталости и застойности земледельческого хозяйства. Это установил еще Маркс в своем знаменитом письме к Даниэльсону (Николаю — ону)² и в других трудах. Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что устранение капиталистической системы с ее хищнической эксплуатацией почвы откроет безграничные возможности воздействия на растение, на почву, на весь агрокультурный процесс, результатом чего явятся устойчивые высокие урожаи.

В условиях социалистической перестройки сельского хозяйства, колоссальной его механизации и машинизации, в условиях внедрения в колхозное и совхозное земледелие всех достижений мировой науки реакционнейшие методы планирования, предполагавшие подчинение стихийным силам природы и ни в коей мере не стимулировавшие борьбу за урожайность, окончательно разоблачены и отброшены марксистско-ленинской теорией и практикой планирования. В методологии планирования урожайности после разгрома вредительских теорий прочно утвердилась точка зрения активного воздействия на почву и растения путем проведения определенных агротехнических и организационно-хозяйственных мероприятий.

Однако нужно отметить, что подход к вопросам планирования и подъема урожайности все же часто носил грубо механистический характер. Эффективность отдельных агротехнических мероприятий, полученная на опытных станциях, механически переносилась в производство. Так как опытные учреждения изучали эффективность отдельных агромероприятий, то планирование урожайности сводилось к суммированию коэффициентов эффективности, полученных на опытных станциях от различных мероприятий. С полученной суммы делалась скидка известного процента на «дублирование эффективности», а иногда накидка известного процента на «комплексное действие».

Подобным методом, как известно, пытался планировать урожайность на первую пятилетку Земплан. Проектировка прироста урожайности в определенных процентах проводилась на основе учета: 1) введения севооборотов, 2) методов обработки почвы и посева, 3) семенного материала, 4) мероприятий, связанных с навозным и минеральным удобрением, 5) мероприятий по борьбе с вредителями. По каждому из этих мероприятий исчислялась прибавка урожая на основе главным образом данных опытных учреждений. «В результате суммирования размера прироста урожая со всей площади, — говорят составители плана, — от применения тех или иных технических приемов и изменений в организации сельскохозяйственного производства в общем по РСФСР спроектирован прирост урожайности по отношению к среднему исходному урожаю на 29%, а по отношению к 1927 г. — на 33%. Однако с этой цифры должна быть произведена скидка на дуб-

¹ См. стенограмму коллегия ЦСУ, «Вестник статистики», 1929 г., № 1, стр. 111.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 111—112.

лирование в расчетах эффективности отдельных мероприятий при их суммировании, с одной стороны, и, с другой — на возможный урожай в течение пятилетия»¹.

Как много раз указывалось, эффективность отдельных агротехнических мероприятий, полученную на полях опытных станций, нельзя механически переносить в производство. Эта эффективность получается на основе определенного агротехнического комплекса, при определенной комбинации почвенно-культурных и организационно-хозяйственных условий, например на мелких делянках определенной формы, при выполнении полевых работ иными способами, чем в производстве, и т. д. Совершенно ясно, что в производстве эффективность этих мероприятий будет иная, чем на опытных полях, так как самые условия практического земледелия отличаются от условий, специально создаваемых в опытном земледелии. Еще менее допустимо суммирование прибавок к урожайности, получаемых от проведения отдельных агромероприятий, так как совершенно очевидно, что сумма этих прибавок не может отвечать суммарному эффекту. Каждое агромероприятие в зависимости от того или иного агротехнического комплекса, в котором оно проводится, имеет различный удельный вес, различную, особую ценность. Рядовой например посев при проведении полного удобрения, при системе чистых паров, сортовых посевов и т. д. имеет совершенно иную эффективность, чем при поздних парах, отсутствии удобрений, мелкой пахоте и т. д.

I. Агротехнический анализ урожайности как исходный момент ее планирования

Планирование урожайности в настоящее время — это планирование агротехники и организационно-хозяйственных мероприятий. Начиная с 1932/33 г. важнейшие плановые задания по республикам и областям Советского союза даются непосредственно постановлениями Центрального комитета ВКП(б) и СНК СССР. В течение например 1935 г. было дано задание по подъему зяби, по подъему паров, по срокам уборки и т. д. В государственном плане весеннего сева на 1936 г. СНК СССР и Центрального комитета партии предусматриваются не только размеры посевных площадей и урожайности по культурам и секторам, по республикам, областям и краям, но и размеры сортовых посевов, протравливание и триерование семян, посев яровизированными семенами, сроки сева, подготовка почвы для посева, вывозка навоза, сроки подъема и обработки чистых паров.

Планирование урожайности на основе агротехники и организационно-хозяйственных моментов настолько глубоко уже вошло в практику планирования, что совершенно не нуждается в обосновании. К сожалению у нас почти вовсе не организуется передача путем планирования опыта лучших передовых социалистических хозяйств отстающим. Методы и формы передачи этим путем опыта остаются покуда еще неразработанными. Очень часто еще и теперь при планировании ориентируются лишь на данные опытных станций, механически перенося их в производство. Районные и областные организации чрезвычайно редко заканчивают с.-х. год серьезным анализом уро-

¹ «Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928—1932 гг.)», ч. 2, М. 1929 г., стр. 53.

жая, в котором была бы выяснена эффективность проведенных агротехнических мероприятий и намечались бы на основе этого контрольные задания на предстоящий с.-х. год. Между тем такое заключение с.-х. года должно быть обязательным для районных и областных организаций, для каждой МТС, колхоза, совхоза.

Основным исходным моментом анализа урожайности является установление агротехнических комплексов, при которых колхозы и совхозы данного района получают высшую, низшую или среднюю урожайность. Совершенно очевидно, что передовые социалистические хозяйства получают высокую урожайность не потому, что усиленно проводят то или другое агротехническое мероприятие, а потому, что проводят определенную систему агротехники. «Урожай, как известно, есть функция совокупного действия ряда факторов, — говорит академик Прянишников, — и выпадение хотя бы одного из них может свести к нулю действие всех прочих»¹. Если например все подготовительные работы по посеву проведены хорошо, но сам посев значительно запоздал, результаты, как известно, будут самые отрицательные. Такие же результаты получатся при своевременном посеве и при хорошем проведении всех работ, но при плохом качестве посевного материала и т. д.

Состав и характер показателей агротехнических комплексов определяются для каждой агропроизводственной зоны особо. В зонах с недостаточной увлажненностью в числе показателей должно быть снегозадержание, в зонах с избытком увлажненности этот показатель должен отсутствовать. Поэтому анализ и планирование урожайности необходимо начать с деления области и района на агропроизводственные зоны, положив в основу такого деления почвенные и метеорологические условия.

Однако плановое хозяйство одновременно учитывает и производственные моменты. Поэтому внутри почвенно-метеорологических зон может явиться необходимость выделения микрорайонов с хозяйствами однотипными по направлению, т. е. с приблизительно одинаковым соотношением отраслей: зерновых, молочно-товарных, свиноводческих, овощных, льняных и т. д.

Наконец следующим основным методологическим моментом анализа урожайности должно быть деление однотипных социалистических хозяйств, находящихся примерно в одинаковых природных условиях, на группы по урожайности. Задачей такого деления является установление агротехнических и организационно-хозяйственных факторов, определивших размеры урожайности в передовых и в отсталых хозяйствах.

Оперирование средними хозяйствами должно в процессе анализа свестись к минимуму. Сплошь и рядом эти «средние» не выявляют, а затемняют действие тех или иных факторов на урожайность и вообще на тенденции роста производительных сил. Борьба, которую вел В. И. Ленин против злоупотребления «средними» с идеологами народничества, сохраняет всю свою актуальность и теперь.

Глубокий хозяйственно-политический смысл группировок колхозов при анализе урожайности по почвенно-метеорологическим зонам состоит в том, что

¹ «Задачи химизации земледелия СССР», «Плановое хозяйство», 1935 г. № 3, стр. 71.

а) они позволяют установить те комплексы агротехнических и организационно-хозяйственных мероприятий, при которых различные по своей мощности группы колхозов получали тот или иной урожай;

б) они позволяют наметить не общие, а дифференцированные мероприятия по борьбе за высокий урожай для различных по мощности групп и указывают, на какие именно колхозы нужно обратить особенное внимание;

в) они дают возможность поставить все планирование урожаев на вполне реальные рельсы, подтягивая отстающие колхозы к передовым и поднимая передовые еще выше.

Результаты борьбы за урожайность выражаются в ежегодно происходящих сдвигах групп с низшими, высшими и промежуточными урожаями и отсюда в изменении средней урожайности. Указывая например на рост урожайности зерновых в Московской области в 1934 г. сравнительно с 1933 г. на 7%, необходимо одновременно рассмотреть, за счет каких групп колхозов произошел этот рост. Он мог произойти: а) за счет дальнейшего подъема урожая в передовых лучших колхозах при увеличении их числа, без увеличения и даже при росте числа отстающих, худших; б) за счет перехода отстающих колхозов в группы со средними или высшими урожаями; в) за счет подтягивания средних по урожайности колхозов в группы колхозов с повышенными урожаями; г) за счет общего роста урожайности во всех группах при резком изменении числа колхозов в каждой группе или без изменения их числа.

Как практически в процессе анализа урожайности производится указанная группировка колхозов по урожайности и агротехническим комплексам в пределах одной зоны, можно видеть из следующего примера.

Разбивая по урожайности и агротехнике озимой ржи 55 колхозов Волоколамского района (Московской обл.), получаем таблицу, приводимую на стр. 69.

Таблица показывает, что группы с повышенной и пониженной урожайностью имеют различные агротехнические комплексы. Колхозы, сеявшие больше по чистому пару, получили урожайность выше, чем колхозы с большим процентом занятых паров. Довольно четко здесь обнаруживается и влияние рядового сева. Не вполне ясно здесь на первый взгляд влияние навозного удобрения. Правда, высшая, VI группа колхозов по урожайности удобрена все 100% посевной площади. Но и II группа удобрена посев на 100%, а получила низкий урожай. Однако, как можно видеть, II группа по чистым парам посеяла только 8% озимой ржи, а VI группа—42%. Кроме того во II группе посеяно 66% местными и неизвестными сортами семян, а в VI группе колхозов с высокой урожайностью 100% засеяно сортовыми семенами («Вяткой»). В целом из этих данных ясно видно, что чем выше агротехнический комплекс, тем выше урожайность.

При анализе по области иногда бывает целесообразно группировать районы по зонам соответственно агротехнике последних и урожайности тех или иных культур в определенных почвенно-климатических зонах. Сопоставление таких групп районов может дать указания о влиянии того или иного агротехнического комплекса на урожайность по зоне в целом.

Наряду с оперированием массовым материалом совершенно необходимо тщательное изучение конкретного опыта отдельных передовых, рекордных по урожаям социалистических хозяйств, с тем чтобы передать их опыт и практику отстающим колхозам с низкой

Группировка колхозов по урожайности и агротехнике озимой ржи в Волоколамском р-не за 1934 г.¹

Показатели	I группа (9 колхозов)	II группа (6 колхозов)	III группа (14 колхозов)	IV группа (19 колхозов)	V группа (5 колхозов)	VI группа (2 колхоза)
	в % к средней областной урожайности, равной 10,2 ц с га					
	40—60	60—80	80—100	100—120	120—140	140—160
Посеяно (в % ко всей посевной площади озимой ржи) по чистому пару	24	8	25	23	36	42
Посеяно (в % ко всей посевной площади озимой ржи) по целине	7	—	1	11	—	—
Посеяно (в % ко всей посевной площади озимой ржи) по занятому пару	69	92	74	66	64	58
Посеяно (в % ко всей посевной площади озимой ржи) по навозному удобрению	66	100	73	86	70	100
Посеяно сеялками (в % ко всей посевной площади)	60	75	86	80	86	82
Отсортировано семян (в % ко всему семенному материалу)	100	100	96	82	100	100
Начало сева	15/VIII	14/VIII	25/VIII	12/VIII	17/VIII	18/VIII
Конец сева	21/X	1/X	10/X	9/X	26/VIII	30/VIII
Сортность (в % ко всему посевному материалу):						
неизвестные сорта	—	33	7	27	20	—
местные сорта	100	33	22	15	20	—
сорт „Вятка“	—	34	71	58	60	100

урожайностью. Важно также проанализировать урожайность отдельных отстающих колхозов и совхозов для выявления причин их низкой урожайности.

Одним из самых распространенных методологических приемов анализа является сопоставление агротехники и урожайности передовых колхозов с соседними отстающими, находящимися в одинаковых условиях. Разделив например колхозы Воскресенского района (Московской области), находящиеся в сходных природных условиях, на группы по агротехнике и урожайности озимой ржи, получаем таблицу, приводимую на стр. 70.

Урожайность в I группе колхозов с повышенной агротехникой выше в 2—3 раза, чем в соседних колхозах с пониженной агротехникой. Колхозы, в которых более или менее значительный процент удобренной навозом площади совпадает с благоприятными сроками сева и лучшими предшественниками, имеют более высокий урожай. Роль навозного удобрения затмевается здесь тем, что навоз вносится часто под парозанимающую культуру (вику, картофель), а не под рожь (Фединский колхоз). Резко снижают урожаи плохие предшественники и плохая обработка почвы. Во всех колхозах, где рожь идет по

¹ По данным Центральной государственной комиссии по определению урожайности.

Агротехника и урожайность озимой ржи по колхозам Воскресенского района ¹

Колхозы	Урожайность (в ц с 1 га)	Сроки сева		Удобрение		Предшественники					
		в установленный срок	с опозданием		навоз	минеральное удобрение	пар чистый	ви́ко-овсяный и картофельный пар	овес	рожь	греча и пр.
			не более 10 дней	более 10 дней							
В % к посевной площади											

I группа с урожайностью выше 12 ц

Маришкинский	16,0	50	50	—	50	50	—	100	—	—	—
Хлопковский	13,1	11	78	11	22	—	—	84	—	16	—
Городищенский	12,4	55	45	—	26	16	26	50	15	—	9
Фединский	12,4	41	44	15	—	—	—	86	—	14	—

II группа с урожайностью от 12 до 8,5 ц

Константиновский	10,9	28	72	—	—	—	—	94	—	—	6
Воскресенский	9,6	43	24	33	33	—	—	67	33	—	—
Гадиньковский	9,5	40	20	40	—	—	—	55	15	—	30
Лопагинский	9,5	74	26	—	—	—	—	100	—	—	—
Ратмировский	9,3	46	31	23	—	—	—	51	7	6	36
Сабуровский	9,2	59	21	20	—	—	—	41	19	40	—

III группа с урожайностью ниже 8,5 ц

Косяковский	8,0	19	28	53	18	24	11	28	9	16	36
Аргуловский	6,9	80	20	—	—	—	—	41	59	—	—
Елкинский	6,2	20	80	—	—	—	—	8	78	—	14
Свистягинский	6,0	40	31	29	—	—	—	56	20	—	24
Чаплыгинский	5,7	39	28	33	—	—	28	38	—	—	34
Харловский	5,1	46	54	—	42	—	—	29	71	—	—

овсу, ржи или грече, урожай резко снижается (Косяковский колхоз, Чаплыгинский, Сабуровский и др.). Снижение урожайности идет также и за счет растянутых сроков сева.

Однако возможно — и это, как всем хорошо известно, часто делается — сопоставить агротехнику и урожайность какой-либо культуры в отдельном колхозе по участкам. Сами колхозники обычно устанавливают, что если почва, рельеф и прочие природные условия одинаковы, но одна бригада лучше работала, — глубже например пахала, своевременнее выполняла все работы, лучше использовала сеялку и другие машины, — а другая бригада во всем отставала, то и урожайность в первой бригаде луч-

¹ По данным Центральной государственной комиссии по определению урожайности.

ше, чем во второй. Все это должно учитываться при планировании урожайности.

Одним из важнейших источников анализа и планирования агротехники и урожайности в колхозах является «отчет по агротехнике» (форма № 5 и №12 отчетности колхозов за 1935 г.), представляемый каждым колхозом. Другой основной источник — это данные о выполнении производственных планов по колхозу в целом и по бригадам, а также «книга истории полей» (или «паспорт полей»), которая должна вестись во всех колхозах и совхозах. Важнейшее значение имеют все отчетные данные по соцсоревнованию, построенные на учете выполнения норм дневной выработки. Хороший материал для планирования могут дать акты учетно-контрольных комиссий и инспекторов по учету и приемке работ от бригад.

Все эти и другие материалы при умелом их использовании и могут полностью выявить конкретные формы борьбы за высокий урожай, за дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление социалистических хозяйств.

Если анализ и планирование урожайности строятся главным образом на установлении агротехнического комплекса, то это не значит, что полностью исключается изучение эффективности отдельных элементов его в производстве. На практике такое изучение постоянно имеет место. Так например при анализе урожайности по Московской области мы устанавливаем следующую зависимость между урожайностью и ростом зяблевой пахоты за последние три года¹:

Годы	Поднято зяби (тыс. га)	В т. ч. колхозами (тыс. га)	Урожайность (в ц с 1 га)	
			овса	ячменя
1932	1 894	1 264	8,9	9,2
1933	2 202	1 710	9,3	9,9
1934	2 562	2 129	11,5	10,8

Конечно было бы неправильно сделать вывод, что только благодаря зяби урожай овса увеличился за три года на 30%, а ячменя — на 17%. Влияли на подъем урожайности и чистосортные семена, и предшественники, и сроки сева, и качество пахоты — словом, весь агротехнический комплекс. Но все же, если принять во внимание, что одновременно с ростом зяби неуклонно происходил и рост урожайности, то, несомненно, известную закономерность здесь можно и нужно установить.

Таким же образом на основе массовых данных устанавливается влияние на урожайность и других элементов агротехнического комплекса: удобрений, рядового сева, сортовых семян и т. д.

Конечно, оценивая данные о влиянии отдельных мероприятий на урожайность в условиях производства, необходимо выяснять, насколько эти данные подтверждаются опытными учреждениями, и если имеются расхождения, то в чем они состоят и чем вызываются. Такой анализ должен дать, во-первых, определенные указания со-

¹ Размеры подъема зяби и урожайность в 1935 г. здесь не приводятся в связи с тем, что границы Московской области значительно изменились и поэтому данные за этот год не сопоставимы с предшествующими.

циалистическим хозяйствам, и, в о-в т о р ы х, должен наметить новые задачи при постановке полевых опытов опытными учреждениями.

Выявление урожайности и агротехнических комплексов в колхозах, МТС, районах, зонах и областях в целом по ряду лет может дать ценнейший материал относительно ведущих факторов урожайности. Важно лишь при этом учитывать ежегодные изменения метеорологических и организационно-хозяйственных условий, влияющих на урожайность. Даже тот несовершенный учет, который ведется земельными органами и нархозучетом, позволяет в каждом районе по окончании с.-х. года сделать анализ урожайности, с тем чтобы на основе его планировать агротехнику и урожайность. Такой анализ урожайности, обязательный для районных земельных органов и МТС, явится мощным орудием борьбы за урожайность.

Обычно «обзоры с.-х. года», которые делались до Октябрьской революции и отчасти после нее, открывались исследованием зависимости урожайности от почвенно-метеорологических условий.

Не отрицая известного влияния почвенных различий на урожайность, нужно однако решительно отбросить теории о том, что «производительность с.-х. труда определяется естественным плодородием почвы». Ныне, в период социалистической реконструкции особенно ясно видно, как был прав Маркс, когда утверждал, что «хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно предполагает известное отношение, отношение к данному уровню развития земледельческой химии и механики и изменяется вместе с этим уровнем развития»¹.

Имеются десятки и сотни примеров, показывающих, что на «лучших» почвах получают порой самые низкие урожаи, а на «плохих» — самые высокие урожаи. Эти примеры достаточно известны, и мы не будем их здесь перечислять. Однако совершенно недопустимо отрицать полностью влияние почвенных условий на урожайность. Задача анализа урожайности состоит в выявлении того агротехнического комплекса, при котором на одинаковых почвах получают высокие и низкие урожаи. Поэтому в анализе урожайности первым и важнейшим этапом является разделение социалистических хозяйств по почвенным разностям, по урожайности и агротехнике. Самое тщательное изучение почвенных разностей — обязательное условие анализа урожая.

Неразрывно с изучением влияния почвенных разностей на урожай должно изучаться и влияние на него метеорологических условий. В условиях социалистической реконструкции сельского хозяйства вопрос о метеорологических условиях стоит несколько иначе, чем в условиях общественно застойных, отсталых форм земледелия. Основным и центральным в наших условиях является изучение путей агротехнического овладения метеорологическими условиями, установление агротехнического комплекса, применимого при известном сочетании осадка и тепла для каждой культуры. Поэтому изучение влияния метеорологических условий на урожайность каждой культуры по фазам вегетации должно неизбежно связываться с агротехническим анализом, а не превращаться, как это обычно бывало, в климатологическую характеристику истекшего года.

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, кн. 3, изд. 1923 г., стр. 191.

Конечно проще всего сослаться на стихию как на основную причину снижения урожайности. Однако сплошь и рядом два рядом расположенных колхоза с одинаковыми почвенно-метеорологическими и другими природными условиями получают урожаи пшеницы, ржи, овса и других культур совершенно разные: один например 16—17 ц; а другой—8—9 ц. Зима, весна, лето, осень протекали у них одинаково, почва, рельеф и другие природные условия одинаковы. Судьбы урожая в подавляющем большинстве случаев решали агротехника и организационно-хозяйственные условия, а не стихия.

Изучение влияния почвенно-метеорологических условий целесообразно связать также с размещением колхозов и совхозов по урожайности отдельных культур на территории районов и областей в целом, т. е. с географией урожайности отдельных культур. Изучение географии урожайности по области, по районам и сельсоветам со всей наглядностью вскрывает степень зависимости урожая от почвенно-метеорологических условий, от технической вооруженности, от степени освоения колхозами и совхозами агротехники, от типов (системы) хозяйств, от руководства, квалификации кадров и т. д. Тщательное изучение географии урожайности отдельных культур позволяет известным образом планировать размещение средств производства, проверять эффективность тех или иных агротехнических и организационно-хозяйственных мероприятий, а также помогает экономически и агротехнически оценивать каждую культуру.

II. Анализ и планирование урожайности в связи с организационно-хозяйственными моментами

Чтобы обеспечить научно обоснованное планирование агротехники и урожайности, важно не только тщательно установить агротехнические комплексы, определившие в различных группах колхозов ту или иную урожайность, важно еще установить причины, обусловившие ту или иную агротехнику, важно следовательно остановиться на организационно-хозяйственных моментах. Без этого анализа планирование агротехники и урожайности не может быть жизненным, так как агротехнические комплексы обуславливаются организационно-хозяйственными моментами.

Основными организационно-хозяйственными моментами, которыми определяется та или иная система агротехники в районе и которые нужно изучить в процессе анализа урожая, являются:

- а) организация территории (севообороты, соотношение с.-х. угодий и т. д.),
- б) энерго- и машиновооруженность (в зоне МТС и вне ее),
- в) организация животноводства (МТФ, СТФ, ОТФ),
- г) организация труда (организация бригад, звеньев, порядок начисления трудодней и другие моменты, стимулирующие производительность труда),
- д) организация борьбы с потерями.

В конечном счете в процессе анализа урожайности рассматриваются все моменты, связанные с организацией средств производства и расстановкой людей, распоряжающихся этими средствами производства. Все эти моменты рассматриваются на фоне коллективизации.

Одним из основных факторов, определяющих высоту урожайности, является организация территории и в первую очередь севооборотов. Анализ урожая должен выявить влияние правильных севооборотов на урожайность, их соответствие типам и требо-

ваниям экономики хозяйств (тяговой силы, рабочей силы и пр.), целесообразность графиков перехода к ним, препятствий, затрудняющих переход, и т. д.

Не останавливаясь здесь на методике изучения эффективности севооборота — этому большому вопросу требуется уделить особое внимание, — отметим лишь, что подобный анализ подводит итоги всем достижениям и недостаткам, с учетом которых должны быть запланированы конкретные мероприятия для дальнейшего внедрения севооборотов. В процессе анализа и планирования урожайности выясняется со всей наглядностью важность работы по агротехнической и организационно-хозяйственной оценке севооборотов, которая почти нигде не проводится.

Одновременно с изучением севооборотов анализ должен охватить и другие вопросы, связанные с организацией территории и влияющие на урожайность. В первую очередь это установление: а) тенденций изменения в соотношениях различных с.-х. угодий, б) комбинаций различных отраслей в специализированных хозяйствах, в) соотношения зерновых культур в различных типах хозяйств.

Другим важнейшим организационно-хозяйственным элементом, определяющим агротехнику и урожайность социалистических хозяйств, является энерговооруженность. Передовая агротехника, как показывает опыт получения высоких урожаев в лучших колхозах и совхозах, требует громадной затраты энергии на более глубокую пахоту, на многократные лущение и боронование и на другие работы в сжатые сроки. Анализ должен в каждом отдельном случае установить зависимость между агротехникой и урожайностью, с одной стороны, и состоянием тяговой силы — живой и механической — с другой. Как общее правило, между обеспеченностью живой тяговой силой и урожайностью имеется прямая зависимость.

В колхозах, как обслуживаемых МТС, так и не обслуживаемых ими, как правило, урожайность тем выше, чем больше обеспеченность колхозов живой тяговой силой. Однако нельзя огульно, без тщательного анализа в каждом отдельном случае, объяснить пониженную урожайность в части колхозов сокращением конского поголовья. Преимущества коллективизации настолько велики, что даже при уменьшении обеспеченности живой тяговой силой имелась возможность в отдельных случаях при лучшей организации и более высокой агротехнике более своевременно выполнять все с.-х. работы и получать более высокую урожайность. Но не подлежит сомнению, что не будь такого напряженного положения с живой тяговой силой например в Московской области, рост урожайности был бы еще более значителен. Борьба за количественный и качественный рост конского поголовья — важнейшее условие дальнейшего повышения урожайности.

Изучение влияния живой тяговой силы на урожайность не может и не должно быть оторвано от всестороннего изучения влияния на рост урожайности машинно-тракторных станций — этого могучего энергетического и организационного фактора. Анализируя урожайность в областном или в районном разрезе, совершенно необходимо исходить из материалов углубленного изучения факторов урожайности, — материалов, которые обязана собрать каждая МТС в районе своей деятельности. Вместе с тем желательно для каждого с.-х. года иметь сравнительные данные энергетического баланса с.-х. производства района и области. Обычно об эффективности

МТС судят по данным об урожайности в колхозах, обслуживаемых ими и не обслуживаемых. Данные эти, характеризующие огромные преимущества, получаемые колхозами, обслуживаемыми МТС, даются обычно в следующем виде:

Наименование МТС (Московская область)	Дата организа- ции МТС	Урожайность (в ц с га)			
		Рожь		Овес	
		в колхозах, обслу- живаемых МТС	вне МТС	в колхозах, обслу- живаемых МТС	вне МТС
Раменская	XII/1930 г.	9,5	7,8	11,5	11,2
Виноградская	IV/1931 г.	8,0	6,1	10,2	8,3
Ногинская	I/II 1934 г.	9,5	10,4	14,3	13,5

Однако эти данные не показывают, почему, в силу каких факторов, огромные преимущества МТС сказываются в одних случаях очень ярко, в других слабее, а в третьих совсем не сказываются. Такие сопоставления, в о-п е р в ы х, необходимо сопровождать данными об агротехнических комплексах, применяемых в различных группах колхозов, обслуживаемых и не обслуживаемых МТС, и во-вторых, данными об идентичности природных условий сравниваемых МТС. Так, сопоставляя урожайность и агротехнику двух рядом лежащих районов Московской области, из которых в одном все колхозы обслуживаются МТС, а в другом совсем не обслуживаются МТС, получаем следующее:

Агротехника и урожайность озимой ржи
(в % к посевной площади)

Наименование районов	Сроки сева		Удобрено		Посеяно сеялкой	Урожай- ность в кол- хозах (в ц с 1 га)
	посеяно в срок	посеяно с опоз- данием	навозом	мине- ральным удобре- нием		
Скопинский район (об- служиваемый МТС)	100	—	18	9	9	12,7
Милославский район (не обслужив. МТС)	65	35	7	1	2	11,7

Такова картина и по другим культурам. В Скопинском районе, где работает МТС, урожайность выше и по озимым, и по яровым благодаря своевременному посеву, лучшему удобрению, большему применению рядового сева, лучшей прополке, внедрению севооборотов и т. д., чем в Милославском районе. При планировании урожайности эти моменты имеют большое значение.

Наряду с эффективностью МТС анализ урожайности должен учитывать степень использования тракторов (работа трактора в гектарах и в часах), рост объема работ всего тракторного парка по видам работ (подъем паров, зяби, сев, уборка, обмолот и пр.), организацию текущего ремонта и т. д. Вместе с тем важно оценить квалификацию кадров МТС, а также характер хозяйственного и политического руко-

водства. Все это в огромной степени влияет на агротехнику и урожайность.

В анализе и планировании агротехники и урожайности необходимо учитывать и машиновооруженность колхозов и совхозов. Этот момент в известной степени уже учитывается при рассмотрении энерговооруженности. Главными при этом должны быть следующие вопросы:

- а) степень удовлетворения потребности в тех или иных с.-х. машинах и орудиях (количество гектаров, приходящихся на одну машину, и т. д.),
- б) использование с.-х. машин и орудий,
- в) целесообразность их распределения (по колхозам, совхозам, МТС),
- г) состояние с.-х. машин, их хранение и ремонт.

Тщательное изучение этих вопросов в каждом районе и МТС является обязательной предпосылкой правильного анализа и планирования урожайности.

На первом съезде колхозников-ударников товарищ Сталин в своей замечательной речи отметил, что «наши машины и тракторы используются теперь плохо. Земля наша обрабатывается неважно. Стоит только улучшить использование машин и тракторов, стоит только улучшить обработку земли — и мы добьемся того, что увеличим количество наших продуктов вдвое, втрое. А этого вполне достаточно для того, чтобы сделать всех колхозников зажиточными тружениками колхозных полей»¹.

Как это ни странно, но нередко практически, на деле, роль с.-х. машины у нас еще недооценивается. Это видно хотя бы из того, что даже в Московской области они недостаточно используются (например рядовые сеялки, триеры, культиваторы, комбайны и т. д.), находятся в условиях варварского хранения, плохо ремонтируются, неправильно распределяются. При анализе должен быть рассмотрен характер использования с.-х. машин и выяснены те громадные ресурсы, которые в этом отношении имеются. В частности рекордные, стахановские, нормы выработки комбайнов, молотилок, сеялок и т. д. заставляют внимательнейшим образом пересмотреть существующие нормы выработки.

Для того чтобы планирование было действительно мощным рычагом подъема урожая, анализ должен уделить серьезное внимание вопросам, связанным с состоянием трудовых ресурсов в районе или области и оказывающим часто решающее влияние на урожайность. Далеко не всегда низкие урожаи и плохие показатели агротехники связаны с недостатком трудовых ресурсов. Нередко можно видеть обратное — повышенную урожайность в колхозах с недостатком рабочей силы, получаемую благодаря правильному планированию, энерго- и машиновооруженности и правильной, стахановской организации труда.

В связи с этим к вопросу о трудовых ресурсах каждой определенной группы колхозов нужно подойти конкретно. Анализ должен установить степень использования трудовых ресурсов по периодам года, зависимость от них сроков выполнения с.-х. работ, зависимость между технической вооруженностью и трудовыми ресурсами и т. д.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 532, изд. 10-е. (Разрядка моя. — М. Ш.).

В тесной связи с трудовыми ресурсами стоит проблема организации труда. Организация труда, предусматриваемая сталинским уставом колхозной жизни, должна прежде всего проводиться по линии создания крепких постоянных производственных бригад. Анализ урожая должен на массовых данных установить влияние на урожайность этого основного, решающего элемента колхозного производства, вскрыть все имеющиеся в этой области достижения и недостатки в различных по урожайности типах и группах социалистических хозяйств.

Рассматривая зависимость урожайности от организации труда, необходимо остановиться:

а) на состоянии организации полеводческих бригад, на их числе в колхозах, на их количественном и качественном составе, на текучести, на прикреплении к ним земельных участков и средств производства, на соотношении в них мужчин и женщин, на нередких случаях извращения принципов организации бригад и т. д.;

б) на внутрибригадной расстановке сил — на организации звеньевой работы во время подъема зяби и пара, осеннего и весеннего сева, на прополке и уборке и т. д.; в частности здесь особо важно учитывать работу специализированных и комбинированных звеньев, размер средств производства, закрепляемых за звеньями, и пр.;

в) на нормировании и оплате полевых работ в трудоднях;

г) на состоянии соцсоревнования и ударничества;

д) на доходах колхозов и их распределении, учитывая в частности; выполняется ли указание устава артели о премировании лучших бригад и о списании трудодней — с худших. В основу этой части анализа может быть положено обследование тех лучших и худших колхозов, данные о которых уже фигурировали при агротехническом анализе урожайности.

Красной нитью через все части анализа урожайности колхозов, МТС, районов, области должна проходить оценка хозяйственного, политического руководства борьбой за высокий урожай. Судить о качестве руководства позволяют все основные показатели агротехники и организационно-хозяйственных моментов. Особое внимание в анализе должно быть обращено на все показатели стахановской работы, на все формы и способы стахановской организации масс на борьбу за высокий урожай. В основе правильного руководства производством лежит, как не раз говорил Л. М. Каганович, знание колхозов. Важно знать не только хорошие передовые колхозы; не менее важно знать плохие, отстающие колхозы, чтобы поднять их на высшую ступень. Конечно преподавать универсальный план руководства, один общий рецепт подъема отсталых колхозов, немислимо. Но совершенно необходимо усвоить те основные положения руководства колхозами, о которых говорили неоднократно товарищи Сталин и Каганович. И прежде всего районные организации должны подходить к каждому колхозу без шаблона, учитывая все его особенности и вовлекая в борьбу за урожай самые широкие массы.

III. Планирование агротехники и урожайности

В связи с недооценкой роли планирования урожайности как могущего средства передачи опыта лучших отстающим и в связи с отсутствием разработанной методологии планирования урожайности во

многих районах Советского союза оно еще проводится не конкретно, без полного учета плановых заданий государства, без анализа урожайности предшествующих лет, без учета состояния живой и механической тяговой силы, трудовых ресурсов и других организационно-хозяйственных условий. Даже в передовой по постановке планирования Московской области именно так планировали урожайность райземаотделы Пушкинского, Дмитриевского, Орехово-зубовского, Рязанского, Сопожковского и многих других районов.

Однако планирование урожайности страдает не только из-за отсутствия методологии, но и из-за отсутствия твердой системы планирования. Районные организации либо пытаются сами планировать урожайность, либо передают это дело полностью колхозам, предоставляя его по существу самотеку, или же, что еще хуже, планирование производится одновременно самими колхозами, райземаотделами, МТС, МГК (межрайонными государственными комиссиями по урожайности).

Хотя твердой системы планирования урожайности нет, однако несомненно имеются все элементы для построения этой системы. Практика успешно прокладывает пути в этом направлении. В некоторых областях, например в Московской области, дело обстоит следующим образом: составленные областными организациями контрольные задания по основным агротехническим и организационным моментам для районов кладутся этими последними в основу разработки контрольных заданий для колхозов и совхозов. На основе этих контрольных заданий составляют производственные планы, в том числе планы по агротехнике и подъему урожайности. Рассмотренные и утвержденные районными организациями планы поступают в областные организации. Однако практически эта схема рядом районов проводится очень нечетко.

В основном следовательно руководство планированием социалистических хозяйств ложится на районные организации. Как правило, районные организации дают каждому колхозу, не обслуживаемому МТС, контрольные задания по агротехнике и урожайности каждой культуры, на основе того или иного агротехнического комплекса, установленного анализом урожайности. В колхозах, обслуживаемых МТС, такие же, но более детальные контрольные задания даются машинно-тракторными станциями.

Исходя из полученных контрольных заданий, каждый колхоз самостоятельно проектирует агротехнику и урожайность одновременно с составлением плана. Конечно колхозы при этом должны широко пользоваться помощью районных организаций и особенно участков агрономов. Рассматривая и утверждая производственные планы, районные организации должны вместе с тем особенно внимательно останавливаться на планировании урожайности.

В настоящее время при установлении проектируемой цифры урожайности перечисляются обычно агротехнические мероприятия и размеры, в которых они должны проводиться колхозами, причем колхозы не дифференцируются по почвам, состоянию тяги и т. д. В лучшем случае учитываются лишь агротехнические показатели истекшего года.

Так, Рязанская государственная комиссия по определению урожайности, наметив для 1935 г. (по фактической урожайности в 1934 г. в районе лучших колхозов) по озимой ржи 15—16 ц с 1 га, по озимой пшенице — 18 ц, яровой пшенице — 14—15 ц, по овсу 15,5—17 ц и т. д., указывает, что для получения такого урожая требуется:

1. 100-процентное сортирование и триерование зерна (против 63% в 1934 г.).
2. Увеличение зяби с 37% в 1934 г. до 100% в 1935 г.
3. Посев сеялками на 80—100% в 8—9 дней (против 18 дней в 1934 г. для ранних яровых).
4. 100-процентная высококачественная прополка всех яровых.
5. 100-процентное удобрение навозом (18 т на га), 100% посевной площади против 20% в 1934 г.

Подобное планирование урожайности применяется рядом передовых районов. Но и здесь нет обоснования принятой урожайности, поскольку одни и те же агромероприятия распространяются огулом на все колхозы района с самыми различными урожайностями, почвенными и организационными условиями без их дифференциации. Нет здесь также и перенесения агротехнических комплексов из лучших колхозов в худшие. Речь идет обычно только о внедрении отдельных агромероприятий. Обезличка и уравниловка в планировании урожайности выявляются со всей определенностью.

Чтобы сделать возможной передачу агротехкомплексов, в основу разработки контрольных заданий необходимо положить:

а) деление района на агропочвенные и производственные зоны, установленные при анализе урожайности,

б) деление в этих зонах колхозов на группы по урожайности каждой культуры и установление для каждой группы определенных агротехнических комплексов, как это установлено анализом урожайности.

Переноса опыт агротехники из колхозов с высшей урожайностью в колхозы с низшей урожайностью, вместе с тем необходимо фиксировать для них и ту урожайность по каждой культуре, которую имели колхозы с высшей урожайностью. Только обеспечив реальное проведение организационно-хозяйственных мероприятий, колхозы с низкими урожаями в состоянии освоить высший агротехнический комплекс и подняться на высшую по мощности и урожайности ступень. Если отстающие колхозы по почвенным, метеорологическим и другим природным условиям не отличаются от передовых, если имеется возможность создать у них такую же энерго- и машиновооруженность, как в передовых, такие же квалифицированные кадры и другие организационно-хозяйственные условия, что может им помешать получить вместо 9—10 ц 15—16 и больше ц с 1 га зерновых?

Для группы колхозов с наивысшими устойчивыми урожаями тех или иных культур (свыше например 20—25 ц в Московской области) и с наиболее совершенными агротехническими комплексами эта методология выработки контрольных заданий естественно непригодна. Эти лучшие социалистические хозяйства, в которых возможно дальнейшее повышение урожайности, по своему характеру являются в каждом районе опытно-показательными и уже часто рассматриваются в качестве таковых. Они должны находиться в теснейшей связи с местными опытными станциями. Последние испытывают в первую очередь на них те новые агротехнические приемы, которые подлежат внедрению в социалистические хозяйства.

Не останавливаясь здесь на тех требованиях, которые должны предъявляться к этим лучшим передовым социалистическим хозяйствам при постановке в них полевых опытов, отметим, что в них урожайность планируется на основе имеющихся агротехнических комплексов с поправками, вносимыми на основании данных опытных учреждений.

Полученные колхозами контрольные задания по агротехнике и урожайности являются для них важнейшими директивами, которые они обязаны проводить в жизнь. Разрабатывая производственно-финансовый план, частью которого являются агротехника и урожайность, руководители колхозов должны привести в соответствие с планом тяговую и рабочую силу, навозные ресурсы, машиновооруженность и т. д. Руководители колхозов в процессе разработки годового производственного и рабочих бригадных планов мобилизуют бригадиров и всех вообще колхозников вокруг задачи повышения урожайности. Это является важнейшим условием успешного планирования и борьбы за урожай. Агротехника и урожайность колхоза должны планироваться не только по каждой культуре, но и по каждому участку, отличающемуся теми или иными особенностями и требующему особой агротехники. Каждой бригаде по каждой культуре в зависимости от различных условий дается особое задание по урожайности и затем выводится средняя урожайность по колхозу в целом. Очень желательно, чтобы перед планированием руководители колхозов непосредственно ознакомились с идентичными по условиям колхозами, чьи агротехнические комплексы как примерные им передаются.

Еще одно методологическое замечание. Контрольные задания районон и планирование должны строиться не на амбарной и не на биологической (урожайность на корню), а на хозяйственной урожайности. Амбарная урожайность как не включающая устранимые потери, являющиеся следствием бесхозяйственности и пр., не может служить исходным моментом определения урожайности, так как это снижает стимул к борьбе с потерями. Биологическая урожайность, как не включающая неизбежные потери во время жатвы, молотбы, скирдования, транспорта и т. д., также не может явиться исходным моментом планирования. Хозяйственная урожайность, на которой базируется планирование, исчисляется путем вычета из биологической урожайности неизбежных потерь.

Конечно для правильной разработки контрольных заданий, планирования и руководства с.-х. производством необходима правильная постановка с.-х. учета и в частности постановка учета эффективности агромероприятий. Тов. Каганович на Первом съезде колхозников-ударников отметил, что «учет и планирование в большинстве колхозов поставлено плохо». Если твердая система с.-х. учета была невозможна в условиях миллионов распыленных единых мелких хозяйств, то она совершенно обязательна в социалистическом плановом хозяйстве, когда в районе имеется всего 200—400 крупных хозяйств. Без такого учета ни передача опыта лучших, ни анализ и планирование урожайности, ни высококачественное оперативное и политическое руководство не могут быть подняты на надлежащую высоту.

Каждый истекший с.-х. год совхозы, колхозы, МТС, районы и области должны заканчивать тщательным анализом урожайности, тщательным рассмотрением эффективности проведенных агротехнических, организационно-хозяйственных и политико-экономических мероприятий по подъему урожайности.

Методологически правильное планирование урожайности на основе передачи опыта лучших отстающим стимулирует рост и организацию стахановского движения, указывая каждому колхозу и совхозу совершенно конкретные способы значительного повышения урожайности в кратчайший срок. Вместе с тем, содействуя перенесению в со-

циалистическое производство новейших достижений науки и техники, такое планирование ликвидирует существующий отрыв с.-х. науки от производственных процессов.

«Данные науки, — говорит товарищ Сталин в своей речи на Первом всесоюзном совещании стахановцев, — всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, с опытом, — какая же это наука? Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества».

Чем глубже анализ урожайности истекшего года, тем более обоснованными и реальными будут контрольные задания и планы будущего года, тем более мощным орудием становится планирование как средство борьбы за высокий урожай, за выполнение важнейшей задачи — получить 7—8 миллиардов пудов хлеба, — которую поставил перед социалистическим сельским хозяйством товарищ Сталин.

Победа социалистического сельского хозяйства

Принятый на Втором съезде колхозников-ударников сталинский устав колхозной жизни явился могущественным фактором и организующим началом в деле дальнейшего развития успехов и подъема социалистического сельского хозяйства. Сталинский устав колхозной жизни ярко проявил себя в блестящем проведении всех важнейших работ в области сельскохозяйственного производства истекшего года. Этот поворот в сознании широчайших масс тружеников социалистического земледелия нашел свое выражение в огромном росте энтузиастов производства, стахановцев в области социалистического земледелия, не только начинающих овладевать и осваивать высокую технику социалистического земледелия, но и показавших в ряде случаев невиданные нигде в мире нормы выработки на самых сложных машинах.

Если 1933 год был годом перелома в подъеме полеводства, главным образом в отношении зерновых хлебов, а 1934 год — годом перелома в деле развития животноводства, то 1935 год является годом дальнейшего значительного подъема всех отраслей сельского хозяйства. Физический объем валовой продукции сельского хозяйства в неизменных ценах 1926/27 г. в 1935 г. увеличился примерно на 11% против 1934 г. и на 24% по сравнению с 1932 г.

Темпы роста продукции сельского хозяйства СССР в 1935 г. являются исключительными как по сравнению с темпами роста продукции за предыдущие годы, так и по сравнению с темпами роста продукции сельского хозяйства такой передовой капиталистической страны, как США.

Приведем соответствующие данные:

	СССР			США
	1935 г.	1933/34 г.	1926/29 г.	1925/29 г.
Среднегодовые темпы роста продукции сельского хозяйства . .	10,9	5,7	2,7	1,7
Во сколько раз темпы СССР в 1935 г. выше	—	1,9	4,0	6,4

Общий рост продукции сельского хозяйства в 1935 г. шел по линии дальнейшего развития социалистических форм производства и повышения их удельного веса. Рост коллективизации (до 90%), дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление совхозов и колхозов, усиление роли МТС в социалистическом производстве послужили

в 1935 г. основой для более быстрых темпов развития сельского хозяйства. Удельный вес социалистического хозяйства вместе с индивидуальным хозяйством колхозников в стоимости всей валовой продукции сельского хозяйства составляет: в 1934 г. — 86,4%, в 1935 г. — 93,6%; план 1937 г. — 100%. Число МТС в 1935 г. выросло до 4 375 против 3 533 в 1934 г. Площадь посева в колхозах, обслуживаемых МТС, выросла до 75,9 млн. га против 63 млн. га в 1934 г., составив 72,8% ко всей площади посева колхозов.

Поступление в сельское хозяйство за годы второй пятилетки огромного количества тракторов, автомобилей, комбайнов и ряда других двигателей коренным образом изменило энергетику сельского хозяйства. В 1928 г. доля рабочего скота в общих энергоресурсах составляла 96%, доля механических двигателей — 4%. В 1935 г. доля рабочего скота снизилась до 49,7% при росте доли механических энергоресурсов до 50,3%.

За истекшие три года второй пятилетки вложения в обобщественное сельское хозяйство достигли 16,5 млрд. руб., что составляет 75,3% к плановому заданию второй пятилетки и 152,7% по сравнению с вложениями в течение первой пятилетки. Капитальные вложения по МТС за истекшие три года почти втрое превышают вложения за период первой пятилетки. В результате роста и укрепления колхозов капитальные вложения последних за три года второго пятилетия почти вдвое превысили вложения первой пятилетки. Поступление в сельское хозяйство тракторов, автомашин и с.-х. машин за три года второй пятилетки оценивается по ценам текущих лет в 3 135 млн. руб., из них за 1935 г. поступило на 1 334 млн. руб. По сравнению с периодом первой пятилетки социалистическое сельское хозяйство за три года второй пятилетки получило по стоимости тракторов больше в три раза, автомашин — в пять раз; сельскохозяйственных машин получено столько же, сколько за всю первую пятилетку (на 1 254 млн. руб., против 1 305 млн. руб. в первую пятилетку). В результате такого роста капитальных вложений мы имеем значительное усиление технической вооруженности сельского хозяйства. Действующие основные средства производства социалистического земледелия в 1935 г. составили 17,3 млрд. руб. против 11,4 млрд. руб. в 1932 г., конечном году первой пятилетки, и 15,3 млрд. руб. в 1934 г. Рост по отношению к 1932 г. на 51,8%. Эта техника, сконцентрированная в руках пролетарского государства, в совхозах и МТС, является мощным рычагом социалистического развития сельского хозяйства, превращения труда сельскохозяйственного в разновидность труда индустриального и создания предпосылок к изживанию противоположности между городом и деревней. Решающее условие осуществления этих задач — дальнейшее освоение новой техники. В этом сейчас главное.

1. Подъем социалистического земледелия

1935 год в отношении весеннего сева, предуборочных работ, уборки дал нам новый календарь значительно более сжатых сроков этих работ по сравнению с предыдущими годами. Нельзя сказать, чтобы весна в климатическом отношении была особо благоприятной для развертывания и хода полевых работ. Начало весны было довольно раннее, однако наступившие после 15 марта холода и выпадение больших осадков, зачастую в виде снега, в значительной мере затормозили развертывание полевых весенних работ. Несмотря однако на это, весенний сев в истекшем с.-х. году был проведен в сжатые сроки, и

качество сева с точки зрения агротехники было намного выше, нежели во всех предшествующих годах. Потерянное из-за похолодания время и замедлившиеся вследствие этого в начале весны темпы в развертывании сева в последующий период, в апреле-мае, были с избытком наверстаны. Начиная с первых чисел апреля, темпы сева возрастали из пятидневки в пятидневку, в результате чего уже к 1 мая план весеннего сева был выполнен более чем наполовину. Ни один из предшествующих годов по количеству засеянной площади на 1 мая не может идти ни в какое сравнение с 1935 г. Наглядной иллюстрацией к сказанному может служить следующая таблица:

Ход сева яровых культур
(засеянной площади в % ко всей площади посева соответствующего года)

Д а т ы	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
На 1/IV	0,9	2,1	8,7	7,3
» 15/IV	3,6	11,4	18,2	24,4
» 1/V	16,1	27,8	38,5	53,0
» 15/V	46,9	58,4	71,4	83,7
» 1/VI	80,5	86,8	93,8	98,0

Конкретный язык цифры со всей очевидностью подтверждает значительно более высокие темпы сева в 1935 г. не только в сравнении с последним годом реорганизационного периода (1932 г.), но и по сравнению с годами наступившего затем перелома в сельском хозяйстве, т. е. по сравнению с 1933 и 1934 гг. В основном сев в 1935 г. был уже закончен к 25 мая, т. е. на 15 дней раньше, чем в 1934 г. (10 июня). Если взять дату 15 мая за четыре года—1932, 1933, 1934 и 1935—и сравнить процент выполнения плана сева на это число по отдельным культурам, то получим не менее разительный результат для весеннего сева 1935 г.

Процент выполнения плана сева по СССР на 15 мая 1932—1935 гг.

Название культуры	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Все зерновые культуры	42,8	55,9	72,3	84,0
Ранние зерновые колосовые	53,2	70,9	77,9	91,3
Пшеница	64,1	74,5	75,6	96,2
Хлопок	83,1	85,5	94,9	97,3
Сахарная свекла	44,6	86,6	98,4	105,6
Лен	13,7	28,3	71,5	78,7

В весну 1935 г. почти по всем решающим культурам удалось добиться посева их в сроки, агротехнически наиболее благоприятные. После 1932 г., последнего года реорганизационного периода, мы имеем из года в год нарастающее улучшение и ускорение сроков завершения весеннего сева.

Не меньшие успехи достигнуты и в отношении сжатия сроков сева озимых под урожай 1936 г.:

Ход сева озимых

Г о д ы	Посеяно в уст. новленный срок		
	млн. га	в % ко всей площади посева	в % к 1932 г.
1932	17,6	47,3	100,0
1933	20,8	55,9	118,2
1934	27,2	72,9	154,5
1935	28,8	78,3	163,6

Успехи весеннего и осеннего сева в 1935 г. выражаются не только в ускоренных сроках его проведения, но и в огромных качественных сдвигах по агротехнике.

Основные агротехнические мероприятия — чистые пары и зяблевая пахота — в 1935 г. значительно выросли по сравнению с 1932 г.: площадь чистых паров увеличилась на 8,8 млн. га (на 45,8%), площадь зяблевой пахоты — на 21,8 млн. га (на 91,1%). Значительно выросла и обеспеченность посева этими культурными видами обработки; посев озимых по чистому пару в 1935 г. составляет 63,9% всей площади посева озимых против 43,1% в 1932 г., посев яровых по зяби и чистым парам в посеве 1935 г. составляет 49,2% всей площади посева яровых против 30,1% в 1933 г. В 1936 г. посевы яровых будут проведены по зяби и парам на 53,5% площади. Надо отметить, что высокая обеспеченность посева чистыми парами и зяблевой пахотой, оказывая непосредственное влияние на урожай, является также одним из условий для сокращения сроков сева.

Значительно выросла вывозка навоза на колхозные поля: в 1935 г. вывезено навоза в 6 с лишним раз больше, чем в 1932 г.: в 1935 г. вывезено 135,7 млн. т против 21,5 млн. т в 1932 г. Почти в два раза увеличилось поступление минеральных удобрений в сельское хозяйство: в 1935 г. — 2 105,6 тыс. т, в 1932 г. — 1 111,2 тыс. т.

Наряду с количественным ростом агротехнических мероприятий улучшается и качественная сторона их: вспашка чистых паров, произведенная в лучшие с точки зрения агротехники сроки (до 15 июня), составляет в 1935 г. 79,9% против 21,3% в 1932 г. Несколько улучшился и уход за парами: в 1934 г. было прокультивировано 42,9% всей площади паров, в 1935 г. — 51,3%. К сожалению, большая часть паров была прокультивирована только один раз, значительно меньшая часть паров была подвергнута двух- и трехкратной культивации:

	1934 г.	1935 г.
	(в % к площади паров)	
Прокультивировано 1 раз	28,7	32,6
» 2 раза	9,7	13,7
» 3 »	4,5	5,0
<hr/>		
Всего прокультивировано . . .	42,9	51,3

В отношении сроков подъема зяби также имеются некоторые сдвиги: своевременно вспахано зяби в 1935 г. 78,8% площади, в 1932 г. — 65,3%. Лушечка стерни лишь в 1935 г. производилась в массовом масштабе.

Успехи в проведении агротехнических мероприятий — это только начало использования резервов повышения урожайности, и постав-

ленная товарищем Сталиным задача — увеличить в ближайшие 3—4 года производство зерна до 7—8 миллиардов пудов — вполне разрешима. Основной упор в дальнейшей борьбе должен быть сделан на качественную сторону агротехнических мероприятий. Колхозные поля до сих пор остаются сильно засоренными. На них можно встретить самые разнообразные виды сорняков, но особенно широко распространен злостный многолетний сорняк — осот.

По материалам разработки карточки измерения урожая на корню в 1935 г. по группам колхозов с различной высотой урожайности чистые посевы перед уборкой в отдельных областях составляли (в % к площади посева):

Пшеница озимая

	Винницкая область	Одесская область	Днепропетровская область	Азово-черноморский край
С самым высоким урожаем . . .	57,2	54,9	81,1	54,0
» низким » . . .	28,7	33,6	50,1	36,4

Рожь озимая

	Московская	Ивановская	Татарская АССР
С самым высоким урожаем	63,7	75,9	84,1
» низким »	44,9	54,5	23,5

Совершенная агротехника может полностью искоренить сорняки на колхозных полях. Достигнутые в этом отношении в 1935 г. сдвиги еще недостаточны, на применение агротехники нужно сделать основной упор. Нельзя однако пренебрегать и ручной прополкой. В 1935 г. было прополото около $\frac{3}{4}$ посева колосовых. За отдельные годы прополка колосовых была проведена в следующих размерах:

	1933 г.	1934 г.	1935 г.
В млн. га	32,9	47,9	56,3
В % к площади посева	44,6	63,4	73,6

Необходимо обратить особое внимание на более полное использование навоза для удобрения — сейчас для удобрения используется только половина имеющегося навоза. Основная причина — небрежное хранение его. До сих пор это дело ведется по-старинке, между тем имеется полная возможность хранить навоз в специально построенных для этого хранилищах. Это мероприятие может обеспечить значительное количество добавочного и весьма ценного удобрения.

Необходимо обратить особое внимание на внедрение в посевы сортовых семян зерновых. В отношении сортовых посевов положение до сих пор остается явно неудовлетворительным. Имевшиеся в 1935 г. сдвиги нельзя признать достаточными. Удельный вес сортовых посевов по основным зерновым культурам (по пшенице, озимой и яро-

вой, ржи озимой, овсу и ячменю) составляют в процентах ко всей площади посева: 1932 г. — 27,5%; 1934 г. — 30,4% и 1935 г. — 35,1%.

Все больше укореняются новые агротехнические приемы, из которых особо должна быть отмечена яровизация семян; в 1934 г. по основным яровым зерновым культурам было засеяно яровизированными семенами около 0,5 млн. га; в 1935 г. посев яровизированными семенами составлял уже около 2 млн. га.

Закрепляя количественные успехи в агротехнике, необходимо расширить их до размеров, обеспечивающих культурной обработкой полностью весь посев озимых и яровых культур. При этом особое внимание должно быть обращено на качественную сторону самих агротехнических мероприятий.

Не меньшие успехи в 1935 г. были достигнуты в проведении уборочной. Метеорологические условия были значительно хуже прошлого года, в особенности для центральной части Советского союза, для таких областей, как Ленинградская и Московская. В Западной и Ивановской областях, в Горьковском крае, в Татарской АССР дожди, разразившиеся в самый горячий период уборки во второй половине июля и в течение всего августа, — сильно задерживали уборку. Отставание в сроках уборки этих краев безусловно сказывалось и на общих итогах уборки по Союзу. Несмотря однако на затруднения в этих областях, в целом по Союзу темпы уборки не только не были ниже темпов прошлого года, а даже несколько выше. По данным оперативной отчетности Наркомзема, было скошено по Союзу в процентах к засеянной площади:

	В 1934 г.	В 1935 г.
На 10 августа	59	58
» 20 »	71	76
» 1 сентября	82	87
» 10 »	91	94
» 20 »	95	97

Такой результат косовицы по Союзу в целом, несмотря на отставание центральной полосы, оказался возможным потому, что другие районы, в особенности южные и восточные, играющие в производстве хлеба решающую роль, провели уборку хлеба в этом году значительно скорее, нежели в 1934 г.

В истекшую уборочную кампанию значительных успехов добились наши зерновые фабрики-совхозы Наркомсовхозов, которые в прошлые годы сильно отставали в темпах уборки. В 1935 г. они с уборкой справились быстрее и лучше.

Более высокое качество весеннего сева и успешное завершение уборки зерновых и технических культур, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, свидетельствуют о дальнейшем организационно-хозяйственном укреплении наших социалистических с.-х. предприятий — совхозов и колхозов, о росте кадров в сельском хозяйстве, доказавших на примере проведения весеннего сева и уборочной истекшего года способность быстро овладевать новейшей техникой с.-х. производства. В период упорной и тяжелой борьбы за социалистическое переустройство сельского хозяйства наша страна сумела вырастить огромные массы организаторов крупного коллективного производства в сельском хозяйстве. Эти кадры — председатели колхозов, бригадиры и др. — начинают овладевать организационным руководством крупным производством, овладевать техникой своего дела. За эти годы наша страна вырастила миллионные массы квали-

фицированных колхозников — трактористов, комбайнеров, механиков на сложных молотилках. Состоявшийся в 1935 г. накануне весеннего сева II съезд колхозников-ударников, на который съехались лучшие представители колхозного крестьянства, сыграл огромную организующую роль в проведении как весеннего сева, так и уборочных работ истекшего года. Принятый на съезде сталинский устав колхозной жизни, который затем обсуждался в каждом колхозе, вызвал мощную волну подъема и энтузиазма широких масс колхозников, направленную на борьбу за отличное проведение весеннего сева и за высокий колхозный урожай. Большую организующую роль в деле борьбы за высокий урожай сыграли также законы о контрактации свеклы, хлопка, льна и других технических культур. Эти законы стимулировали борьбу за высокое качество обработки решающих технических культур и за своевременное проведение их сева и уборки.

2. Механизация сельского хозяйства

«Только крупное производство общественного типа способно использовать во-всю данные науки и новой техники и двинуть вперед семимильными шагами развитие нашего сельского хозяйства»¹. В то время как капитализм консервирует отсталые формы сельского хозяйства и вопреки отдельным достижениям увековечивает историческую отсталость производительных сил в этой отрасли хозяйства, в Советском союзе сельское хозяйство преобразовано в форме совхозов, МТС и колхозов, располагающих первоклассной машинной техникой, в крупнейшее в мире сельскохозяйственное производство.

Рост материально-технической базы социалистического сельского хозяйства

Показатели	Поступление		Поступление за 3 года второй пятилетки (в % к поступлению за первую пятилетку)
	За первую пятилетку	За 3 года второй пятилетки	
Тракторы (млн. л. с.)			
Все сельское хозяйство	2,40	4,69	195,4
В т. ч. МТС	1,20	3,53	294,2
» » » совхозы	1,20	1,16	96,7
Комбайны (тыс. шт. в переводе на 15-футовые			
Все сельское хозяйство	15,5	45,8	295,5
В т. ч. МТС	3,0	32,3	1 076,7
» » » совхозы	12,5	13,5	108,0
Автомобили грузовые и легковые ² (в тыс. шт.)	14,4	66,6	462,5

Эти данные показывают, что на основе мощного промышленного развития страны темпы технического перевооружения сельского хозяйства во второй пятилетке в огромной степени ускорились. За три года второй пятилетки мощность тракторов, поступивших в сельское

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 265, изд. 10-е.

² По системе НКЗ СССР и Наркомсовхозов.

хозяйство, почти в 2 раза превысила мощность тракторного парка, поступившего за годы первой пятилетки. Почти в 5 раз увеличилось поступление автомобилей. В три раза увеличилось поступление комбайнов. Тот факт, что основная масса этих машин поступила в МТС, имеет исключительное значение с точки зрения укрепления колхозного строя и дальнейшего социалистического перевоспитания колхозников, роста производительности труда в колхозах и подъема материального и культурного уровня колхозного крестьянства.

Вот данные, показывающие быстрый рост охвата МТС колхозного производства:

Охват машинно-тракторными станциями колхозного производства

Показатели	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Число МТС на конец года . . .	2 466	2 916	3 533	4 365
Площадь посева в колхозах, обслуживаемых МТС (в млн. га)	45,1	54,9	63,0	75,9
То же в % ко всей площади посева колхозов	49,3	58,6	63,9	72,8

Этот рост значения МТС как организаторов колхозного производства показывает, что задача второго пятилетнего плана о превращении труда сельскохозяйственного в разновидность труда индустриального будет безусловно выполнена. Поступление в сельское хозяйство за годы второй пятилетки огромного количества тракторов, автомобилей, комбайнов и ряда других двигателей коренным образом изменило энергетику сельского хозяйства. Одним из самых ярких образов отсталой, мелкокрестьянской дореволюционной деревни была забитая, загнанная, жалкая крестьянская лошаденка, являвшаяся единственной тяговой силой сельского хозяйства. В настоящее время основными двигателями в сельском хозяйстве стали трактор, автомобиль и другие механические двигатели.

Следующие данные характеризуют структуру энергетических ресурсов сельского хозяйства СССР.

Структура энергоресурсов сельского хозяйства СССР

Показатели	1928 г.	1932 г.	1935 г.
Рабочий скот ¹	96,0	77,8	49,7
Тракторы мощные (на крюке)	1,3	12,9	29,0
Автомобили (грузовые)	0,1	1,7	6,1
Комбайны	—	2,9	9,8
Прочие механические двигатели	2,6	4,7	5,4
Итого	100,0	100,0	100,0

Лошадь, сохраняя значение важнейшего тягового средства в сочетании с тракторной и автомобильной тягой, находит свое новое, более рациональное применение на таких работах, как сев, транспорт, и в области обслуживания колхозного быта. Такое использование лошадей создает наилучшие условия для сохранности конского состава

¹ Рабочий скот за все годы показан на весну.

и его ускоренного воспроизводства. В связи с этим показательны данные о том, на каких работах используется тракторная тяга.

Структура работы тракторов в МТС в 1934 и 1935 гг.
(в % к итогу всей работы тракторов в переводе на пахоту)

Г о д ы	Вспашка	Пере- пашка	Посев	Дискова- ние, куль- тивация, боронова- ние и лу- щение	Уборка зерновых		Уборка техниче- ских культур
					всеми хлебоубо- рочными машинами	в т. ч. комбай- нами	
1934	71,3	6,2	4,6	11,1	6,7	2,0	0,1
1935 (на 1/XI) . .	63,3	8,7	5,8	14,5	7,2	2,9	0,5

Массовое применение тракторов, автомобилей и комбайнов привело к коренному изменению в составе применяющихся в сельском хозяйстве средств труда, в результате чего революционизируется весь процесс сельскохозяйственного производства и постепенно создается в сельском хозяйстве законченная система машин, этот характернейший признак высокоразвитой промышленности. Приводимые ниже данные показывают, какое огромное количество передовых, наиболее совершенных средств сельскохозяйственного производства поступило в социалистическое сельское хозяйство за годы второй пятилетки.

Поступление сельскохозяйственных машин в сельское хозяйство (в шт.)

Виды с.-х. машин и орудий	1933 г.	1934 г.	1935 г. (на 1/XI)
Плуги тракторные лемешные	54 175	71 031	73 139
Сеялки зерновые тракторные	11 865	11 951	15 792
Культиваторы тракторные для сплош- ной обработки	2 504	4 175	6 730
Комбайны 15-фуговые	8 651	7 295	15 732
» 20 »	2 072	1 035	4 115
Сноповязалки тракторные	8 750	5 089	1 166
Молотилки МК 1100	10 418	10 804	9 119
» БДО 34	1 101	2 148	2 592

Особо значительный шаг вперед сделало наше сельскохозяйственное производство в области перестройки технической базы хлопководства, льноводства, сахарной свеклы и картофеля. Именно здесь, в области производства этих культур, в капиталистических странах широко сохранилась примитивная техника, применявшаяся столетия назад и ныне ярко свидетельствующая об ограниченных возможностях развития производительных сил при капитализме и о свойственных капиталистическому строю противоречиях. Если трактор и комбайны позаимствовали у США, где в условиях капиталистического хозяйства они никогда не смогут использоваться так, как у нас, то в области механизации технических культур ряд машин — широкозахватная льнотеребилка, северный комбайн, льнотрепальная машина Череповецкого завода и др. — являются по своему происхождению подлинно советскими машинами, впервые сконструированными и практически примененными в условиях социалистического земледелия.

Поступление сельскохозяйственных машин для технических культур (в шт.)

Виды с.-х. машин и орудий	1933 г.	1934 г.	1935 г. (на 1/XII)
Пропашные тракторы	—	2 631	19 243 ¹
Сеялки свекловичные тракторные	—	106	815
Сеялки хлопковые	5	16	1 680
Свеклоподъемники тракторные	742	3 152	4 999
Культиваторы мотыги УКС—1	—	1 386	1 822
» № 4/8 подвесные	—	908	5 033
» В ИМЭ № 1	8 445	1 569	231
Льготеребилки широкозахватные	497	1 570	2 230

Социалистическое сельское хозяйство быстрыми темпами осуществляет задания второго пятилетнего плана о завершении в основном к концу второй пятилетки (1937 г.) механизации сельского хозяйства. Достигнутый в 1935 г. уровень механизации основных сельскохозяйственных работ в колхозах виден из следующих цифр:

Механизация основных работ в колхозах (в %)

Виды работ	1934 г.	1935 г.
Весновспашка	38,0	50,1
Сев яровых	10,5	17,1
Подъем паза	45,9	56,4
Сев озимых	13,9	20,7
Зяблевая пахота	34,6	48,1
Уборка зерновых всеми машинами	14,4	22,6
В т. ч. комбайнами	2,3	7,8

Наиболее быстро растет уровень механизации самых трудоемких операций сельскохозяйственного производства — вспашки и уборки. Особенно следует отметить достигнутый в истекшем году высокий уровень механизации уборки зерновых. Массовое применение комбайнов в 1935 г. сыграло решающую роль в ускорении сроков уборки зерновых и в значительном улучшении качества уборки. 1935 год в деле механизации уборки зерновых явился годом подлинно революционных сдвигов. Рост механизации уборки зерновых с 14,4 до 22,6% при огромном улучшении использования комбайнов и других уборочных машин является ярким свидетельством побед колхозного строя на одном из самых трудных участков механизации сельскохозяйственного производства.

Значительные сдвиги произошли в области механизации уборки технических культур — сахарной свеклы и подсолнуха.

Проценты механизации уборки в колхозах сахарной свеклы и подсолнуха

	1934 г.	1935 г.
Сахарной свеклы	5,2	47,2
Подсолнуха	4,5	39,7

1935 год явился по существу первым годом широкого применения механизированной уборки этих культур.

Успехи в деле механизации важнейших сельскохозяйственных работ явились результатом не только увеличения численности машин,

¹ Поступление за год.

применяемых в сельском хозяйстве. Решающую роль сыграло в этом и улучшение использования машин, являющееся результатом роста культурно-технического уровня людей колхозной деревни, успешно осваивающих сложнейшую машинную технику, быстро поднимающихся по своему культурно-техническому облику до уровня квалифицированных пролетариев социалистической промышленности и показывающих огромный рост подлинно социалистической культуры труда в колхозах.

Отметим некоторые данные об итогах использования важнейших сельскохозяйственных машин в 1935 г.

Одним трактором произведено работ (в переводе на пахоту, без молотбы, в расчете на один 15-сильный среднегодовой трактор):

В 1933 г.	363 га	
» 1934 »	405 »	111,6% к 1933 г.
» 1935 » (на I/XII) . .	410 »	113,0% » 1933 »

Всей стране известны имена трактористов — бригадира Голодаевской МТС Василия Гречко, доведшего сезонную выработку на 1 трактор до 1265 га, бригадира Камбулацкой МТС Вихотина, выработавшего за сезон 1600 га, десятков и сотен передовых людей колхозной деревни, блестяще освоивших новую технику социалистического сельского хозяйства и дающих невиданные в капиталистических странах образцы производительности труда.

Рост технического вооружения сельского хозяйства и механизации сельскохозяйственного производства радикально изменил характер уборки в крупном социалистическом земледелии в сравнении с уборкой недавнего прошлого в крестьянских единоличных хозяйствах. Еще не так давно, в 1928 г., 44,4% уборочной площади зерновых культур убиралось примитивными ручными орудиями труда — косой, серпом, а тракторная уборка составляла всего лишь 0,2%, не говоря уже об уборке комбайнами, которых в то время не было. Обмолот зерновых также на 41% производился цепом и прочими архаическими ручными орудиями труда, и всего лишь 1,3% обмолачивалось молотилками с механическим приводом. Совсем иное дело уборка в социалистическом земледелии. В уборочную кампанию истекшего года одними лишь комбайнами в совхозах Наркомсовхозов и в колхозах убрано 9,3 млн. га зерновых, что составляет 9% ко всей уборочной площади зерновых. В зерносовхозах процент уборки комбайнами составил в 1935 г. 97,1. Из всей площади зерновых в 3271 тыс. га в уборочную 1935 г. комбайнами там убрано 3176 тыс. га против 2151 тыс. га в 1934 г. В колхозах в 1935 г. убрано комбайнами машинно-тракторных станций зерновых 15611,1 тыс. га, против 1533 тыс. га в 1934 г. Намеченный план уборки зерновых комбайнами по колхозам в количестве 4082 тыс. га перевыполнен на 37,5%. Кроме того комбайнами в колхозах и совхозах убрано подсолнуха 1240,6 тыс. га (из всей площади подсолнуха в 3320,4 тыс. га), что составляет 37,4%, в то время как в предыдущем году за весь сезон было убрано всего лишь 159 тыс. га (из 3500 тыс. га), т. е. 4,5%. С каждым годом все больше и больше возрастает применение комбайна — этой самой сложной и наиболее производительной уборочной машины. С каждым годом она используется производительнее (см. табл. на стр. 93).

Решающим фактором в деле лучшего использования комбайна в уборочную 1935 г. и значительного роста нагрузки на комбайн явилось решение Центрального комитета нашей партии и Совета народных комиссаров от 19 апреля 1935 г. об оплате комбайнеров. Это решение

Убрано зерновых и подсолнуха на 1 комбайн за сезон (в га)

	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Зерносовхозы НКСовхозов	92,0	147,0	195,0
МТС	70,6	124,7	259,1

в огромной мере стимулировало личную заинтересованность комбайнеров в повышении выработки на комбайновой уборке. Широко было развернуто социалистическое соревнование между комбайнерами. В борьбе за освоение комбайнов у нас выросли кадры таких замечательных комбайнеров, как Кочетков (Акимовская МТС, Днепропетровской области), убравший 907 га, Полагутин (Старорубежская МТС, Саратовского края), убравший 1 005 га, и сотни других стахановцев социалистического земледелия, перекрывших наиболее высокие нормы выработки на комбайн в капиталистических странах.

Машинами МТС на тракторной тяге убрано зерновых хлебов 12 841 тыс. га, а всего таким образом вместе с уборкой комбайнами 22,1 млн. га, что составляет 22,6% всей уборочной площади. Уборка остальной части зерновых произведена машинами на конной тяге. Уборка же серпами и косой — ремесленными ручными орудиями труда — если и имела место в уборочную 1935 г., то в исключительных случаях, да и то лишь в некоторых единоличных крестьянских хозяйствах, а не в колхозах и тем более не в совхозах. Еще более механизирован обмолот зерновых хлебов. Уже в 1933 г. молотилками с механическим двигателем и комбайнами на стационаре было обмолочено 22 011,2 тыс. га, в 1934 г. — 39,31 тыс. га, а в 1935 г. — 43 515 тыс. га, что составляет в 1933 г. 21,7% от всей уборочной площади, в 1934 г. — 37,6% и в 1935 г. — 42,8%.

3. Подъем животноводства

Истекшие три года второй пятилетки ознаменовались огромными успехами в области развития животноводства. После сравнительно долгого периода снижения поголовья, связанного с жесточайшей классовой борьбой и усиленной кулацкой агитацией за вырезку скота, впервые подъема в животноводстве в соответствии с прогнозом и директивой товарища Сталина мы добились, как известно, весной 1934 г. Этот подъем не только оказался закрепленным в 1935 г., но и получил в этом году дальнейшее развитие. С исчерпывающей полнотой об этом свидетельствуют следующие данные:

Движение поголовья скота в СССР

На весну	Лошади		Крупный рогатый скот		В т. ч. коровы		Овцы и козы		Свиньи	
	в млн. голов	в % к предыдущему году	в млн. голов	в % к предыдущему году	в млн. голов	в % к предыдущему году	в млн. голов	в % к предыдущему году	в млн. голов	в % к предыдущему году
1933 г.	16,6	84,4	38,4	94,4	19,6	93,0	50,2	96,3	12,1	103,9
1934 г.	15,6	94,0	42,4	110,4	19,5	100,0	51,9	103,4	17,4	143,8
1935 г.	15,9	101,9	49,3	116,3	20,1	103,1	61,1	117,7	22,6	129,9

Еще большими темпами роста поголовья всех видов скота характеризуется календарный 1935 год.

Динамика общей численности скота в СССР за последние три года имела такой характер:

На зимнюю (январскую) дату	Лошадьи всех возрастов		Крупный рогатый скот всех возрастов		Овцы и козы		Свиньи	
	в млн. голов	в % к предыдущему году	в млн. голов	в % к предыдущему году	в млн. голов	в % к предыдущему году	в млн. голов	в % к предыдущему году
1934 г. ¹	15,4	70,9	33,5	87,6	36,5	76,7	11,5	105,4
1935 г.	14,9	96,8	38,9	116,1	40,8	111,8	17,1	148,7
1936 г.	15,4	103,4	45,8	117,7	49,7	121,8	25,7	150,3

В 1935 г. не только прекратилось уменьшение конского поголовья, но и впервые за последние 5 лет в этом году был получен прирост лошадей, хотя и в небольших размерах — на 300 тыс. голов, или 1,5% за с.-х. год, и 500 тыс., или 3,4% за календарный. В 1934/35 с.-х. году мы имели впервые за последние 5 лет прирост поголовья коров (на 3,1%). По крупному же рогатому скоту в целом прирост поголовья за 1934/35 с.-х. год определился в 6,9 млн. голов против 4 млн. прироста в 1933/34 г. За календарный же год прирост составляет 17,7%. По овцам и козам мы имеем рост на 9,2 млн. голов против роста в 1933/34 г. на 1,7 млн. голов. По свиньям прирост в абсолютном выражении за оба последних года почти одинаковый — 5,3 млн. голов в 1933/34 г. и 5,2 млн. голов в 1934/35 г. За календарный год прирост выражается в 8,6 млн. голов. Важно отметить, что относительные темпы прироста 1934/35 г. по всем видам скота, кроме свиней, выше прошлогодних (по крупному рогатому скоту — на 5,9%, по овцам и козам — на 14,3%), а за календарный год прирост выше прошлогодних по всем видам скота. На снижении относительных темпов роста поголовья свиней в 1934/35 г. сказалось неудовлетворительное состояние свиноводства в южных областях УССР и Крыму в связи с пониженным урожаем зерновых культур в 1934 г., а также распространение эпизоотии в ряде районов (Западная Сибирь, БССР и Татарская ССР). Без этих областей относительный темп прироста свиноголовья в 1934/35 г. находится почти на уровне 1934 г. (41%).

Грандиозны успехи животноводства в социалистическом сельском хозяйстве (см. табл. на стр. 95).

Данные об удельном весе социалистического животноводства во всем животноводстве СССР показывают прежде всего, что социалистическое животноводство росло за рассматриваемый промежуток времени — 6 лет — гигантскими шагами (и по удельному весу и по числу поголовья). В социалистическом хозяйстве к концу 1935 г. сосредоточено около $\frac{9}{10}$ общего поголовья лошадей, около $\frac{2}{5}$ крупного рогатого скота, около половины всех овец, коз и больше $\frac{1}{3}$ свиней. Несмотря на передачу громадного количества скота в 1934/35 г. из социалистического хозяйства колхозникам в целях ликвидации бескоровности у них, а также рабочим и служащим (что механически

¹ В % к февралю 1932 г.

Поголовье скота в социалистическом хозяйстве

Виды скота	Численность скота, (в млн. голов)				Удельный вес стада социалистического хозяйств во всем стаде СССР			
	1934 г.		1935 г.		1935 г.			
	на лето	на конец года	на лето	на конец года	1929 г.	к началу года	летом	к концу года
Лошади	11,7	12,0	13,4	13,5	1,4	80,3	84,3	87,6
Крупный рогатый скот	14,9	14,6	17,4	17,9	0,9	37,7	35,3	39,1
Овцы и козы	23,0	18,7	28,3	23,5	1,3	45,9	45,3	47,3
Свиньи	8,7	7,2	9,6	9,3	1,0	42,0	42,5	36,2

снижало поголовье скота в социалистическом хозяйстве), оно все же имеет темпы роста, оставляющие позади темпы роста всего стада в СССР.

Сопоставление темпов прироста поголовья

Показатели	Июль 1934 г. в % к июлю 1933 г.				Июль 1935 г. в % к июлю 1934 г.			
	лошади	крупный рогатый скот	овцы и козы		лошади	крупный рогатый скот	овцы и козы	свиньи
Поголовье скота социалистического хозяйства	101,2	112,0	112,9	146,5	114,5	116,8	123,0	110,3
Все стадо СССР	94,0	110,4	106,4	143,8	101,4	116,3	117,7	129,9

Наиболее наглядным свидетельством исторических успехов колхозного животноводства, проявившихся в бурном росте всех видов скота, являются следующие величины:

Сравнительная динамика численности скота в СССР за 1934 и 1935 календарные годы

Категории хозяйств	Лошади всех возрастов	Крупный рогатый скот всех возрастов	В том числе		Овцы и козы всех возрастов	Свиньи всех возрастов
			коровы	телята до 1 года		
За 1934 г.						
а) Все категории хозяйств	96,8	116,1	107,0	172,6	111,8	143,7
б) Колхозы	106,8	123,6	108,9	191,3	117,4	126,4
За 1935 г.						
а) Все категории хозяйств	103,4	117,7	104,6	128,8	121,8	150,3
б) Колхозы	113,5	130,1	113,0	138,8	133,5	145,1

Темпы прироста всех видов скота, кроме свиней, за два последних года в колхозном животноводстве несравненно выше, чем по всем категориям хозяйства.

При рассмотрении движения стада в совхозах необходимо учесть объем переданного скота из совхозов в колхозы. С учетом этого момента положение вырисовывается в таком виде:

Динамика поголовья скота Наркомсовхозов¹,
(в тысячах голов)

Виды скота	Поголовье		Передано скота в 1934/35 с.-х. году	Итого скота на 1/VII 1935 г.	Динамика поголовья по НКСХ с 1/VII 1934 по 1/VII 1935 г. (в %)	
	на 1 июля 1934 г.	на 1 июля 1935 г.			фактически	с учетом переданного скота
Крупный рогатый скот	2 892,2	2 671,1	411,9	3 083,0	92,4	106,6
В т. ч. коровы	1 153,8	1 044,8	57,7	1 062,5	88,8	92,1
Овцы и козы	5 968,0	6 262,3	613,8	6 875,1	104,9	115,2
Свиньи	1 860,1	1 587,3	642,5	2 222,8	85,3	119,9

Имеющее место в совхозах сокращение всех видов наличного поголовья продуктивного скота, за исключением овец и коз, является, как видно из приведенных данных, следствием комплектования стада колхозных товарных ферм и ликвидации бескоровности колхозных хозяйств.

Не меньшими успехами внутри социалистического сельского хозяйства характеризуется колхозное животноводство. Это иллюстрируют следующие данные.

Колхозное стадо
(в млн. голов на июль соответствующего года)

Виды скота	1934 г.		1935 г.		1934 г. в % к 1933 г.		1935 г. в % к 1934 г.	
	все обобществленное стадо колхозов	в т. ч. колхозные товарные фермы	все обобществленное стадо колхозов	в т. ч. колхозные товарные фермы	все обобществленное стадо колхозов	в т. ч. колхозные товарные фермы	все обобществленное стадо колхозов	в т. ч. колхозные товарные фермы
Лошади	9,9	0,28	11,5	0,54	98,1	101,1	116,2	193,0
Крупный рогатый скот	9,9	6,6	12,4	10,2	107,4	121,2	125,3	154,6
Овцы и козы	13,9	9,8	18,3	17,4	113,2	136,4	131,7	177,6
Свиньи	3,7	2,9	4,7	4,5	124,4	132,3	127,0	155,2

По темпам своего развития колхозные фермы блестяще подтверждают правильность указанного партией пути о формах развития

¹ По данным оперативной отчетности.

колхозного животноводства. В 1932 г. было около 20 тыс. колхозных товарных ферм. В настоящее время число колхозных товарных ферм всех видов скота достигает уже 33½ тысяч. Для наиболее полной характеристики значения наших побед, достигнутых на основе реализации директив товарища Сталина, сопоставим нынешние темпы восстановления животноводства с темпами прироста стада крестьянских хозяйств в период 1924—1928 гг. С 1924/25 г. по 1927/28 г. прирост количества скота в крестьянских хозяйствах колебался в следующих пределах: по крупному рогатому скоту — от 3,7 до 5,5%, по овцам и козам — от 4,6 до 12,5%, по свиньям — до 12,5%.

Таким образом нынешний рост животноводства оставил далеко позади годы наибольшего роста скота в индивидуальных крестьянских хозяйствах.

Исключительным размахом характеризуется рост численности скота, находящегося в индивидуальном пользовании у колхозников.

Сравнительные изменения численности скота, находящегося в индивидуальном пользовании колхозников за 1934 и 1935 календарные годы (в %)

Г о д ы	Крупный рогатый скот			Овцы и козы всех возрастов	Свиньи всех возрастов
	всего	в том числе			
		коровы	телята		
1934	127,0	106,5	201,4	124,5	219,0
1935	132,5	115,8	151,5	140,5	180,6

Темпы развития индивидуального животноводства колхозников являются одним из лучших показателей роста зажиточной жизни многомиллионной массы колхозников.

Вместе с повседневными заботами колхозников о развитии как обобщественного стада, так и скота, находящегося в их индивидуальном пользовании, важнейшую роль в росте численности последнего сыграла огромная государственная помощь по ликвидации бескоровности колхозников.

В борьбе за зажиточную и культурную жизнь колхозных масс наряду с большевистским укреплением колхозов, увеличением колхозного социалистического животноводства в форме товарных фермы в 1935 г. добились значительного повышения обеспеченности колхозников скотом. На июль 1935 г. 81,2% хозяйств колхозников были обеспечены тем или иным видом скота, 73,7% хозяйств были обеспечены крупным рогатым скотом, 60,5% хозяйств имели коров, 21% хозяйств колхозников имели кроме крупного рогатого скота до 5 голов овец и 5,8% хозяйств — от 6 до 10 голов овец. Свиньи имеются более чем у 36% хозяйств.

Предварительные итоги переписи скота на 1 января 1936 г. говорят о дальнейших значительных успехах в ликвидации бескоровности колхозников. На 1 января 1936 г. в индивидуальном владении колхозников на каждые 100 хозяйств приходится 61,5 коров против 58,2 на 1 января 1935 г. и 34,5 телят против 23,7 телят в январе 1935 г.

Помимо этого в хозяйствах колхозников имеется значительная группа нетелей и телок от 1 года и старше. Эти цифры говорят о том,

что в недалеком будущем лозунг о ликвидации бескоровности колхозников будет реализован полностью.

Резко возросла также обеспеченность колхозников овцами и свиньями. На 100 хозяйств колхозников приходилось на 1 января 1935 г. овец и коз 84,4 голов, свиней — 42,3, а на 1 января 1936 г. овец и коз — 115,3 и свиней — 68,1. Однако эти первые несомненные успехи далеко еще не являются выполнением той колоссальной программы развития индивидуального скотоводства в хозяйствах колхозников, которая начертана в сталинском уставе колхозной жизни. Пока, как мы видели, 38,5 колхозных хозяйств из 100, или около 7 млн. хозяйств, еще не имеют коров. Часть этих хозяйств имеет крупный рогатый скот в виде 6 223,6 тыс. телят до 1 года и значительное количество телок и нетелей старше 1 года. Между тем сталинский устав предусматривает для ряда районов по две и более коров на хозяйство.

Это говорит об огромном объеме предстоящей работы для полного выполнения сталинского устава колхозной жизни.

Всемерное развитие индивидуального животноводства колхозников до высот, установленных сталинским колхозным уставом, борьба за повышение продуктивности скота колхозников, всемерное улучшение его породности, усиленное развитие кормовой базы и улучшение ухода за скотом, его воспроизводство, сохранение и выращивание молодняка — все это должно быть в центре внимания партийных, советских и общественных организаций. Все стимулы к этому определены с исчерпывающей полнотой в последних директивах партии и правительства.

Фактором первостепенного значения является то, что наше животноводство за последние три года накопило солиднейшие резервы молодняка, которые должны обеспечить интенсивное расширение воспроизводства стада в СССР.

Поголовье молодняка до 1 года

Виды молодняка	В тысячах голов		В % к предыдущему году		Доля молодняка до 1 года в общем поголовье данного вида скота	
	на июнь 1934 г.	на июнь 1935 г.	1934 г. ¹	1935 г.	1928 г.	1935 г.
Жеребята	1 245	1 965	138,5	157,8	11,4	12,4
Телята	13 261	16 420	120,1	123,8	25,8	33,3
Телята и козлята . .	23 054	27 106	101,5	117,6	42,0	44,4
Поросята и подсвинки до 9 мес.	13 879	18 211	138,4	131,2	55,8 ²	57,22

Эти данные говорят о серьезном успехе в деле сохранения и выращивания полученного приплода. Об этом говорит и то, что доля молодняка в стаде отдельных видов скота значительно выше уровня 1928 г. Все же один только этот показатель не характеризует достигнутых успехов.

Партией и правительством была поставлена на второе пятилетие как центральная задача расширенное воспроизводство стада как про-

¹ По колхозно-крестьянскому сектору.

² Поросята до 4 месяцев.

дуктивного, так и рабочего скота во всем народном хозяйстве СССР. Чтобы уяснить себе степень выполнения этой задачи в истекшие три года и предстоящий объем работы в остающиеся два года, приведем следующие данные:

Поголовье скота на весну соответствующего года

Виды скота	В млн. голов			В %		
	было в 1932 г.	в наличии на весну 1935 г.	запроектировано на 1937 г.	1937 г. к 1932 г.	1935 г. к 1932 г.	1935 г. к 1937 г.
Лошади	19,6	15,9	21,8	111,2	81,1	72,9
Крупный рогатый скот	40,7	49,3	65,5	160,9	121,1	75,3
В т. ч. коровы	21,0	20,1	26,9	128,1	95,7	74,7
Свиньи	11,6	22,6	43,4	374,1	194,8	52,1
Овцы и козы	52,1	61,1	96,0	184,3	117,3	63,6

Рассматривая эти данные, необходимо учесть, что подъем в животноводстве был достигнут только весной 1934 г.; в связи с этим в последние два года пришлось выполнить двойную работу: а) восполнить убыль стада от весны 1932 г. к весне 1933 г. и б) обеспечить темпы, необходимые для выполнения установленной вторым пятилетним планом численности скота.

Убыль скота от весны 1932 г. к весне 1933 г. выразилась в следующих цифрах (в млн. голов):

Виды животных	1932 г.	1933 г.	1933 в % к 1932 г.
Лошади	19,6	16,6	84,7
Крупный рогатый скот	40,7	38,4	94,3
Коровы	21,0	19,6	93,3
Овцы и козы	52,1	50,2	96,3

Данные о выполнении второго пятилетнего плана по численности скота показывают, что поголовье лошадей за истекшие три года сократилось на 18,9%. План предусматривает на весну 1937 г. поголовье в 21,8 млн. лошадей. Нынешнее же поголовье составляет только 15,9 млн.

Необходимый прирост определяется в 5,9 млн. голов, или на 37,1%, что является безусловно напряженным заданием. Однако прирост конского поголовья молодняка в 1935 г. на 57,8% и достигнутый перелом в 1935 г. во всем стаде лошадей показывают, что исходная позиция для большого разбега достигнута.

По крупному рогатому скоту с начала второй пятилетки мы имеем рост поголовья на 21,1%, или на 8,6 млн. голов. Для успешного выполнения плана необходимо увеличить нынешнее поголовье (49,3 млн. голов) на 16,2 млн. голов, или на 32,9%. О реальной возможности выполнения этого задания свидетельствуют темпы роста последних двух лет: 1934 г. к 1933 г. + 10,4%, или 4 млн. голов; 1935 г. к 1934 г. + 16,3%, или 6,9 млн. голов.

По свиноводству поголовье 1935 г. почти вдвое больше поголовья 1932 г. (22,6 млн. голов против 11,6). На весну 1937 г. намечено свиноголовье в 43,4 млн. голов. Соотношение 1937 г. к 1935 г. (43,4 и 22,6) аналогично отношению 1935 г. к 1933 г. (22,6 и 12,1). Судя по

темпам прироста в истекшем периоде, достигнутого в условиях значительного недорода зерновых культур на юге СССР в 1934 г., выполнение задач второй пятилетки по свинопоголовью вполне реально.

На 1935 г. партией и правительством впервые был установлен государственный план развития животноводства. Приведенные выше данные свидетельствуют о крупнейших достижениях в деле подъема животноводства, характеризующих весь 1935 г.

Обратимся к рассмотрению итогов выполнения плана.

По численности поголовья скота в государственных, кооперативных и колхозных хозяйствах намеченный план выполнен в целом по СССР в таких размерах:

Категории хозяйств	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи	Лошади
Государственные и кооперативные хозяйства	99,7	98,4	110,3	100,0
Колхозы	105,1	119,3	104,0	—

Напряженный план, предусматривавший исключительно высокие темпы роста для хозяйств социалистического типа, оказался в колхозах перевыполненным по продуктивному скоту (план развития коневодства для колхозов не устанавливался). По совхозам и колхозам план перевыполнен по свиноводству, по совхозам план выполнен по коневодству и весьма близок к полному выполнению по другим видам продуктивного скота. Колхозам было дано плановое задание довести поголовье волов до 1 438,3 тыс. голов. Этот план перевыполнен на 33,1%, причем чистый прирост выражается в 536,6 тыс. голов.

По лошадям прирост во всех категориях хозяйств составляет 0,5 млн. голов. Эта прибавка к тяговым ресурсам поголовья волов имеет огромное значение.

Не менее значительных успехов добилась Страна советов под непосредственным руководством товарища Сталина и в области выполнения государственного плана выращивания молодняка из приплода 1935 г.

Установленный правительством план по выращиванию молодняка оказался резко перевыполненным по всем видам молодняка продуктивного скота. Однако по жеребятam план недовыполнен на 19,9%.

Выполнение плана по выращиванию молодняка из приплода 1935 г. (в %)

	Жеребята	Телята	Ягнята и козлята	Поросята и подсвинки
Все категории хозяйств	80,1	109,5	111,9	108,4
Государственные и кооперативные хозяйства	108,1	120,0	108,4	114,1
Колхозы	86,4	126,2	132,4	104,4
Колхозники и единоличники	41,4	99,7	102,9	109,8

Несмотря на то, что прирост жеребят в колхозах в 1935 г. выше, чем в 1934 г., необходимо отметить, что полученный приплод составляет всего лишь 29,7% к маточному поголовью. Небрежный уход за

приплодом и плохое отношение к жеребым кобылам, приводящее к большому числу аборт, а также и нежелание «по хозяйственным» мотивам иметь жеребых маток, что нельзя рассматривать иначе как антигосударственные тенденции, а сплошь и рядом бесхозяйственное отношение к делу тормозят выполнение задачи расширенного воспроизводства конского поголовья.

На 1935 г. по второму пятилетнему плану намечался прирост: по крупному рогатому скоту — на 10,6%, по свиноводству — на 39,5%, по овцам и козам — на 12%. Таким образом по большинству видов продуктивного скота темпы прироста скота за 1935 г. резко превышают плановые наметки.

Наряду с ростом численности стада 1935 год характеризуется значительным достижением и в области качественных сдвигов в составе стада, в его воспроизводстве и продуктивности. Получение приплода характеризуется по отдельным системам Наркомсовхозов такими данными: в мясомолочных совхозах на 100 голов маточного стада было получено живого приплода в 1932 г. 60,1, на 1 декабря 1935 г. — 77,7; в свиновозхозах живых поросят на 1 матку в 1932 г. было получено 6,46, на 1 ноября 1935 г. — 12,4; в овцесовхозах на 100 объегнившихся маток в 1932 г. получено живых ягнят 103, на 1 декабря 1935 г. — 113.

Приведенные данные говорят о несомненном улучшении использования маточного поголовья и ухода за покрытой маткой в период ее беременности.

Аналогичное положение наблюдается и в работе колхозных товарных ферм. Здесь мы имеем такие показатели: на фермах крупного рогатого скота процент растелившихся коров и нетелей к маточному поголовью в начале года составлял в первом полугодии 1934 г. 64, в первом полугодии 1935 г. — 71,7; в свиноводческих фермах получено живых поросят в среднем на 1 опорос в 1932 г. 6,9, в 1935 г. (первое полугодие) — 7,4; в овцеводческих фермах на 100 объегнившихся маток живого приплода было получено в 1932 г. 107, в 1935 г. (первое полугодие) — 118.

Наряду с этим в 1935 г. резко сократился отход молодняка, как известно, наиболее подверженного падежу. В этой области по Наркомсовхозов мы имеем следующую картину: отход телят рождения текущего года в мясомолочных совхозах составлял в процентах к приплоду в 1932 г. 34,0, в 1935 г. (на 1 декабря) он снизился до 15,4; отход поросят до 2 месяцев в свиновозхозах: в 1932 г. 50,6% к приплоду, в 1933 г. — 30,9%, в 1935 г. (на 1 декабря) — 16,4%; отход ягнят рождения текущего года в овцесовхозах: в 1933 г. — 27,1% к приплоду, в 1935 г. (на 1 декабря) отход снизился до 8,4%.

Вслед за совхозами колхозные товарные фермы провели в 1933 г. большую работу по борьбе с падежом молодняка. Отход телят рождения текущего года снизился в процентах к приплоду с 21,7 в 1933 г. до 9,6 в первом полугодии 1935 г.; соответственные данные по отходу поросят до 2 месяцев — 21,1% и 11,6%, ягнят рождения текущего года — 12,2% и 5,3%.

На основе лучшего ухода за скотом в 1935 г. мы добились резкого улучшения такого показателя продуктивности животноводства, как удой.

В мясо-молочных совхозах Наркомсовхозов годовой удой на 1 фуражную корову (в кг) возрос с начала второй пятилетки:

1932 г.	1933 г.	1934 г.	1/XI 1935 г.
505	700	844	862

В колхозных товарных фермах этот же процесс имел такую тенденцию:

1932 г.	1933 г.	1934 г.	1-е полугодие 1934 г. 1935 г.	
931	983	999	480	524

По настригам шерсти результаты деятельности овцесовхозов Наркомсовхозов СССР видны из таких цифр:

Получено шерсти с 1 остриженной овцы (в кг)

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	На 1/XI 1935 г.
Тонкорунной стрижки	4,40	4,02	4,23	4,90
Полугрубошерстной весенней стрижки	2,27	1,93	1,98	2,33
Полугрубошерстной осенней стрижки	0,84	0,30	0,92	—
Грубошерстной весенней стрижки	1,21	1,18	1,27	1,36

Не меньшие успехи мы имеем и по такому показателю продуктивности стада, как живой вес скота. В этом показателе наиболее выпукло выступают возросшие заботы работников социалистического животноводства о скоте. В 1932 г. живой вес одной головы крупного рогатого скота, сданного государству мясо-молочными совхозами Наркомсовхозов, равнялся 215 кг, в 1935 г. (на 1/XI) — 274 кг, живой вес одной свиньи, сданной в 1932 г. свиновхозами Наркомсовхозов государству, составлял 65 кг, в 1935 г. (на 1/XI) — 96 кг.

В связи с тем исключительным вниманием, которое партия и правительство уделяют развитию товарных ферм, огромный интерес представляет динамика поголовья их, обусловливаемая как комплектованием ферм за счет перевода на них обобщественного стада колхозов, расширенным воспроизводством скота, так и оказываемой им широкой государственной помощью.

Движение поголовья скота на колхозных товарных фермах

Виды скота	В млн. голов			1937 г. (в % к 1932 г.)	1935 г. (в % к 1937 г.)
	1932 г.	1933 г.	1937 г.		
Крупный рогатый скот	6,1	10,2	9,2	150,8	110,9
В т. ч. коровы	2,1	3,3	4,2	200,0	73,6
Свиньи	2,5	4,5	9,6	384,0	46,9
Овцы и козы	4,5	17,4	27,5	613,3	63,0

Таким образом можно отметить, что пятилетний план по численности поголовья крупного рогатого скота фермами перевыполнен. Не подлежит сомнению, что по численности коров пятилетка также будет выполнена, а при соответствующих усилиях и перевыполнена. По поголовью свиней, овец и коз, несмотря на огромное возрастание стада за истекшие три года, перед КТФ стоит серьезнейшая задача более чем удвоить поголовье свиней и в 1½ раза увеличить поголовье овец и коз.

Резко возросла численность скота у рабочих и служащих. Здесь

крупный рогатый скот увеличился на 60,0%, число свиней — на 102,7%, а овец и коз — на 83,7%. В этой связи большой интерес представляет удельный вес скота рабочих и служащих в общей численности скота по СССР на 1 января 1936 г.:

Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
6,0	8,0	2,2	7,3

Отмеченные успехи в подъеме животноводства СССР, непосредственный результат мудрого сталинского руководства нашей великой родиной, являются одним из показателей небывалых темпов повышения материального благосостояния, роста зажиточной жизни трудящихся страны социализма.

Проблемы мирового валютного кризиса

Классификация денежных систем периода общего кризиса капитализма

Рассуждая о современной инфляции в капиталистических странах, наши авторы часто не останавливаются на тех специфических особенностях современных денежных систем, которые характеризуют их как системы периода общего кризиса капитализма.

Период общего кризиса капитализма можно охарактеризовать как период широкого распространения инфляции. Одна из первоклассных империалистических стран — Франция — лишь в 1928 г. стабилизировала свою валюту, другая — Япония — провела стабилизацию еще позже — в 1930 г.

Между тем новая инфляционная волна началась уже в 1929 г. На всем протяжении общего кризиса капитализма вплоть до 1936 г. можно насчитать максимум 5 лет (1926—1930), когда инфляция не была преобладающим состоянием валютного рынка. Но даже и в наиболее благоприятный момент кратковременной и шаткой стабилизации валют последние носят на себе глубокую печать общего кризиса капитализма.

Преобладающей валютой периода общего кризиса является золотодевизная валюта, выражающая, с одной стороны, все большее деление мира на небольшую кучку угнетающих и подавляющее большинство угнетенных стран, а с другой стороны — общую неустойчивость капиталистической системы.

Золотодевизная валюта может быть подразделена на четыре типа: 1) золотодевизная валюта колониального типа, 2) золотодевизная валюта полуколоний и зависимых стран, 3) золотодевизная валюта побежденных империалистических стран, 4) золотодевизная валюта первоклассных, не вполне самостоятельных стран.

Первый тип золотодевизной валюты не представляет собою валюты специфической для периода общего кризиса капитализма; характер этой валюты определяется противоречием между империалистическими и колониальными странами, и появление ее относится еще ко времени довоенного империализма. Например в Британской Индии она появилась в 1900 г., Британской Малайе — в 1904 г., на Филиппинах — в 1903 г., в Панаме в 1904 г., в германской Восточной Африке — в 1904 г.¹ Но уже после войны почти все колониальные страны имели у себя эту валюту. Эта «привязанная» валюта регулируется империалистической страной и автоматически следует за колебаниями курса валюты метрополии. В ряде случаев в колониальных странах, особенно во французских колониях и наиболее отсталых колониях Англии и США, просто вводится валюта метрополии.

¹ В учебнике «Деньги и кредит» под ред. т. Козлова допускается фактическая ошибка, когда указывается, что до войны золотодевизная система была только в Австро-Венгрии и Греции (ч. 1, стр. 292).

Но и тогда, когда колония имеет свою валюту, обеспечение ее состоит не из девиз различных империалистических стран, а исключительно из девиз страны, которая владеет данной колонией. Руководство валютой может осуществляться в двух формах: 1) через местный эмиссионный банк, полностью подчиненный центральному эмиссионному банку страны-метрополии (например Алжирский банк), причем руководство это может быть либо непосредственным, либо проводиться через колониальное правительство; 2) в случае отсутствия местного эмиссионного банка руководство осуществляется через специальный орган, находящийся в метрополии (например Управление денежным обращением Западной Африки, находящееся в Лондоне).

Золотодевизные системы колониального типа подразделяются в основном на стерлинговые, долларовые и франковые валюты в зависимости от того, в чьем владении данная колония находится.

Второй тип золотодевизной валюты можно считать характерным только для периода общего кризиса капитализма, когда среди формально независимых стран резко усилилось деление на небольшое число вполне самостоятельных стран и основную массу зависимых и полуколониальных стран. В последнюю группу входит значительное число полуколониальных стран Южной Америки, британские доминионы и европейские зависимые страны.

Третий тип золотодевизной валюты — это валюта побежденных империалистических стран (Германия), которые в результате поражения потеряли свои золотые резервы и попали в финансовую зависимость от первоклассных, вполне самостоятельных империалистических стран (США). Этот тип валюты тоже характерен лишь для периода общего кризиса капитализма.

Четвертый тип золотодевизной валюты — это золотодевизная валюта первоклассных, но не вполне самостоятельных империалистических стран (Италия). Крайняя неустойчивость политического и экономического положения внутри этих стран, появившаяся в период общего кризиса капитализма, не позволила им восстановить размен на золото. Этому мешала также известная финансовая зависимость этих стран от первоклассных вполне самостоятельных империалистических стран (США, Англии).

Золотая валюта с разменом банкнот на золото характерна была в основном только для первоклассных империалистических стран, причем только одной из них — США как стране, наименее пострадавшей от империалистической войны, — удалось сохранить размен банкнот на золотые монеты, а две другие — Англия и Франция — вынуждены были перейти к размену банкнот на золотые слитки, отказавшись от размена на золотые монеты. Здесь сказывается отчасти боязнь исчезновения монет в сокровище, порожденная потрясениями и неустойчивостью послевоенного капитализма¹.

Кроме охарактеризованных четырех типов валюты, базировавшихся в конечном счете на золоте, необходимо еще отметить систему серебряного монометаллизма, до последнего времени сохранившуюся в ряде отсталых стран (например в Китае, Гонконге, Иране, Афганистане, Абиссинии, в ряде арабских государств, например в Йемене, в Мексике)². Почти все эти страны безуспешно пытались за последнее время

¹ Золотая валюта с золотым обращением имела также в небольшом числе стран второстепенного значения — небольших империалистических странах-рантье, не участвовавших в империалистической войне (например Голландии) и в некоторых золотодобывающих странах (Южноафриканский союз и Канада).

² Тов. Иоэльсон ошибочно причисляет и Перу к странам серебряного монометаллизма (см. «Валютная война», стр. 62, изд. 2-е).

перейти к валюте, опирающейся на золото, главным образом к валюте золотодевизного типа.

В итоге преобладания золотодевизной системы в послевоенный период и внедрения золотослитковой системы в Англии и Франции произошли следующие изменения в соотношении золотого резерва и золота (монет) в обращении в мировом масштабе.

Состав денежного обращения капиталистического мира
на конец 1913 и 1928 гг.
(в млрд. марок)¹

	1913 г.	1928 г.
Золотой резерв	24,3	40,0
Золотое обращение	16,9	3,4
Удельный вес золота в обращении к общей массе золота	41%	8%
Бумажное обращение	43,3	81,6
Разменная монета	11,2	17,2
<hr/>		
Итого все обращение . . .	71,4	102,2
<hr/>		
Удельный вес золотых монет в общей сумме денег в обращении	23,7%	3,3%

Приведенные данные говорят о почти полном исчезновении золотых монет из обращения и передвижении золота в резервы центральных банков. Наряду с этим в эпоху империализма и общего кризиса капитализма золотые резервы сосредоточиваются в небольшой кучке первоклассных империалистических стран.

Какое значение имеет господство золотодевизной системы в современном капитализме?

Золотодевизная система является не только порождением неустойчивости послевоенного капитализма, но и одним из показателей неслыханного обобществления производства при сохранении частно-капиталистической формы присвоения. Она тесно связывает денежное обращение всего капиталистического мира. Но связь эта сопровождается обострением всех противоречий современного капитализма и носит глубоко антагонистический характер.

Концентрация золота в руках немногих империалистических стран приводит к возрастанию мощи этих стран за счет остальных и в первую очередь за счет колониальных стран. В этих немногих странах расширяется база внутреннего и внешнего кредита, причем если империалистическая страна и платит им процент за полученное вместо девиз золото, то в свою очередь получает от них по долгосрочным инвестициям гораздо больший дивиденд или процент. Кроме того, влияя на курс колониальной валюты, империалистическая страна может регулировать и регулирует в своих интересах и в ущерб интересам колониальной страны внешнюю задолженность и внешнюю торговлю последней. Наконец падение курса валюты в империалистической стране ведет автоматически к потерям в валютном резерве стран, хранивших свой резерв в данной упавшей валюте.

Определение инфляции

Вопрос об определении инфляции вызвал в нашей литературе большие споры. Тов. Трахтенберг в своей интересной, но пронизанной

¹ Вычислено по «Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich».

ошибками номиналистического порядка книге «Бумажные деньги» пишет: «Отрицательные результаты бумажноденежного обращения хотя и отзываются на всем народном хозяйстве, затрагивают интересы всех слоев населения, все же в наибольшей степени наносят непоправимый ущерб неимущим трудовым массам общества»¹. Тов. Козлов² справедливо подверг резкой критике это положение, смазывающее то обстоятельство, что капиталисты во время инфляции наживают миллионы за счет трудящихся масс.

Однако положительное определение инфляции, даваемое т. Козловым, страдает односторонностью и потому также является ошибочным. Он пишет: «Капиталистической инфляцией является такое использование господствующими классами в капиталистическом хозяйстве бумажноденежной эмиссии, которое ведет к обесценению бумажных денег, перераспределению народного дохода в интересах этих классов и к расстройству механизма производства и обращения товаров в капиталистическом хозяйстве»³.

Тов. Козлов в своем определении игнорирует стихийный, вынужденный по сути дела, характер инфляции, не отмечает того, что капиталистическая инфляция не есть обычный метод эксплуатации рабочего класса, а является чрезвычайным дополнительным орудием эксплуатации рабочего класса, возникающим в моменты серьезнейших политических или экономических событий (война, революция, тяжелейший экономический кризис) и обостряющим в свою очередь до неслыханных размеров классовые противоречия⁴. Эта ошибка идет в направлении переоценки возможностей планового воздействия капиталистического государства на капиталистическую стихию.

Эту же ошибку в более четкой, заостренной форме повторил т. Я. Сегалл. Он пишет: «Инфляция вовсе не необходимость, диктуемая безжалостными законами истории, как это стараются изобразить буржуазные экономисты. Выпуск бумажных денег сверх потребностей обращения есть сознательный акт государственной власти, направленный к присвоению части общественного продукта»⁵.

Правильное определение инфляции и ее конечной причины требует, чтобы в нем были подчеркнуты оба момента: во-первых, вынужденность ее в силу тяжелого политического или экономического положения и, во-вторых, то, что она служит орудием перераспределения общественного продукта.

Непосредственные причины инфляции

Необходимым условием инфляции является прекращение размена на золото как внутри страны, так и для заграницы (т. е. запрещение вывоза золота), ибо ни банкнотная, ни золотая инфляция невозможны.

Правительство прекращает размен на золото внутри страны, запрещает вывоз золота за границу и приступает к выпуску бумажных денег обычно тогда, когда в силу тяжелого политического или экономического положения капитализма в данной стране или в силу сочетания обоих этих моментов резко увеличивается дефицит государственного бюджета, или ухудшается платежный баланс, или происходит и то и

¹ И. Трахтенберг, Бумажные деньги, изд. 3-е, 1924 г. Разрядка моя.—М. Б.

² Козлов, Деньги и кредит, ч. 1, стр. 223, 1933 г.

³ Там же, стр. 248, 1933 г.

⁴ Достаточно вспомнить роль инфляции и вызванной ею дороговизны перед Февральской и Октябрьской революциями в России и роль инфляции в обострении революционного кризиса в Германии в 1923 г.

⁵ Я. Е. Сегалл, Современный кредитно-денежный кризис, 1934 г. стр. 122.

другое вместе. Если количество выпущенных бумажных денег окажется больше того количества золота, которое требуется для обращения по формуле Маркса, то начинается инфляция.

Маркс в недавно опубликованных подготовительных работах к «Критике политической экономии» с исключительной четкостью поставил вопрос о двух непосредственных причинах инфляции и об их взаимосвязи. Он пишет: «В Пруссии существуют бумажные деньги с принудительным курсом... Эти бумажные талеры не являются чеками на серебро, по закону не обмениваются банком на серебро и т. д. Они выпускаются не коммерческим банком в виде ссуд под векселя, а выплачиваются правительством при оплате им своих расходов... Если бы основательно поколебалось доверие к правительству или же если бы бумажные деньги были выпущены в больших количествах, нежели требуется для потребностей обращения, то на практике бумажный талер перестал бы стоять на одном уровне с серебряным талером и был бы обесценен... И без вышеназванных обстоятельств он также обесценился бы в том случае, если бы особая потребность в серебре, например для вывоза, поставила бы серебро в привилегированное положение по сравнению с бумажным талером»¹.

Здесь в основном идет речь о двух непосредственных причинах инфляции — внутренней и внешней. Особая потребность в серебре означает в данном случае ухудшение платежного баланса и необходимость в силу этого покрытия его пассива вывозом серебра при одновременном запрещении его вывоза.

Что эти слова должны быть именно так истолкованы, подтверждает следующее место из тех же подготовительных работ, где идет речь о Франции 1855 г.: «Одновременно с тем, что неурожаем хлеба и шелка сильно сократили непосредственно пригодное к обмену национальное богатство² (и мало того, нужно было еще ввезти хлеб и шелк из-за границы. — М. Б.), заграничные вложения в железнодорожных и горных предприятиях закрепили то же самое непосредственно пригодное к обмену богатство в такой форме, которая не создает непосредственного эквивалента, а следовательно, на данный момент поглощает его без всякой компенсации! Непосредственно пригодное для обмена, для обращения и вывоза за границу национальное богатство таким образом безусловно сократилось! С другой стороны — неограниченный рост требований к банку. Непосредственный результат: повышение цен на продукты, сырье и труд. С другой стороны — падение цены банкнот. Банк не умножил мановением волшебного жезла национальное богатство, а только обесценил собственные бумаги посредством весьма обычной операции»³.

Этот отрывок ясно показывает, что, анализируя инфляцию, Маркс детально разбирает обе непосредственные ее причины: выпуск денег в большем количестве, чем требуется для сократившегося внутреннего обращения, и пассивный платежный баланс. При этом очень важно, что Маркс рассматривает обе причины в их взаимном проникновении.

При прекращении золотого размена и вмешательстве правительства в международное движение валюты обе эти причины начинают действовать как бы самостоятельно, и тогда обесценение денег внутри

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 37—39, изд. 1935 г.

² В другом месте Маркс подчеркивает, что действие войны аналогично действию неурожая. «Война разумеется сама собой, так как в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала» (там же, стр. 29).

³ Там же, стр. 17.

страны и на международной арене может достигнуть различных степеней. Однако стихийный механизм в конечном счете дает себе знать, и курсы приобретают тенденцию к уравниванию.

Особенности современной инфляции

Характер расхождения внутреннего и международного курсов при прежних инфляциях прямо противоположен тому, который имеется при современной инфляции. Прошлые, наиболее значительные, инфляции объяснялись главным образом войнами — империалистическими или революционными. Нынешняя инфляция определяется небывало тяжелым характером мирового экономического кризиса, происходящего на базе общего кризиса капитализма.

В военной инфляции крупнейших империалистических стран решающую роль играли внутренние причины — кризис государственного бюджета на базе финансирования войны — и меньшую роль играл кризис платежного баланса. В силу этого и внутреннее падение валюты было сильнее, чем падение вексельного курса. Например в Англии цены выросли за период войны 1914—1918 гг. в 3 раза, т. е. курс валюты внутри страны упал примерно на 60%, вексельный же курс не падал ниже 32%. Во Франции цены выросли в 4 раза, т. е. внутренний курс упал на 75%, вексельный же курс упал только на 30%. В Германии до ее окончательного поражения цены выросли в 2 раза, т. е. внутренний курс упал на 50%, вексельный же курс упал на 30%¹.

К этому надо добавить, что девизная политика правительства этих стран была направлена на то, чтобы задержкой падения вексельного курса удержать это расхождение. Как страны, экспортирующие капитал, все они были заинтересованы в наименьшем падении своего вексельного курса: задерживая его падение, они предохраняли от обесценения капитал, вывезенный в форме ссудного капитала.

Дефицит госбюджета играет немалую роль в возникновении и характере современной инфляции. В отдельных странах удельный вес дефицита госбюджета может быть больше или меньше в зависимости от того, играет ли подготовка к войне, ведение войны или финансирование крупного капитала и аграриев большую или меньшую роль. В зависимости от размеров дефицита госбюджета находится при прочих равных условиях и степень падения внутреннего курса валюты в данной стране. В связи с усиливающейся угрозой мировой империалистической войны значение дефицита госбюджета станет вероятно решающим, и тогда ножницы изменятся в диаметрально противоположном направлении.

Однако решающим моментом, определяющим данную инфляцию, является ухудшение платежного баланса.

Еще Маркс в «Капитале» указал на неизбежность поочередного ухудшения платежного баланса всех втягиваемых в экономический кризис капиталистических стран.

«Платежный баланс в период всеобщего кризиса неблагоприятен для каждой нации, по крайней мере для каждой коммерчески развитой нации, но этот неблагоприятный платежный баланс всегда, как при стрельбе взводами, обнаруживается у одной нации через известный промежуток после другой, когда до нее доходит очередь платежа, и

¹ В действительности рост цен во время войны обусловлен и второй причиной — ростом стоимости в силу вовлечения в производство отсталых предприятий, но все же и чисто инфляционный рост цен был больше, чем падение вексельного курса.

кризис, раз он разразился в какой-либо стране, например в Англии, втискивает эти промежутки в очень короткий период времени... Явление отлива золота обнаруживается затем во всех странах по порядку»¹.

Но внутренние экономические силы капитализма приводили раньше к тому, что отлив золота сначала уравнивал платежный баланс, затем прекращался, и падения валюты не происходило. В экономическом кризисе 1929 г., как и в предыдущих, это отмеченное Марксом явление, — а именно поочередное ухудшение платежных балансов капиталистических стран — также имело место и играло решающую роль в валютных отношениях.

Исключительно глубокий характер экономического кризиса 1929 г. объясняется, как известно, тем, что последний возник на базе общего кризиса капитализма. В платежных балансах периода общего кризиса капитализма, так же как и периода довоенного империализма, выдающееся место занимают статьи, связанные с вывозом капитала, по сравнению со статьями, связанными с вывозом товаров, а самый характер внешней торговли страны в значительной степени определяется характером движения капитала.

В то же время платежный баланс периода общего кризиса капитализма характеризуется наличием в нем новых статей — платежей по межсоюзническим долгам и репарациям, которые содействуют шаткости платежных балансов. Кроме того платежные балансы содержат в себе огромное число кочующих из страны в страну краткосрочных кредитов (в конце 1930 г. 2,8 млрд. ф. ст., до войны 0,5 млрд. ф. ст.), что связано с общей атмосферой недоверия к долгосрочным инвестициям и с господством золотодевизной системы².

Что же касается внешней торговли, то неслыханное давление монополий на цены создало ножицы, резко ухудшившие торговые балансы колоний и полуколоний и таким образом сократившие источник для выплаты процентов и дивидендов империалистическим странам. В то же время непомерно низкие цены на сырье, во-первых, стимулировали ввоз этого сырья на склад в крупнейшие империалистические страны и, во-вторых, сокращая покупательную способность отсталых стран, содействовали снижению вывоза из империалистических стран. В силу этого все более ухудшался также торговый баланс империалистических стран. В дальнейшем неслыханное обострение таможенной войны и всевозможные валютные ограничения все больше препятствовали импортирующим капитал странам расплачиваться по своим долгам товарами. Кроме того начался поочередной отлив вкладов из первоклассных империалистических стран.

В силу всего этого даже крупнейшие капиталистические страны не смогли уравновесить свой платежный баланс отливом золота и вынуждены были запретить вывоз золота и прекратить размен внутри страны.

Во время мирового экономического кризиса мы были свидетелями поочередного ухудшения платежного баланса почти всех стран. Почти всюду оно приводило к инфляции и породило мировой валютный кризис, мировую инфляцию.

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 31, изд. 1924 г.

² Краткосрочные вклады в таких странах, как США, Англия и Франция, действительно являлись краткосрочными и могли, как правило, быть отозваны, но в таких странах, как Германия, они служили лишь маскировкой для долгосрочных по существу кредитов. Оценка довоенной суммы краткосрочных кредитов дана по книге Muehlenfelds, *Krisis der Zahlungsbilanzen*, Koenigsberg, 1934.

Характерное для современного валютного кризиса более резкое падение вексельного курса валют по сравнению с внутренним курсом — это важнейший факт, подтверждающий, что основной непосредственной причиной данного валютного кризиса является кризис платежного баланса.

Динамика вексельного курса цен и внутреннего курса валюты с начала инфляции (по ноябрь 1935 г.)

	Падение вексельного курса	Рост индекса оптовых цен	Падение внутреннего курса валюты
Англия ¹	— 39,8	+ 14,9	— 13,0
США ²	— 40,5	+ 35,2	— 26,0
Япония ³	— 65,8	+ 24,1	— 19,4

Если взять те же данные с начала инфляции по апрель 1934 г., то рост цен внутри этих стран был не так велик (например в Англии + 4,6%, в США + 18%, в Японии + 21%), хотя вексельные курсы с тех пор почти не изменились. Таким образом ножницы между курсами обнаруживают стихийную тенденцию к сближению, которое происходит за счет роста цен внутри страны, т. е. идет за счет дальнейшей дезорганизации валют, ограбления рабочего класса и обострения внутренних и внешних противоречий капиталистических стран.

В то же время правительства, побуждаемые резким обострением борьбы за рынки сбыта, стремлением использовать в этой борьбе такое важное оружие, как валютный демпинг, а также борьбой за золото, старались мерами главным образом девизной политики сохранить эти ножницы и не дать им сблизиться. Среди этих мероприятий на первом месте стоят мероприятия правительств по снижению своего вексельного курса, что известно под названием валютной войны.

Валютный демпинг

В настоящей главе мы попытаемся разобраться в явлении валютного демпинга. Это тем более необходимо, что зачастую неправильно трактуется понятие валютного демпинга. В частности например с такой неправильной трактовкой этого явления мы сталкиваемся в брошюре т. Иоэльсона «Валютная война». В то время как валютный демпинг является характерной чертой современной инфляции⁴ в отличие от военной, т. Иоэльсон этой чрезвычайно важной характеристики валютного демпинга не замечает. Он в общем отождествляет выигрыш от валютного демпинга с тем выигрышем, который капиталисты получали от снижения реальной зарплаты и во время военной инфляции. В период военной инфляции рост цен значительно обгонял рост номинальной заработной платы. Это расхождение в темпах роста цен и

¹ За 100 принят август 1931 г.; рост цен вычислен по индексу «Economist».

² За 100 принят февраль 1933 г.

³ За 100 принят ноябрь 1931 г.

⁴ Валютный демпинг Германии в период обострения инфляции в 1922—1923 гг. происходил также на основе более резкого падения вексельного курса, чем внутреннего. В 1922 г. цены были в 287 раз выше довоенных, а курс золотой валюты, выраженный в марках, вырос в 472 раза. Эти ножницы также объясняются тем, что к этому моменту значение международных причин кризиса платежного баланса стало преобладающим (репарации).

зарплаты являлось важнейшим источником наживы капиталистов за счет ограбления рабочего класса. Кроме того происходило и значительное перераспределение прибавочной стоимости внутри класса капиталистов, причем важнейшую роль играло неравномерное движение цен на товары, производимые капиталистами разных отраслей.

Современная инфляция представляет значительно более сложное явление. В ней имеет место то перераспределение, которое характеризует и военную инфляцию. Однако в силу большего падения вексельного курса по сравнению с внутренним происходит, во-первых, дополнительное ограбление рабочего класса ввиду того, что товар реализуется на внешнем рынке по более высоким (в местной валюте) мировым ценам, и, во-вторых, происходит новое перераспределение прибавочной стоимости внутри класса капиталистов. Оно идет в ущерб капиталистам, продающим товары главным образом на внутреннем рынке, и в пользу капиталистов, продающих товары главным образом на внешнем рынке. Последнее объясняется тем, что экспортирующий капиталист, продавая товар на внешнем рынке, выручает там в местной валюте в силу резкого падения вексельного курса очень большое количество денег, а на внутреннем рынке покупает сырье и машины по более низким ценам ввиду более слабого падения внутреннего курса. Американский экспортер продает во Франции машину за 10 тыс. франков.

Раньше это составляло согласно вексельному курсу около 400 долларов, а сейчас около 700 долларов, или на 75% больше.

Рабочий страдает вдвойне: во-первых, потому, что его товар, рабочая сила, является товаром, продающимся внутри страны, а во-вторых, потому, что номинальный рост цены рабочей силы отстает от роста внутренних цен, а в ряде случаев происходит даже падение номинальной зарплаты. Остальные издержки производства — сырье и оборудование — фабрикант покупает внутри страны по ценам, выросшим например всего на 25%, и таким образом выигрывает значительно также за счет капиталистов, обслуживающих внутренний рынок. Имея такую крупную сверхприбыль, капиталист может снизить цены и побивать иностранных конкурентов.

Тов. Иоэльсон подчеркивает только ограбление рабочего класса и игнорирует перераспределение внутри капиталистического класса¹. А между тем рабочий класс должен понять противоречия в лагере самих капиталистов и использовать эти противоречия в борьбе против инфляции и ее обострения.

Имеется ли сейчас инфляция?

Вопрос может показаться довольно странным, однако т. Я. Сегалл отрицает наличие инфляции в современном кризисе. Причем под инфляцией он понимает только внутреннее падение курса, падение же вексельного курса исключает из понятия инфляции, называя это валютным кризисом в отличие от инфляции. Отрицание инфляции он мотивирует незначительным ростом цен. Однако и это неверно, так как цены выросли довольно значительно. Приведенная выше таблица показывает, что в Японии они возросли на 24,1%, в США — на 35,2%, в Англии — на 14,9%.

Точка зрения т. Сегалла означает недооценку роста дороговизны внутри страны при отстающей номинальной зарплате, недооценку дополнительного, проводимого через механизм внутренней инфляции,

¹ Иоэльсон, Балютная война, стр. 41—44, изд. 1-е, 1934 г. и стр. 44—47, изд. 2-е, 1935 г.

ограбления рабочего класса капиталистами и притом не только экспортных отраслей.

Тенденция к недооценке инфляционного роста цен внутри капиталистических стран имеется и у т. Трахтенберга. Он пишет, что «современная инфляция не сопровождалась в большинстве случаев повышением товарных цен (выраженных в бумажных деньгах), а там, где такое повышение наблюдалось, оно было незначительным»¹.

Данные о динамике цен в инфляционных странах совершенно опровергают это положение т. Трахтенберга. Меньшее падение внутреннего курса денег по сравнению с вексельным курсом не дает никакого основания утверждать, что не происходит падения внутреннего курса денег. А в дальнейшем в связи с тем, что все ближе надвигается новая империалистическая война «в обстановке бешено форсируемых империалистическими странами, в особенности Германией, Японией и Польшей, вооружений» (из резолюции VII конгресса Коминтерна), вероятно произойдет и изменение ножиц в диаметрально противоположном направлении за счет резкого падения внутреннего курса денег.

Как уже было показано выше, ножицы внутреннего и вексельного курсов уже сейчас имеют тенденцию к сближению за счет все большего падения внутреннего курса.

Этапы развития мирового валютного кризиса

Мировой валютный кризис можно разбить на четыре основных этапа: первый (1929—1930 гг.) полуколониальный, охвативший Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай, Венесуэлу, Боливию, Австралию, Новую Зеландию и страны серебряной валюты, второй (сентябрь—декабрь 1931 г.) — англо-японский, охвативший также страны так называемого стерлингового блока, третий этап (весна 1933 г.), отмеченный падением валюты в США и странах долларового блока, и четвертый, еще незакончившийся этап — этап развала золотого блока.

а) Полуколониальный этап

Валютный кризис разразился прежде всего в полуколониальных странах Южной Америки и близких к ним по типу доминионах — Австралии и Новой Зеландии, потому что кризис ударил вначале сильнее всего по этим вывозящим сырье странам и резко ухудшил их торговый баланс. Импорт капитала сократился еще с 1929 г., платежные балансы стали пассивными, начался отлив золота. Поддержки центральных банков крупнейших империалистических стран эти полуколониальные страны не получали, ибо не были включены в их систему. В итоге — они должны были прекратить размен на золото, и валюта их стала падать².

Эта группа стран сильнее всего потрясена валютным кризисом. Здесь падение валют выразилось в следующих процентах (на конец января 1936 г., см. табл. на стр. 114)³:

¹ Трахтенберг, Современная инфляция и ее особенности, статья в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» № 5 за 1934 г., стр. 49.

² См. подробнее нашу статью «Кредитно-денежный кризис в колониях и полуколониях», «Проблемы марксизма» №№ 3 и 4-5 за 1932 г.

³ По бюллетеню Deutsche Bank und Disconto Gesellschaft. По Новой Зеландии курс взят по бюллетеню Лиги наций среднемесячный (за отсутствием данных в бюллетене Дэддибанк). Большие расхождения данных имеются только по Венесуэле (бюллетень Лиги наций дает среднемесячную за декабрь 20,7%) и по Уругваю (за январь — 54,3). По Уругваю Дэддибанк дает курс черной биржи, а бюллетень Лиги наций — официальный курс.

Аргентина	61,7	Боливия	60,5
Пагагвай	57,9	Венецуэла	14,8
Бразилия	72,3	Австрия	52,3
Уругвай	72,1	Новая Зеландия	52,7

Исключение представляет лишь Венецуэла; здесь после минования низшей точки кризиса сложился благоприятный платежный баланс вследствие роста добычи цен нефти.

б) Английский этап

Причиной падения фунта послужило ухудшение платежного баланса Англии, вызванное отливом краткосрочных вкладов из Англии, сокращением доходов от заграничных инвестиций и доходов от судоходства и увеличением пассивности торгового баланса.

Падение фунта повлекло за собой падение валют стран стерлингового блока и продемонстрировало мощь Англии как сильнейшей колониальной державы и вывозящей капитал страны. В то же время выявилась и внутренняя шаткость Британской империи. Если за фунтом последовали не только страны Британской империи, но и формально не входящие в ее состав Египет и Сиам, а также Португалия, Швеция, Норвегия, Дания и Финляндия, то в то же время два важнейших доминиона — Канада и Южноафриканский союз, несмотря на давление Англии, отказались последовать за ней. Правда, уже в декабре 1932 г. Южноафриканский союз отказался под давлением Англии от золотого стандарта и его валюта последовала за фунтом стерлингов. Но Канада, обесценившая несколько свою валюту в связи с падением фунта стерлингов, тем не менее отказалась последовать за ним. После же падения доллара США канадская валюта была обесценена до ее уровня. Нужно также заметить, что падение валюты скандинавских стран происходило главным образом на основе ухудшения платежных балансов этих стран, и поэтому валюта их обесценилась к настоящему моменту более значительно, чем фунт стерлингов.

Отметим также, что с 1933 г. в связи с усилением английского политического влияния в Эстонии к фунту присоединилась эстонская крона (см. табл. на стр. 121).

Исключительный интерес представляет то обстоятельство, что Англия заставила Австралию и Новую Зеландию в сентябре 1931 г. дополнительно снизить курсы своих и без того уже обесценившихся валют соответственно степени обесценения фунта стерлингов. В начале 1933 г. англичане сравнивали новозеландский фунт с австралийским, упавшим больше, нежели новозеландский, и сейчас сохраняют твердое соотношение между английским фунтом, с одной стороны, и австралийским и новозеландским, с другой (125 австралийских или новозеландских фунтов за 100 английских).

Мотивы, которые побуждали Англию добиваться этого дополнительного снижения австралийской и новозеландской валют, выступают весьма прозрачно, если принять во внимание, что английские инвестиции в этих странах и соответственные платежи процентов и дивидендов автоматически возросли к сентябрю 1931 г. в связи с обесценением местной валюты. Конечно Англия не пожелала лишиться этого преимущества и на дальнейшее время. Точно так же и усиленное стре-

Динамика вексельных курсов.¹

Страны	Август	Июнь	Февраль	Февраль	Январь
	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1936 г.
Стерлинговый блок					
Великобритания	100,2	74,3	70,8	62,5	60,3
Ирландия	100,1	74,3	70,9	62,3	60,3
Южноафриканский союз . . .	99,8	98,6	70,9	61,9	60,0
Британская Индия	98,8	74,2	71,8	62,7	60,8
Британская Малайя	99,2	73,9	70,5	63,4	60,4
Палестина	100,2	71,4	70,9	62,4	60,1
Британская восточная Африка	100,8	75,4	71,3	62,2	60,3
Британская западная Африка	100,3	74,3	70,9	64,3	60,3
Египет	100,0	74,3	70,8	62,6	60,1
Сиам	99,3	75,4	71,6	63,0	60,3
Португалия	100,0	74,6	70,6	62,9	60,1
Эстония	99,8	97,3	98,4	61,5	60,4
Австралия	76,4	59,8	56,5	49,4	47,7 (62,4) ²
Новая Зеландия	91,2	68,4	56,4	50,0	48,0 (52,6) ²
Аргентина	67,1	53,3	47,1	36,3	38,2 (56,9) ²
Швеция	100,2	69,2	67,9	58,4	56,5
Норвегия	100,1	66,5	65,7	56,9	55,0
Финляндия	100,3	64,8	60,4	53,3	51,3
Дания	100,1	73,5	57,2	50,5	48,9
Долларовый блок					
США	100,4	100,4	100,4	60,0	58,7
Куба	100,3	100,3	100,3	60,0	58,6
Филиппинские острова	98,6	100,0	100,0	60,0	58,7
Гаити	95,2	95,2	95,2	60,0	58,3
Гватемала	100,3	100,3	100,3	60,0	58,6
Гондурас	95,3	95,3	95,3	61,9	58,6
Панама	100,3	100,3	100,3	60,0	58,6

¹ По бюллетеню Deutsche Bank und Disconto Gesellschaft на конец соответствующего месяца. Июнь 1929 г. = 100.

² В скобках дан январь 1936 г. по отношению к августу 1931 г., взятому за 100.

мление Англии снизить курс южноафриканского фунта диктовалось нежеланием ее допустить обесценение английского капитала, вложенного в Южной Африке, и уплачиваемых процентов и дивидендов, которые выражались в упавших английских фунтах.

Эти примеры подтверждают между прочим и то, что преобладающее значение для Англии имеет вывоз капитала по сравнению с вывозом товаров.

Необходимо также отметить, что Англия имеет возможность снижать курсы валют своих колоний в основном благодаря тому, что платежные балансы этих стран были расшатаны и валюта их удерживалась лишь посредством поддержки Англии¹.

Вообще регулирование курса колониальной валюты из метрополии имеет огромное значение и дает метрополии громадные преимущества. Так например благодаря тому, что курс индийской рупии определяется в Лондоне, Англия сумела выкачать из Индии золото, находившееся в частных руках, на сумму около 600 млн. золотых долларов.

в) Третий этап валютного кризиса

Большинство наших авторов, высказывавшихся по вопросу о причинах падения доллара, утверждает, что падение доллара произошло при активном платежном балансе.

Таким образом кризис платежного баланса исключается ими из числа причин, вызвавших падение доллара. Между тем оно было обусловлено как бюджетным кризисом, так и кризисом платежного баланса. Авторы указанной выше точки зрения, которую мы считаем неправильной, ссылаются на платежный баланс США за год. Но, во-первых, суммарные итоги платежного баланса США, как и вообще всех капиталистических стран, крайне недостоверны. Во-вторых, при анализе падения валюты нужно исходить не из годового платежного баланса, а из платежного баланса, который страна имеет к моменту падения валюты. В-третьих, единственным, хотя тоже неточным окончательным показателем активности или пассивности платежного баланса является движение золота. Если мы с этих позиций посмотрим на состояние платежного баланса США, то увидим, что движение золота складывалось в 1932 и 1933 гг. неблагоприятно для США, хотя и эти данные сугубо приблизительны и отличаются большим разнообразием подсчетов. Тем не менее, если взять только движение золотых монет и слитков по платежному балансу², то оказывается, что в 1932 г. чистый отлив золота из США составлял 446 млн. долл., а в 1933 г. — 174 млн.³ Что же касается состояния платежного баланса к моменту отмены золотого стандарта, т. е. к 4 марта 1933 г., то отлив золота после некоторого затишья во второй половине 1932 г. именно ко времени падения доллара начал бурно нарастать. Следующие дан-

¹ Только поддержкой центрального банка соответствующей империалистической страны можно объяснить, почему валюты французских и голландских колоний до сих пор не упали. В то же время эта поддержка является дополнительным моментом, ухудшающим платежный баланс метрополии.

² *Seciété des Nations. Balance des paiements*, 1933, Genève, 1934, p. 92.

³ Если включить в движение золота и изменения в массе золота, закладываемого для вывоза, то для 1932 г. получается незначительный прилив золота в 11 млрд., а для 1933 г. — отлив золота в 163 млн. Эта итоговая цифра за 1932 г. и ввела в заблуждение многих товарищей. А между тем надо было взять движение золота перед падением и к моменту падения доллара.

ные еженедельной статистики чистого вывоза золота из США являются лучшим доказательством того, что к марту 1933 г. платежный баланс США уже носил ярко выраженный пассивный характер.

Движение золота из США и в США с 1 января до 1 марта 1933 г. (включая так называемое золото, заклеянное для вывоза)
(в млн. долларов)¹

Неделя, кончая:	Вывоз	Ввоз	Сальдо
4/I	11	30	+ 19
11/I	10	34	+ 24
18/I	8	25	+ 17
25/I	45	34	— 11
1/II	24	15	— 9
8/II	23	8	— 15
15/II	33	8	— 25
22/II	59	7	— 52
1/III	122	5	— 117
с 1 до 4/III	100	7	— 93

С начала года и до падения доллара общий отлив золота составил около 300 млн. долл. Золотой резерв упал с конца августа 1931 г. и до конца февраля 1933 г. с 4,6 млрд. долл. до 3,8 млрд. долл., или на 800 млн. долл., что составляет и для США огромную цифру.

Желая доказать, что платежный баланс США к моменту падения доллара был активен, т. Иоэльсон приводит в своей книжке «Валютная война» следующую таблицу, которая как раз и опровергает его точку зрения:

	1929 г.	1931 г.	1932 г.
Краткосрочная задолженность США	3 037	1 465	913
Краткосрочные заграничные кредиты США	1 617	1 239	1 058

Эта таблица показывает, что с конца 1929 г. до конца 1932 г. было оттянуто из США 2 млрд. долл. заграничных вкладов и прочих краткосрочных кредитов, в то время как США не смогли вернуть назад своих кредитов, предоставленных за границе (в первую очередь Германии). Данные за 1933 г. показывают, что вклады в США сократились с 913 млн. до 487 млн., т. е. за этот год было оттянуто из США еще около 450 млн. долл., а кредиты США, предоставленные за границе, остались неизменными. Таким образом по важнейшей для США (и для Англии) статье платежного баланса видно резкое ухудшение, которое в первую очередь и привело к кризису платежного баланса. В то же время необходимо подчеркнуть, что в силу политики «санирования», проводившейся Гувером, роль дефицита бюджета в падении доллара была значительней, чем в других странах (например чем в Англии). Правительство США пыталось сначала допустить покрытие платежного баланса вывозом золота, но, увидев, что отлив золота все возрастает, запретило вывоз золота. Имели ли США достаточно золота, чтобы продолжать его вывоз в момент, когда они этот вывоз запретили? Вероятно имели. Однако и в этом вопросе нельзя переоценивать

¹ «Annalist» №№ 1042—1051 за 1933 г.

размеры золотого резерва США, ибо ему приходилось быть базой мощнейшей в мире кредитной системы, а часть, предназначенная служить резервом для покрытия платежного баланса, составляла повидимому меньшую часть золотого резерва.

Правительство США решило запретить вывоз золота, во-первых, в силу того, что хотело уберечь часть резерва, являющегося базой внутреннего кредита; во-вторых, оно не хотело лишаться золота, которое ему нужно в связи с надвигающимся вторым туром революций и войн; в-третьих, Англия и Япония оттеснили США при помощи валютного демпинга с мирового товарного рынка и США решили использовать возможность ответить на удар контрударом; в-четвертых, страны, в которых помещен американский капитал, в большинстве своем уже значительно обесценили свои валюты, бремя задолженности сильно выросло для них и привело к государственным и частным банкротствам по долгам; США надеялись падением доллара создать возможность более быстрого возобновления платежей по займам.

С падением доллара упали валюты ряда стран долларового блока — Кубы, Филиппин, Панамы, Гватемалы, Гаити, Гондураса, т. е. стран, являющихся по сути дела колониями США. Падение валюты этих стран и к нынешнему моменту соответствует падению доллара¹.

Валюта Колумбии, упавшая незначительно до падения доллара, упала после этого гораздо сильнее, чем доллар (на 68%).

Динамика золотых резервов в кризисе

В результате мирового кризиса произошла централизация золота в немногих первоклассных империалистических странах, отражающая процессы централизации богатства капиталистического мира за период кризиса. Эта централизация происходила за счет колоний, полуколоний, побежденных, зависимых и даже части первоклассных стран.

Удельный вес в мировом золотом резерве (в %) ²

	Июнь 1929 г.	Август 1931 г.	Февраль 1932 г.	Февраль 1934 г.	Июнь 1935 г.	Сентябрь 1935 г.	Ноябрь 1935 г.
США	39,0	41,0	32,4	36,3	42,1	42,7	44,6
Франция	14,2	20,3	27,1	23,9	21,7	21,3	19,8
Англия	7,6	5,7	5,9	7,7	7,3	7,3	7,3
Германия	4,5	2,9	1,6	0,7	0,2	0,2	0,2
Италия	2,7	2,5	2,8	3,1	2,3	1,7	1,6
Япония	5,4	3,6	1,8	1,7	1,9	1,9	1,9
Голландия	1,7	2,3	3,5	2,1	1,0	1,7	1,9
Швейцария	1,0	2,0	4,2	2,9	1,8	2,0	2,0
Аргентина	5,2	2,7	2,1	2,0	1,9	2,0	2,0
Бразилия	1,5	—	—	—	—	—	—
Уругвай	0,7	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3
Голландская Индия	0,6	0,4	0,4	0,4	0,3	0,2	0,2
Австралия	1,1	0,5	0,4	—	—	—	—

Из этой таблицы видно, что значительно вырос удельный вес США, причем за последний год он продолжал неуклонно расти, достигнув к концу октября 1935 г. суммы 5,5 млрд. золотых долларов по сравнению

¹ См. приведенную выше таблицу: «Динамика вексельных курсов».

² По бюллетеню Федеральной резервной системы. На ноябрь 1935 г. данные предварительные.

с 3,0 млрд. на июнь 1929 г. Это связано с тем, что в то время как платежный баланс Франции, Голландии и Швейцарии ухудшился, платежный баланс США за последнее время стал благоприятным. США стали лучшей сферой приложения капитала и излюбленным местом для вкладов, отливавших из Франции и отчасти из Голландии и Швейцарии. В то же время США мало вывозят капитала и смогли затеять знаменитую скупку серебра.

Значительно вырос удельный вес Франции, что в значительной степени, правда, объясняется обменом девизной части резерва на золото. Хотя удельный вес Англии в мировом резерве как будто почти не изменился, он несомненно вырос, потому что у Англии есть секретный золотой и девизный резерв крупных размеров, так называемый «фонд выравнивания курса валюты». В то же время значительно снизился удельный вес колониальных и полуколониальных стран. Но рост золотого резерва США, Франции и Англии шел в значительной степени и за счет других империалистических стран, в первую очередь Японии и отчасти Италии, а также за счет побежденных стран (Германия).

Современный этап развития валютного кризиса

Четвертый этап — это этап развала золотого блока. Упала бельга, упала лира. Все более угрожаемыми становятся французский и швейцарский франки и гульден¹.

Уже из таблицы удельного веса стран в мировом резерве видно, что Франция, Швейцария и Голландия начали со времени падения доллара терять свою долю в мировом золотом резерве. Наступила очередь их платежных балансов и валют. Абсолютные размеры золотых и девизных резервов этих стран также стали после падения доллара резко сокращаться.

Золотые и девизные резервы стран твердой валюты
(в млрд. национальной валюты)

	Июнь 1929 г.	Август 1931 г.	Февраль 1933 г.	Декабрь 1935 г.
Франция	62	86	85	67
Швейцария	0,8	1,8	2,6	1,4
Голландия	0,6	0,9	1,1	0,6

Низшая точка резерва Швейцарии падает на конец мая 1935 г. (1,2 млрд.), а Голландии — на сентябрь 1935 г. (0,5 млрд.), во Франции же отлив золота все время продолжался вплоть до последнего времени (конец января 1936 г.). Одновременно во всех этих странах росло напряжение кредита и происходил временами бурный рост учетной ставки: во Франции в мае 1935 г. с 2,5 до 6%, а в течение ноября 1935 г. с 3 до 6%, в Голландии в июле 1935 г. с 2,5 до 6%, а в Швейцарии в мае 1935 г. с 2 до 2,5%. И это в то время, как учетная ставка не изменялась в Англии с июня 1932 г. (2%), в США с февраля 1934 г. (1,5%).

Все это говорит о том, что страны с твердой валютой встречаются с исключительными трудностями в деле сохранения курса валюты и вероятнее всего, что валюта их не избегнет падения.

¹ Проблема германской валюты требует особого рассмотрения. По некоторым данным подготавливается официальная девальвация германской марки.

Возможна ли стабилизация валюты

В связи с тем, что со второй половины 1934 г. доллар и фунт держались примерно на одном уровне, началась в 1935 г. полемика по вопросу о необходимости стабилизации валюты. Эта тема требует специального рассмотрения. Отметим однако, что в связи с грабительским нападением Италии на Абиссинию и падением курса лиры эта полемика почти прекратилась. И это не случайно. Разговоры о стабилизации капиталистических валют сейчас малопочвенны. Во-первых, с экономической точки зрения урегулирование платежных балансов невозможно без возобновления платежей по международным долгам, без вывоза капитала в широких размерах, без восстановления международных торговых связей, а этого не видно в сколько-нибудь значительных размерах. И, во-вторых, потому что капиталистические страны и особенно фашистские страны сейчас усиленно вооружаются, а Япония и Италия уже ведут войну за новые колонии; следовательно перспектив на улучшение бюджетов мало. Таким образом подавляющее большинство данных говорит о возможности обострения валютного кризиса¹.

Проблема серебра на современном этапе²

В настоящее время лишь несколько — главным образом полукOLONиальных — государств являются последними могиканами серебряного монометаллизма. Это объясняется отсталостью этих стран и тем, что империализм еще не успел или не смог подчинить себе полностью денежные системы этих стран. Цена серебра, а вместе с ней курсы серебряных валют падали со всеми товарными ценами до низшей точки кризиса. Это давало например Китаю возможность наряду с общим процессом сокращения покупательной способности масс увеличить вывоз товаров, сократить ввоз, увеличить даже размеры производства. Но с 1932 г. в связи с прекращением падения цены серебра платежный баланс Китая стал ухудшаться. Китай вынужден был запретить вывоз золота, являвшийся важнейшим методом покрытия пассива платежного баланса.

Но тут выступает на арену серебряный закон Рузвельта от 19 июня 1934 г., предусматривавший закупку серебра для резерва, причем этот серебряный резерв должен был составить 25% всего резерва денежного обращения. Так как в 1935 г. происходил сильный прилив золота в США, то сумма серебра, подлежащего закупке, все возрастала. Этим законом группа Моргана, продиктовавшая его, преследовала несколько целей: 1) повысить цену серебра и найти на рынке сбыт для продукции рудников, контролируемых группой Моргана и связанных с ней бр. Гуггенгейм³; 2) создать при резком падении вывоза капитала выгодную сферу приложения для краткосрочных капиталов, направляющихся в США; 3) удержать доллар на низком уровне в целях сохранения валютного демпинга и 4) выкачать огромные массы серебра из Китая и Индии.

Еще в 1933 г. вывоз золота из Китая составлял 71 млн. китайских долларов, серебра — 14 млн. долл. До 1932 г. Китай ввозил серебро.

¹ И это несмотря на то, что в связи с переходом к депрессии особого рода в сфере производства наблюдается известный рост.

² Этот раздел составлен на основании большого числа недавно появившихся в иностранных журналах и газетах статей.

³ Капитал США контролирует 73% мировой продукции очищенного серебра (см. V. Field, Economic Handbook of the Pacific Area, 1934 г., 535).

а уже в 1934 г. вывоз серебра составил 280 млн. долл.; золота же вывезено было только 51 млн. долл.¹ Тогда нанкинское правительство ввело 15 октября 1934 г. 10-процентную экспортную пошлину на серебро, да еще уравнильный сбор. Преследовалась цель, чтобы цена серебра в Шанхае была не ниже цены серебра в Лондоне. Это означало уже по существу запрещение свободного вывоза серебра и отказ от серебряной валюты.

С 1935 г. вывоз серебра через таможен прекратился, но в то же время усилился контрабандный вывоз серебра, несмотря на то, что закон грозил за это строжайшими наказаниями, вплоть до смертной казни. Контрабандный вывоз составил не меньше 100 млн. долл. Так, в Англию (главный мировой посреднический рынок серебра) было ввезено из Китая в 1934 г. 45 млн. унций серебра, а в 1935 г. — 19,5 млн. Зато из Японии, через которую шла основная масса контрабанды, было ввезено в 1934 г. 7 млн. унций, а в 1935 г. — 86 млн. унций; из Гонконга было ввезено в 1935 г. 73 млн. унций серебра (контрабанды из Китая), в то время как в 1934 г. серебро почти не вывозилось из Гонконга. Если в 1934 г. из Лондона в США было отправлено 87 млн. унций серебра, то в 1935 г. отправлено уже 399 млн. унций.

В общем здесь наблюдается явление, сходное с отливом золота из так называемых индийских сокровищ. Происходит перераспределение богатства из стран полуколониальных в империалистические. Отметим, что и другие страны серебряной валюты вынуждены были запретить вывоз серебра.

Угроза нависла над серебряным запасом также тех стран, где серебро используется только для чеканки разменных монет, в первую очередь над огромными серебряными запасами Индии. США предполагали скупкой серебра повысить цену до 64 пенсов за унцию, но если цена серебра поднимется выше 48,7 пенса за унцию, начнется переплавка рупий в слитки и серебро потечет из Индии — в конечном счете в США. Таким образом если Англия, пользуясь своей колониальной и экономической монополией, смогла ограбить значительную часть золотых запасов Индии, то США собираются ограбить ее серебряные запасы чисто экономическими мероприятиями. Это означает обострение противоречий между США и Англией и на этом участке. И это не считая того, что скупка серебра, снижая курс доллара, содействует победе США и на мировом товарном рынке.

В ответ на эту политику США Англия решила ответить контрударом. 3 ноября 1935 г. нанкинское правительство заявило о ликвидации серебряной валюты и о переходе к валюте стерлингового типа, причем Англия оказала Китаю финансовую и политическую поддержку в этом мероприятии.

Остальные серебряные страны тоже вынуждены будут перейти к опоре на золотую валюту и связаться с той или иной мощной империалистической державой.

Таким образом рассмотрение валютной проблемы показывает, что на современном этапе общего кризиса капитализма и на этом участке происходит обострение противоречий внутри империалистического лагеря, противоречий между империализмом и колониями, не говоря уже об обострении противоречий между трудом и капиталом в силу нарастания инфляции.

¹ Контрабандный вывоз золота составил еще 60 млн. долл.

Деньги являются неизбежной формой связи отдельных экономических единиц в капиталистическом обществе. Крах денежных единиц, крах валютных систем почти всего капиталистического мира свидетельствует о неслыханном потрясении основ капитализма. Инфляция является, как видно из изложенного, орудием дополнительного ограбления рабочего класса и крестьянства метрополий и колоний, орудием дополнительного перераспределения прибавочной стоимости между самими капиталистами как внутри страны, так и в международном масштабе. В силу этого она в свою очередь содействует обострению экономических и политических противоречий капитализма, ведет к обостренной экономической войне и подготавливает вооруженную борьбу за передел мира.

Новая империалистическая война за передел мира будет в то же время означать углубление инфляции. Углубление же инфляции будет в свою очередь одним из немаловажных моментов, который наряду с другими доведет до сознания даже самых отсталых слоев пролетариата и трудящихся масс идею Коминтерна о необходимости революционного свержения империалистического гнета. А это сыграет огромную роль в гибели капитализма и победе коммунизма во всем мире.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И. БЛЮМИН

Экономические взгляды В. А. Милютина

40-е годы XIX столетия (в особенности их вторая половина) представляют весьма знаменательный и интересный период в развитии русской общественной мысли. Эти годы характеризуются проникновением социалистических идей Запада в русскую литературу. Впервые в России формируются кружки, выдвигающие во главу угла пропаганду идей социализма. Как известно, эти кружки группировались вокруг Петрашевского.

40-е годы на Западе (в особенности во Франции) являются годами наибольшего успеха, наибольшего влияния и наибольшей активности представителей утопического социализма. Для литературы той эпохи характерны различные проекты социального преобразования, различные утопические планы. Эти идеи должны были получить благоприятную почву среди наиболее передовой трудовой интеллигенции России, болезненно ощущавшей весь ужасающий гнет николаевского абсолютизма и сверх того свою экономическую необеспеченность. В специфических условиях России Николая I, вступившей в затяжную полосу кризиса крепостного хозяйства, проникавшие с Запада идеи утопического социализма должны были получить специфическое преломление.

Всякому сознательному и передовому человеку той эпохи было понятно, что без радикального изменения политического режима России не может быть и речи о каких-либо крупных экономических преобразованиях. Поэтому петрашевцы, считавшие себя в основном фурьеристами, не могли разделять того политического индифферентизма, который характерен для Фурье. Петрашевский в качестве одного из важнейших лозунгов выдвигал борьбу за федеративную республику. В известном «Карманном словаре иностранных слов», издававшемся Н. Кирилловым, в статье «Ораторство» Петрашевский писал о необходимости «политических учреждений, обеспечения свободы мысли, чувства и их внешнего публичного обнаружения». В статье «Оппозиция» в том же словаре Петрашевский выдвигал требование «обобщения прав избирания», т. е. всеобщего избирательного права.

Петрашевскому была совершенно очевидна невозможность реализации идей фурьеризма в тогдашней России. В своем известном письме к Тимковскому он особенно подчеркивает, что «мы стоим на дикой почве нашего отечества, что все в нашей общественной жизни являет следы восточной патриархальности и варварства, что разумение народа русского еще не пробуждалось». Поэтому Петрашевский выступает против немедленной реализации идей Фурье. «Кто ждет мгновенного успеха сочувствия, — продолжает в том же письме Петрашевский, — тот пусть простудит свой пропагаторский жар». Петрашевский апеллирует к закону постепенности. «Ряд творческих преобразований, — пишет он, — может быть и незаметен взгля-

ду близорукого наблюдателя, но закон постепенности и логической связи везде повторяется»¹. Руководитель фурьеристского кружка призывал к работе «во имя цивилизации», т. е. по существу он призывал к борьбе за превращение России в культурную, цивилизованную капиталистическую страну.

Своеобразие движения петрашевцев состоит в том, что, выступая идеологически с критикой капитализма с позиций утопического социализма, оно объективно выражало интересы капиталистического развития России. Отсюда и горячая защита петрашевцами принципа постепенности развития. Отсюда и их выпячивание необходимости роста производительных сил и концентрации производства. Отсюда усиленный интерес к вопросам ликвидации крепостного права. Из кружка петрашевцев в дальнейшем вышел целый ряд деятелей либерально-реформистского направления. Один из активнейших петрашевцев Ахшарумов в своих воспоминаниях указывает, что «маленький кружок, сосредоточившийся вокруг Петрашевского в конце 40-х годов, носил в себе зерна всех реформ 60-х годов»².

Наиболее ярким экономистом среди людей, близких к петрашевцам, являются совершенно позабытый Владимир Алексеевич Милютин (1826—1855), младший брат известных деятелей эпохи Александра II — Н. А. и Д. А. Милютиных. Правда, связь В. А. Милютина с петрашевцами была кратковременной. Нам известно, что до 1847 г. он бывал на знаменитых пятницах петрашевцев. От процесса петрашевцев В. А. Милютин не пострадал. Но хотя В. А. Милютин очень быстро отстранился от организационного участия в кружке петрашевцев, по своим взглядам он был очень близок к ним. В. А. Милютин представляет большой интерес как один из наиболее талантливых экономистов России первой половины XIX в. и как первый русский экономист, который, стоя на позициях утопического социализма, дал глубокую критику современной ему теоретической экономии. Как и Петрашевский, Милютин не стоял за немедленное осуществление социалистического идеала. Он также был сторонником принципа постепенности. И здесь теоретические работы В. Милютина отразили специфические особенности тогдашней русской действительности.

Биографические сведения о В. А. Милютине очень скудны. Известно, что он учился в Московском и Петербургском университетах. В Петербурге тогда читал курс политической экономии пользовавшийся большой популярностью В. С. Порошин, который впервые в России с университетской кафедры знакомил своих слушателей с учением утопических социалистов, в частности с учением Фурье. По всей вероятности на лекциях Порошина Петрашевский познакомился с учением Фурье. В 1847 г. Милютин (ему было тогда всего 21 год) опубликовал ряд статей: «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» («Отечественные записки», 1847 г., т. L), две рецензии на книгу Бутовского «Опыт о народном богатстве», в которых он дал глубокую критику современной ему политической экономии («Современник», 1847 г., № 10, 11, 12; «Отечественные записки», 1847 г., т. LV), статью «Мальтус и его противники», в которой впервые на русском языке подверг развернутой критике мальтузианство («Современник», 1847 г., № 8 и 9).

С конца 40-х годов В. А. Милютин начинает заниматься вопросами истории русского права. В 1850 г. он защитил магистерскую

¹ Цитируется по книжке Л. Райского, Социальные воззрения петрашевцев, 1927 г., стр. 54.

² Д. Д. Ахшарумов, Из моих воспоминаний, СПб, 1905, стр. 16.

диссертацию на тему: «О недвижимых имуществах духовенства в России» (напечатана после его смерти в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских», 1859—1861 гг.). С 1850 г. был назначен адъюнкт-профессором Петербургского университета. В мемуарной литературе он рисуется как один из наиболее популярных профессоров той эпохи¹. В 1855 г. Милютин застрелился.

В. А. Милютин выступает прежде всего как критик буржуазной политэкономии. Не проводя различия между классиками и вульгарными экономистами, Милютин рассматривает всех буржуазных экономистов как представителей смитовской школы. Наиболее характерным представителем последней, по его мнению, является Сэй. Критика смитовской школы переплетается у Милютина с критикой капитализма с позиций утопического социализма. Такое переплетение критики экономической теории и капиталистической системы для Милютина не случайно. Как увидим ниже, он считает смитовскую школу ответственной за бедствия капитализма. В своей критике Милютин широко использовал, с одной стороны, работы Сисмонди, а с другой — работы утопистов. Но нужно отметить, что в своих статьях Милютин проявляет большую самостоятельность. По свежести мысли, по оригинальности постановки целого ряда вопросов статьи Милютина представляли крупное явление не только в тогдашней русской экономической литературе, которая в то время переживала буквально младенческий период, но и в западноевропейской литературе того времени.

Свою критику смитовской школы В. А. Милютин начинает с рассмотрения вопроса о предмете политэкономии. Милютин считает господствующее определение политэкономии как науки о богатстве глубоко неправильным. Это определение, по его мнению, акцентирует внимание экономистов на вопросах, связанных с увеличением материального богатства, с увеличением количества тех или иных вещей. При таком определении, — подчеркивает Милютин, — живой человек со своими потребностями и интересами, непосредственный носитель производства и потребления, остается в тени и рассматривается лишь как средство увеличения богатства. Милютин считает нужным повернуть политэкономия лицом к человеку и в связи с этим он определяет политэкономия как науку о материальном благосостоянии.

В. А. Милютин упрекает смитовскую школу (к которой, как мы видели, он относит всех экономистов, за исключением Сисмонди и утопистов) в том, что она превратила политэкономия в чисто отвлеченную «теорию ценностей и обмена», в «метафизику или, если можно так выразиться, в онтологию народного богатства»². «Сочинения экономистов, — пишет он, — наполнились метафизическими тонкостями и алгебраическими формулами, в высшей степени темными и непонятными даже для людей, совершенно знакомых с этим предметом»³. Основной вред такого метафизического, по его определению, направления политэкономии Милютин видит в том, что при этом построении политэкономия теряет свое практическое значение, отрывается от больших вопросов действительности, пере-

¹ См. например «Воспоминания о С. Петербургском Университете в 1852—1856 гг. Устрялова («Исторический вестник», 1884 г., июнь). По сообщению Устрялова, В. А. Милютин был весьма близок с Некрасовым, Панаевым, бр. Жемчужниковыми и др. Его близким приятелем был Салтыков, который посвятил В. А. Милютину свою повесть «Противоречие».

² «Современник», 1847 г., № 11, стр. 5.

³ Там же, стр. 5—6.

стает заниматься вопросами улучшения судьбы человека. Между тем последние вопросы должны, по мнению Милютина, стоять в центре политэкономии. Через все его статьи красной нитью проходит мысль о том, что политэкономия не должна ограничиться изучением существующего экономического порядка. «Политическая экономия, — пишет он, — должна раскрыть, какое устройство экономических отношений благоприятствует наиболее сильному развитию производительности и справедливому равномерному распределению произведенных богатств по всем слоям общества. Она должна указать те практические средства, помощью которых можно уничтожить язву паупе-ризма, усовершенствовать нынешнюю экономическую организацию, развить и упрочить материальное благосостояние человека... Одним словом, политическая экономия представляет в себе разом и физиоло-гию и медицину общественного организма»¹.

Таким образом в самом определении предмета и задач политэкономии В. А. Милютин проявляет его связь с утопизмом. Политэкономия не только изучает сущее, но и должное, которое не вытекает из сущего, а противопоставляется ему, она намечает идеал более справедливой общественной организации, она должна также наметить практические меры для реализации этого идеала. Исходя из такого понимания задач политэкономии, Милютин обвиняет современных ему буржуазных экономистов в том, что они при изучении вопросов распределения ограничиваются только анализом механизма этого распределения богатства между разными классами. Наряду с этой задачей Милютин выдвигает задачу «указать идеал самого справедливого разделения благ — открыть средства для постепенного осуществления этого идеала в самой действительности»².

Изучение экономического идеала, по мнению Милютина, не только является органической частью политэкономии — оно вместе с тем должно лечь в основу критической оценки действительности, оно должно дать критерий для определения справедливости или несправедливости существующей экономической организации, ее согласия, по выражению Милютина, «с требованиями разума и права»³. Милютин обвиняет экономистов смитовской школы в том, что они ограничиваются только описанием и объяснением существующего строя без всякой попытки дать его критическую оценку. «От этого произошло, — пишет он, — что мало-помалу, и скорее безотчетно, нежели сознательно, они пришли к тому нелепому убеждению, что все действительное прекрасно, что всякий факт служит выражением разума, что все существующее справедливо только потому, что оно существует. Они вышли из того начала, что наука не должна заботиться о том, что справедливо и несправедливо, а кончили тем, что усвоили себе безобразную гипотезу абсолютной справедливости и полного совершенства всех существующих экономических учреждений»⁴.

Весьма интересную иллюстрацию подхода Милютина представляют его высказывания по вопросу о стоимости рабочей силы (последнюю он, как и все экономисты до Маркса, отождествляет с трудом). Милютин критикует «разумность и необходимость» закона, согласно которому заработная плата изменяется с изменением спроса и предложения труда. «Труд, — пишет он, — и деятельность человека не могут быть поставлены наряду с товаром. При повышении или пони-

¹ «Современник», 1847 г., № 10, стр. 58, 59.

² «Современник», 1847 г., № 11, стр. 22.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 13—14.

жении цены товара идет дело только о барыше или убытке для купца; но вопрос о задельной плате есть вопрос о спасении или погибели рабочих классов, вопрос, с разрешением которого тесно связаны и жизнь, и здоровье, и нравственность нескольких миллионов людей. Позабыть об этом, уподобить труд товару — значит смотреть на человека, как на машину, как на вещь бесчувственную, не имеющую никаких прав»¹. Милютин считает несправедливым договор, заключаемый между капиталистом и рабочим, он считает нормальными только такие договоры, согласно которым каждая из сторон может расторгнуть этот договор и добиваться своих условий. Между тем, добавляет он, работник не имеет этой возможности, ибо в случае отказа от продажи труда ему грозит голодная смерть.

Таким образом Милютин ко всем экономическим фактам подходит с этическим критерием: он прежде всего интересуется вопросом о справедливости этих фактов. Под этим углом зрения он подходит к теории трудовой стоимости, которую интерпретирует как трудовую теорию богатства. Труд, по его мнению, есть единственный источник богатства. Отсюда вытекает, что заработная плата должна равняться продукту труда. Так Милютин интерпретирует экономическое учение А. Смита. «Дальнейшее развитие этого вывода, — пишет Милютин, — привело бы необходимо к безусловному осуждению нынешних законов распределения богатств между производителями»². В согласии с рикардianцами-социалистами Милютин закон трудовой стоимости рассматривает не как закон развития капиталистического строя, а как закон, который по самой своей природе требует иного строя, нежели капиталистический.

Вполне естественно, что при таком понимании экономических вопросов Милютин дает чисто этическое обоснование необходимости замены капитализма другим строем. Ярко рисуя рост пауперизма, обвиняя экономистов смитовской школы в индифферентном отношении к этим фактам, Милютин попутно делает следующее замечание: «Противоположность между роскошью высших классов и бедностью низших достигла самых крайних пределов и вопияла к немедленному уничтожению неразумных учреждений, упрочивающих рабство труда под гнетом капитала»³.

Для того чтобы определить степень справедливости того или иного экономического факта, степень его соответствия «требованиям разума и права», нельзя ограничиться чисто экономической оценкой, для того чтобы дать критическую оценку, для того чтобы построить экономический идеал, нужно исходить из определенных этических, политических, правовых и т. п. принципов. Поэтому Милютин горячо ратует за то, что политэкономия должна быть органически связана с другими общественными науками, в частности с философией, правом и политикой. Милютин упрекает экономистов смитовской школы в том, что они дают одностороннее экономическое исследование, в том, что они «совершенно упустили из виду ту естественную связь, которая существует между материальными интересами народа, с одной стороны, и его интересами умственными, нравственными, политическими и т. д. — с другой»⁴. Эта тенденция подчинить политэкономии философию, праву и т. д. имеет у Милютина определенный смысл, она связана с необходимостью подвести определенную

¹ «Отечественные записки», 1847 г., т. L, стр. 25.

² «Современник», 1847 г., № 11, стр. 27.

³ Там же, стр. 24.

⁴ Там же, стр. 14.

базу под все этические высказывания, которыми должна быть пропитана, по мнению нашего автора, политическая экономия¹.

Было бы неверно считать, что Милютин ограничивает круг политэкономии только вопросами критической оценки экономической действительности. Милютин прежде всего предлагает изучать последнюю на основе установления общих и необходимых законов. В статьях Милютина мы встречаем иногда формулировки, которые на первый взгляд являются весьма привлекательными. Так например в одном месте он указывает, что «пря́мая, главная обязанность политической экономии заключается в открытии тех общих, постоянных законов (разрядка автора), по которым совершается материальное развитие обществ»². Милютин неоднократно упрекает экономистов смитовской школы в том, что они ограничиваются только изучением современной действительности и что выводы, сделанные из этого изучения, они распространяют на все эпохи и времена, хотя он сам не мог преодолеть метафизической концепции классиков.

Общие и необходимые законы, по мнению Милютина, по самой своей природе являются разумными законами, а также неизменными, вечными законами. Эти законы, как он в одном месте выражается, основаны «на самой природе вещей»³, т. е. являются естественными законами. На основе этих законов политэкономия должна определять условия справедливого распределения богатств. Милютин упрекает экономистов смитовской школы не только в том, что выводы, сделанные из анализа современной эпохи, они распространяют на все эпохи, но и в том, что они акцентируют свое внимание на изучении одной современной эпохи. Изучение современной эпохи, по мнению Милютина, может установить лишь временные и случайные законы, а не необходимые, естественные, разумные. «Как узнать, — пишет он, — посредством наблюдения над окружающими нас явлениями степень необходимости, общности и разумности этих законов? Как отделить в них временное от вечного, условное от безусловного, случайное от необходимого? Очевидно, что одно такое наблюдение не может объяснить нам ни постоянных, непреходящих условий существования и устройства обществ, ни общих, неизменных законов общественного развития. А между тем в этом именно и заключаются главная обязанность и призвание науки. Наука должна исследовать

¹ «Близко стоящий по своим экономическим взглядам к Милютину Вал. Майков сильно заостряет этот вопрос и взваливает в связи с этим на английскую политэкономия ответственность за рост нищеты. «Примером одностороннего развития и применения начал экономических может служить Англия. Английские экономисты отличаются от всех других односторонностью своего учения. Услуга, оказанная ими политической экономии, заключается ни в чем другом, как в строгом аналитическом развитии начал экономических. Адам Смит и его школа ни о чем так не заботились, как об изолировании законов политической экономии. Это стремление продолжается и до сих пор. Веруя в силу одного анализа, английские экономисты очищают свои науки от всяких примесей нравственных и политических; они убегают от того, что называем мы философией общества, и применяют к жизни односторонние учения, рассматривающие богатство как факт отдельный, ни от чего не зависящий, ни с чем не соединенный органически. Этот взгляд, ложный в науке, делается гибельным для практики. Все государство превращается в контору, люди в вещи и в машины. Политическая экономия утратила там характер науки, основанной на идее благосостояния, и послужила основанием монополии, аристократии, богатства... Гибельные следствия ее одностороннего анализа слишком ярко выражаются в миллионах париев, существующих в этой стране об руку с баснословными богачами, для которых теория Смита послужила ключом к мифическому богатству» («Общественные науки в России», «Финансовый вестник», 1845 г., кн. 1, стр. 20—21).

² «Отечественные записки», 1847 г., т. LV, стр. 17.

³ «Современник», 1847 г., № 10, стр. 58.

общие и постоянные, а не частные и временные законы; последние важны для нее только как средство для познания и открытия первых»¹.

Итак, законы определенного специфического способа производства (например капиталистического) с точки зрения Милютина являются частными законами в том смысле, что они являются случайными, что они не обусловлены разумными основаниями. Временные и случайные законы, действующие для отдельных способов производства, противопоставляются необходимому закону, которые в то же время являются нормальными, разумными и вечными законами. Следовательно в основе «теории» Милютина лежит та же метафизическая концепция существования вечных естественных законов с той только особенностью, что он естественные законы понимал несколько иначе, чем экономисты смитовской школы. Под этим углом зрения Милютин критикует например учение Мальтуса. Основной методологический порок в воззрениях Мальтуса Милютин видит не в том, что Мальтус пытается установить неизменный и одинаковый закон народонаселения для всех эпох, а в том, что он неправильно понимает нормальный закон народонаселения². По мнению Милютина, политэкономия должна решить две задачи: «Необходимо, во-первых, исследовать те нормальные и естественные отношения народонаселения и народного богатства, которые основываются на самом существе как воспроизводительных (речь идет о самой способности населения к размножению. — И. Б.), так и промышленных способностей человека. Во-вторых, в дополнение к этому следует определить меру влияния различных общественных и экономических учреждений на нарушение этих нормальных отношений и на происхождение и развитие нищеты»³. Итак, капиталистическое перенаселение Милютин рассматривает как результат нарушения нормального закона народонаселения. Трудно дать более ясную формулировку этого вывода, чем это дается самим Милютиным в следующем положении: «Мы должны признать этот горестный факт (речь идет о перенаселении. — И. Б.)... за ясный признак насильственного извращения естественных отношений, существующих при обыкновенном порядке вещей между производительностью и народонаселением, извращения, источника которого должно искать конечно не в разумных законах природы, а в несовершенстве общественного устройства»⁴.

Проблема капитализма для Милютина подменяется проблемой несовершенства общественного устройства. Он не видит объективной необходимости капитализма на определенном историческом этапе. Существующий экономический строй для него нерационален, представляет нарушение нормальных естественных законов. Отсюда — источник страданий рабочих. «Кто не знает, — пишет он, — что та страшная нищета, от которой в настоящую минуту страдают почти одинаково все общества Западной Европы, имеет свой источник не столько в

¹ «Современник», 1847 г., № 11, стр. 11.

² В этом отношении весьма характерна для Милютина следующая цитата: Мальтус «смешал условные и частные явления с общими и необходимыми законами и случайное отношение между народонаселением и народным богатством, зависящее единственно от влияния и действия некоторых учреждений, существующих в современных обществах, принял за отношение нормальное, естественное, основанное на законах природы и следовательно общее всем временам, действующее одинаково во всех ступенях общественного развития и при всяком устройстве общественных отношений» («Современник», 1847 г., № 9, стр. 51).

³ «Современник», 1847 г., № 9, стр. 54.

⁴ Там же, стр. 72—73.

недостатке производительности, сколько в несправедливости и нерациональности тех законов, по которым распределяются нынче богатства между отдельными классами производителей»¹. Милютин считает, что бедствий рабочего класса после промышленного переворота можно было бы избежать, «если бы подумали во-время о последствиях этого нового явления (т. е. развития крупной промышленности. — И. Б.), если бы заранее выговорили в пользу работников условия, необходимые для сохранения их здоровья и нравственности»². В одном месте Милютин характеризует современное состояние (т. е. капитализм) как переходное и аномальное состояние между падением старого общества и созданием нового³.

Наиболее существенная особенность капиталистического строя (который всюду фигурирует под именем современного строя), по мнению Милютина, состоит в господстве принципа *laissez faire, laissez passer*, принципа неограниченной свободы промышленности. Этот принцип, по мнению нашего автора, составляет квинтэссенцию экономического учения смитовской школы. «Конкуренция и свобода промышленности — вот альфа и омега всей политической экономии, основная идея всех экономических рассуждений и силлогизмов, единственное начало, на которое опираются устарелые экономисты (имеются в виду буржуазные экономисты, которые противопоставляются новым экономистам или социалистам. — И. Б.) для опровержения новых теорий своих современных противников»⁴. Критику смитовской школы Милютин прежде всего дает под углом зрения разоблачения ошибочности и вредности принципа невмешательства государства в экономическую жизнь. Идеализм нашего автора проявляется тут весьма отчетливо в признании, что экономическая доктрина определила развитие самой экономики. По мнению Милютина, политическая экономия, которая пошла по ложному пути защиты неограниченной свободы промышленности, отвечает в конечном счете за все бедствия работников.

«Полная, неограниченная свобода промышленности, — пишет он, — есть то верховное начало, под влиянием которого совершается экономическое развитие современных государств. Начало это перешло в жизнь из науки. Провозглашенное в первый раз физиократами, принятое и развитое школой Адама Смита, оно сделалось вскоре основным принципом политической экономии, ее девизом и опорой. Но учение это не осталось в книгах — оно проникло наконец и в практическую деятельность»⁵. Милютин не отрицает, что борьба за принцип *laissez faire, laissez passer* имела свой рациональный смысл в XVIII в., поскольку она была направлена против крайности излишней регламентации промышленности, характерной для эпохи господства меркантилистических идей (и здесь проявляется идеализм Милютина, который основную особенность эпохи видит в характере господствующих теорий). Но после устранения этих крайностей защита свободной конкуренции стала источником вреднейших последствий для рабочих.

По мнению Милютина, свободная конкуренция оказывает двоякое влияние. С одной стороны, она стимулирует огромный рост производства (Милютин упрекает буржуазных экономистов в том, что они

¹ «Современник», 1847 г., № 9, стр. 73.

² «Отечественные записки», 1847 г., т. L, стр. 48.

³ «Отечественные записки», 1847 г., т. LV, стр. 5.

⁴ «Современник», 1847 г., № 9, стр. 64.

⁵ «Отечественные записки», т. L, стр. 10.

видят только одну эту сторону, которая характеризует систему свободной конкуренции с положительной стороны). С другой стороны, она является источником растущей нищеты рабочего класса. В статьях Милютина можно найти немало мест, в которых весьма категорически формулируется решающая роль свободной конкуренции. «Вследствие принципа неограниченной свободы промышленности, — пишет он, — лежащего в основании экономической организации почти всех современных обществ, все участие работника в пользовании продуктами народной промышленности ограничивается незначительным вознаграждением за труд, являющимся обыкновенно в виде заработной платы»¹. Здесь Милютин из системы свободной конкуренции выводит низкий уровень заработной платы. В другом месте он из этой системы выводит необходимость падения доли рабочего класса в народном доходе. «Свобода промышленности сопровождается, как известно, весьма неблагоприятными последствиями. Вместе с постоянным умножением продуктов она столь же постоянно уменьшает участие самого многочисленного класса производителей в пользовании производимыми благами и своим вредным влиянием на способ распределения богатства обуславливает несправедливое решение всех общественных вопросов, связанных с этим распределением»².

Почему же свобода промышленности так отрицательно отзывается на положении рабочих? Если внимательнее проанализируем статьи Милютина, то увидим, что он не мог ограничиться только характеристикой правовой системы и форм экономической политики. Для того чтобы вскрыть корни пауперизма, Милютину пришлось обратиться к анализу самой экономики. Здесь Милютин столкнулся с проблемой взаимоотношения капитала и труда. Наряду с системой свободной конкуренции он выдвигает другую причину — разъединение производительных сил, отсутствие общности интересов между капиталом и трудом. Так например в одном месте он пишет: «Под влиянием свободы промышленности и разъединения производительных сил, вместе с умножением народного богатства, беднели и разорялись производители»³. Здесь уже фигурируют не одна, а две причины.

Для характеристики экономической концепции Милютина чрезвычайно важно выяснить, как он понимал взаимоотношение капитала и труда. Конечную причину обнищания Милютин видел наряду с принципом свободной конкуренции не в обособлении средств производства от рабочей силы, не в самом существовании капитала как определенного производственного отношения, а в недостаточной связи между капиталом и трудом, в отсутствии участия рабочих в доходах предприятий. Очень ярко выражается концепция Милютина в его высказываниях о влиянии машин на положение рабочих. Милютин совершенно правильно указывает, что сами по себе машины не отвечают за бедствия рабочих. Источник этих бедствий нужно искать не в самом изобретении машин, а в том, что эти машины принадлежат одному только классу производителей, в том, что другой, более многочисленный класс не пользуется ими, в том, наконец, что эти усовершенствованные орудия производства, сосредоточиваясь в руках немногих капиталистов, дают им средства угнетать население рабочее, живущее физическим трудом своим»⁴. Пока, как мы видим,

¹ «Современник» 1847 г., № 9, стр. 71.

² «Современник» 1847 г., № 11, стр. 21—22.

³ Там же, стр. 23.

⁴ «Отечественные записки», 1847 г., т. I, стр. 46.

Милютин дает правильную формулировку, и это очень выгодно отличает его от подавляющего большинства современных ему экономистов. Но уже в следующей строчке начинается отклонение Милютина от правильного пути. «Причины противоречия, — продолжает он, — должно искать в том же самом недостатке современной экономической организации, на который мы уже указывали несколько раз... в отсутствии всякой связи, всякой общности интересов между капиталом и трудом»¹. Тут сразу возникает недоуменный вопрос — какая общность интересов возможна между капиталом и трудом? Милютин не исключает возможности такой общности интересов. Не в уничтожении капитала, а в установлении этой мифической общности интересов он видит спасение рабочих. Об этом очень красноречиво говорят следующие строки: «До тех пор пока работник будет совершенно чужд капиталисту, пока он не будет участвовать в его выгодах и барышах, пока он будет только наемником его, а не товарищем, до тех пор между производителями всегда будет борьба... Пока отношение между работником и капиталистом не будет основываться на началах взаимной доверенности, тесной связи и справедливости, до тех пор успехи промышленности и народного богатства будут покупаться дорогой ценой, ценой бедности и нищеты многочисленного класса работников»².

Нет надобности останавливаться на критике этой точки зрения, которая обнаруживает, что Милютин анализ капиталистического производства не довел до конца, что он не вскрыл наиболее глубоких корней капиталистического обнищания. Из этой теории можно сделать вывод о возможности какого-то урегулирования капиталистического производства, о возможности уничтожения обнищания при сохранении основ капитализма. Сам Милютин этих выводов не сделал. Но его теория оставляла лазейку для выводов в духе буржуазного реформизма.

Заслуга Милютина состоит не в том, что он сделал попытку дать теоретическое освещение обнищания, а в том, что он бесстрашно и правдиво (нужно вспомнить цензурные условия России Николая I) нарисовал жуткую картину растущего обнищания рабочего класса. Симпатии Милютина целиком на стороне трудящихся. Почти на каждом шагу он подчеркивает, что свобода промышленности действует только на пользу капиталистического класса и всегда во вред рабочим. «Капитал, — пишет Милютин, — несравненно нынче сильнее и могущественнее труда. Между ними мы видим сгромное неравенство; а при таком неравенстве производительных сил предоставить им неограниченную свободу, отказать слабейшим в покровительстве и защите — значит предать работников в жертву капиталистам и поставить одних в совершенную зависимость от других. Такая свобода прямо ведет к угнетению; и действительно, пользуясь такой свободой, ему предоставленной, капитал в настоящее время давит труд, доводит его до последней крайности, обращается с ним совершенно так же, как обращались некогда феодальные бароны с своими беззащитными вассалами»³.

Милютин выводит неизбежность снижения уровня заработной платы из меняющегося соотношения между спросом и предложением труда. В силу естественного размножения, в силу введения новых машин и развития разделения труда предложение труда растет зна-

¹ «Отечественные записки», 1847 г., т. I, стр. 46—47.

² Там же, стр. 47.

³ Там же, стр. 13—14.

чительно быстрее спроса на последний. Отсюда Милютин делает вывод, что «заработная плата должна понижаться все более и более, так что она должна наконец дойти и действительно доходит до того предела, за которым уже остается умирать с голода»¹. Чем больше совершенствуются способы производства, — добавляет он, — тем сильнее увеличивается предложение труда и тем значительно снижается заработная плата. Ссылаясь на исследования Вильнев-Баржмона и Виллерме, Милютин приводит многочисленные примеры, иллюстрирующие, что большей частью заработная плата не может доставить работнику средств для удовлетворения самых необходимых потребностей.

Милютин не ограничивается только указанием на снижение заработной платы. Он яркими штрихами набрасывает картину всестороннего ухудшения положения рабочих. Милютин показывает, как разрушительно влияет чрезмерная работа на физическое здоровье рабочих. Он показывает, что очень высокая продолжительность рабочего дня, а также монотонный характер работы вредно отражаются на умственном развитии работников. Наиболее вредным результатом крупной промышленности Милютин считает замену взрослых мужчин женщинами и детьми.

Милютин весьма резко выступает против попыток приукрашивания положения рабочих в духе теории компенсации. «Вообще говорят, — пишет он, — что работники, лишившиеся дела вследствие изобретения машины, всегда могут найти для себя работу в других отраслях промышленности. Но такое мнение совершенно несправедливо; приведенные примеры составляют не более, как редкое исключение из общего правила; и можно было бы, напротив, привести бесчисленное множество фактов, доказывающих, что все отрасли производительности уже переполнены работниками и что для новых пришельцев нигде нет вакантных мест»². Милютин правильно добавляет, что положение рабочих незавидно и в тех отраслях, где существует сильный спрос на труд. «Требование на труд может увеличиться в значительной мере; но в увеличении своем оно подвержено беспрестанным колебаниям, замедлениям, остановкам, очень часто нарушающим равновесие между запросом и предложением труда»³. Милютин в дальнейшем ссылается на экономические кризисы.

★

Вполне естественно, что, нарисовав мрачную картину растущего обнищания рабочего класса, Милютин не мог не поставить перед собой вопроса — где и на каких путях можно искать выхода из создавшегося положения? Как и все утописты, Милютин не понимал роли классовой борьбы. Он весьма подозрительно относился к росту активности рабочего класса. В частности он считал вредными не только для капиталистов, но и для рабочих их коалиции. «Такие коалиции работников, — пишет он, — сопровождаются обыкновенно насилием, грабежом, разбоем, распутством и вообще последствиями в высшей степени вредными и для общественной безопасности и для общественного благосостояния»⁴. Милютин не щадит красок для того, чтобы показать «преступный» характер рабочих выступлений. «Эти коалиции, оказавшись совершенно бесполезными и безуспеш-

¹ «Отечественные записки, 1847 г., т. I, стр. 21.

² Там же, стр. 44.

³ Там же, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 16.

ными, оказались в то же время и чрезвычайно вредными для общественного порядка и безопасности. Везде разрывы эти сопровождались самыми преступными крайностями: работники, не принимавшие участия в волнениях, подвергались оскорблениям и побоям; часто даже самая жизнь их была в опасности. Фабриканты, сопротивлявшиеся требованиям работников, навлекали на себя народную ненависть, для отомщения им прибегали к насилию: зажигали и грабили их дома и заведения. Если случалось, что восстание работников сопровождалось кратковременным успехом, если перевес оставался на их стороне, то они пользовались этим для совершения поступков в высшей степени безумных и преступных»¹.

К тому же можно апеллировать для того, чтобы уничтожить бедствия рабочего класса? Не понимая всемирно-исторической роли пролетариата, не понимая, что сам капитализм рождает и воспитывает своего могильщика, Милютин апеллирует к общественной власти, которая в его представлении рисуется как какая-то надклассовая сила. «Только общественная власть, — пишет он, — представительница интересов всех и каждого, может своим вмешательством обуздывать сильных, покровительствовать слабым, отвращать несправедливости и противодействовать беспорядку»². К этой общественной власти, витающей где-то высоко над классами, Милютин обращается с горячим призывом. «Если бы общественная власть, — вещает он, — предоставила промышленность на произвол частным интересам и оставила слабых без покровительства, а сильных без надзора, она бы отказалась вместе с этим от своего настоящего назначения, от того, в чем заключается ее прямая, непосредственная обязанность. Такое отречение общественной власти от своих прав было бы в высшей степени безрассудно и вредно»³. «Утверждать при таком порядке вещей, — продолжает он, — что организация бесполезна, что надо сложить руки и равнодушно смотреть на беспорядок, значит утверждать законность анархии и необходимость разлада»⁴.

Милютин прекрасно понимает, что здесь полумерами нельзя обойтись. Он в ряде мест говорит о необходимости радикальной перестройки современного общественного строя («все предвещало неминуемость социального кризиса и доказывало необходимость радикального преобразования экономических отношений»⁵). Для Милютина остается один выход — стать на путь утопий. И Милютин становится на этот путь, нисколько не скрывая того, что он является защитником утопий. Напротив, Милютин старается реабилитировать утопии, доказать их целесообразность и даже необходимость. Как и всегда делается в таких случаях, Милютин выводит эту необходимость из природы человека. «Стремление к отысканию идеала справедливейшей, совершенной организации общества есть стремление, проистекающее из самой природы человека и по тому самому существующее всегда и на всех ступенях общественного развития»⁶. Милютин идет так далеко, что он отрицает возможность общественного развития без... утопий. «Не будь в человеке способности противопоставлять действительному факту свою идеальную утопию, не было бы и развития, не было бы и прогресса»⁷.

¹ «Отечественные записки», 1847 г., т. I, стр. 19—20.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 18.

⁵ Там же, стр. 24.

⁶ «Современник», 1847 г., № 12, стр. 147.

⁷ Там же, стр. 150.

Эти выводы не случайны. Они гармонируют с теми идеалистическими мотивами, которые играют определяющую роль в концепции Милютина. Развитие идей определяет собой развитие самой действительности. Выше мы видели иллюстрацию этого идеализма Милютинга на примере рассмотрения им принципа *laissez faire, laissez passer*. Исходя из общей идеалистической концепции, Милютин пытается показать огромную творческую роль утопий. Утопии выражают определенные идеалы, а идеалы двигают историческое развитие. Милютин выражает взаимоотношение между идеалом и действительностью в весьма четкой и определенной формуле: «действительность представляет нам постепенное осуществление идеала, точно так же, как с своей стороны идеал представляет нам только предвидение будущей действительности»¹.

Нужно однако отметить, что Милютин не является последовательным утопиком, это в значительной мере связано с тем, что Милютин не является последовательным идеалистом. В его концепции наряду с господствующими идеалистическими мотивами слышны и некоторые материалистические нотки. В одной из своих статей Милютин делает следующее весьма важное указание: «Одна из главных целей приложения положительной методы к общественным наукам состоит именно в том, чтобы доказать существование этих не зависящих от воли человека законов и уничтожить таким образом заблуждение относительно неограниченной власти людей над миром общественных явлений»². Отсюда Милютин делает вывод о возможности предвидения общественного развития³.

Противоречие между материализмом и идеализмом весьма отчетливо проявляется у Милютина при рассмотрении вопроса о взаимоотношении идеала и действительности. Формулируя задачи философии истории, Милютин в идеалистическом духе указывает, что последняя объясняет «способ перехода идеала в действительность и развитие действительности сообразно с идеалом»⁴. Но сейчас вслед за этим явно идеалистическим утверждением начинается отступление. Милютин показывает, что утопия утопии рознь, что разные утопии имеют неодинаковую возможность реализации. В частности он подчеркивает, что утопия может быть несвоевременной или преждевременной, что для данного момента она может часто рассматриваться как произвольная мечта и несбыточная гипотеза. В связи с этим, по мнению нашего автора, усложняются задачи философии истории. Последняя должна показать не только самую возможность превращения идеала в действительность, его осуществления, но выяснить «также, в какой степени, в какое время и при каких условиях может произойти это осуществление»⁵. Отсюда невольно напрашивается вывод, что идеал не является какой-то самодовлеющей силой, что существуют какие-то объективные факторы, которые определяют действительное развитие общества и тем самым определяют возможность, степень и формы реализации тех или иных идеалов.

Став на эту противоречивую позицию, Милютин приходит в вопросе об утопиях к внутренне противоречивому выводу. Он выдвигает внутренне противоречивое понятие научной утопии. Утопия, по мнению нашего автора, должна остаться утопией и вместе с тем

¹ «Сов еменник», 1847, № 12, стр. 151.

² «Отечественные записки», 1847 г., т. LV, стр. 20.

³ Там же.

⁴ «Современник», 1847 г., № 12, стр. 151

⁵ Там же, стр. 152.

она должна опереться на науку. Она должна сочетать в себе элементы мечты и элементы познания действительности. «Необходимо, — пишет Милютин, — освободить утопию от ее мистического, мечтательного характера и придать ей характер рациональный и положительный, необходимо, другими словами, изучить и понять действительность, раскрыть ее стремления и силы, сообразно с этим видоизменить самую мечту, сблизив ее с жизнью»¹.

Итак, Милютин остается в своих исканиях на полпути. С одной стороны, он отстал от берега последовательных утопистов, с другой стороны, в силу всей своей идеалистической, метафизической концепции он не может пристать к берегу тех, кто ратует за превращение утопии в науку. Но уже стоя на этой промежуточной противоречивой позиции, Милютин имеет возможность дать некоторую, хотя и очень слабую критику учения утопистов. Основной упрек Милютина заключается в том, что утописты не изучают действительности, что они ограничиваются только вопросами должного, не входя в рассмотрение вопросов сущего. Милютин правильно показывает, что экономисты (под которыми понимаются по существу только вульгарные экономисты) и утопические социалисты (других социалистов он естественно не мог знать) представляют две крайности в развитии общественной мысли. «Первые (т. е. экономисты. — И. Б.) признают все действительное справедливым, вторые (т. е. социалисты. — И. Б.) — все справедливое возможным. Одни унижают науку, употребляя ее как средство для оправдания современной действительности, другие отрицают самую действительность, нисколько не принимая ее в соображение при построении своих теорий»².

Было бы неверно думать, что Милютин во всех вопросах стоит выше утопистов. Тот факт, что он не приемлет полностью утопические теории, объясняется также и тем, что в его статьях весьма отчетливо проскальзывают нотки чрезвычайной осторожности, нотки защиты принципа постепенного развития, без больших потрясений, толчков. Мы характеризовали бы эти нотки как нотки умеренного и, если хотите, трусливого реализма, которые характерны для реформистов всех мастей. Эта мысль отчетливо выступает например в следующем высказывании Милютина: «Забывая преимущественно о том, чтобы найти тип самой совершенной, самой разумной организации труда, они (т. е. утописты. — И. Б.) недостаточно сознают, что человечество не может делать скачков в своем развитии и не может следовательно перейти прямо и без приготовления из нынешнего своего состояния в состояние полного и безусловного совершенства. Если бы новые школы понимали эту истину, они обратили бы свое внимание преимущественно на то, чтобы найти средства для постепенного (разрядка автора) усовершенствования экономической организации. Но вместо того, чтобы стремиться к этой ближайшей и непосредственной цели, современные школы думали гораздо более о цели, слишком от нас отдаленной, и ограничивают свою деятельность одним стремлением к недостижимому для нас идеалу общественной организации»³. Мы конечно далеки от признания того, что Милютин был последовательным реформистом. Мы хотели только подчеркнуть, что тенденция дальнейшего перехода на путь реформизма у Милютина несомненно имелась. Ранняя смерть оборвала

¹ «Современник», 1847 г., № 12, стр. 153.

² Там же, стр. 156.

³ Там же, стр. 157.

жизнь этого несомненно талантливого человека, и поэтому мы можем только гадать о том, куда бы он пошел¹.

Милютин признает целый ряд крупных заслуг за утопическими социалистами. Он особенно подчеркивает тот факт, что утописты правильно понимают задачи политэкономии как науки о благосостоянии, а не как науки о богатстве. В актив утопистов Милютин заносит тот факт, что они оставили в стороне метафизику богатства и обратились к исследованию чисто практических вопросов. Милютин хвалит утопических социалистов за то, что они в основу своих исследований положили не «отвлеченную идею ценности», а «живую идею человека». Наконец к числу заслуг утопистов Милютин причисляет и тот факт, что они не отрывают политэкономии от других общественных наук. Но наряду с этим, как мы показали выше, Милютин в ряде вопросов не соглашается с утопистами.

Из всех экономистов наибольшими симпатиями Милютин пользуется Сисмонди, которого он очень хвалит за его глубокую критику капитализма и школы Смита. В своей характеристике роста пауперизма, в своем объяснении кризисов он очень много заимствовал у Сисмонди. Но вместе с тем Милютин не приемлет на все сто процентов его экономическое учение. Милютин правильно и тонко подметил дуализм, имеющийся у Сисмонди и выражающийся в том, что наряду с защитой бедных классов у Сисмонди весьма отчетливо выступают симпатии к феодальной аристократии. Наш автор правильно отмечает беспомощность Сисмонди при попытках решения рабочего вопроса. Приведем одно место, которое весьма ярко иллюстрирует тонкость и глубину критического анализа Милютин. «В одном месте своей книги Сисмонди для улучшения участи современного работника-пролетария предлагает поставить его в совершенную зависимость от капиталиста, с тем чтобы последний пекся о нем, как о существе неполном, и обращался с ним, как обращается опекун с несовершеннолетним. Это странное предложение доказывает ясно, что Сисмонди вовсе не понимал настоящего смысла современных требований и думал отделаться ничтожными полумерами, когда дело шло о радикальном преобразовании на Западе экономического устройства. Понимая всю несправедливость настоящего порядка вещей, безусловно подчиняющего судьбу труда владычеству капитала, он признавал однако же противоположность между работником и капиталистом явлением естественным, необходимым и неприкосновенным... Мысль о возможности существенного преобразования самых отношений, существующих между капиталистом и работником, не приходила ему и в голову»¹.

★

Итак, рассмотрев разные экономические школы своей эпохи, Милютин остался неудовлетворенным. Он не присоединяется целиком

¹ Тенденция к реформизму выражена значительно ярче в статье Вал. Майкова «Об отношении производительности и распределения богатства» (написана в 1842 г., опубликована в 1889 г.). Майков в качестве основного рецепта разрешения рабочего вопроса предлагал систему «дольщины», т. е. систему участия рабочих в прибылях. У Милютин имеются некоторые формулировки, из которых можно сделать вывод о близости взглядов Милютин к теории Майкова. Однако у Милютин имеются лишь намеки таких взглядов. Между тем у Майкова они выражены весьма отчетливо. Последний не скрывал, что он ближе стоит к буржуазным экономистам, нежели к социалистам. «Система дольщины, — указывает Майков, — не есть что-либо среднее между Смитом и новейшими социалистами, скорее можно назвать ее продолжением Смита» («Критические опыты», 1889 г., стр. 654).

¹ «Современник», 1847 г., № 12, стр. 145.

и полностью ни к одному из этих направлений, хотя его симпатии больше всего на стороне утопических социалистов и Сисмонди. В поисках новых методов, которые позволили бы реформировать политэкономия, Милютин обращается к модному продукту философии той эпохи — к позитивизму Огюста Конта. Милютин был первым автором, который вкратце познакомил русских читателей с позитивным методом Конта (в своей рецензии на книгу Бутовского в «Отечественных записках», 1847 г., т. LV). Милютин принимает учение Конта о трех стадиях развития наук — мифологической, метафизической и позитивной (весьма характерна для идеалистической концепции Милютина следующая формулировка: «По силе этого закона, науки, истекающие из ума человеческого, в своем постепенном развитии, проходят через три периода»)¹. Милютин принимает также известную классификацию наук Конта. В основу последней, как известно, положен принцип, что чем сложнее явления, тем значительнее их связь с интересами человека, тем позднее они вступают на путь позитивной разработки. Исходя из этого принципа, Конт располагает науки в следующем порядке: математика, астрономия, физика, химия, физиология, социология.

Основная идея Милютина состоит в том, что все современные ему экономические школы находятся на стадии метафизического анализа. Спасение, по его мнению, нужно искать в перестройке политэкономии на началах позитивизма. Нужно заметить, что последний меньше всего давал средств для борьбы с подлинной метафизикой, ибо сам позитивизм является недialeктическим, т. е. метафизическим и одновременно идеалистическим учением. Весьма любопытно рассмотреть, как Милютин понимал различие между метафизическим и позитивным направлением политэкономии. Он сводит это различие к трем пунктам: к различию в отношении метода, доктрины и практического приложения науки. В части метода для метафизических теорий характерно преобладание воображения над наблюдательностью, а для позитивных теорий характерно господство метода наблюдения и опыта². Это различие, которое настойчиво подчеркивается Милютиным на протяжении всей его статьи, является весьма поверхностным. Метафизические теории также пытаются исходить из действительности, применяя методы наблюдения и эксперимента. Основной вопрос не в том, применять или не применять наблюдение, а в том, как использовать эти наблюдения для познания действительных причин наблюдаемых явлений. Позитивизм Конта, считавшего сущность вещей непознаваемой, отрицавшего абсолютную объективную истину, как раз закрывает возможность выяснения наиболее глубоких, скрытых причин наблюдаемых нами явлений.

В отношении самой доктрины Милютин считает наиболее характерным для метафизического направления стремление к раскрытию абсолютных истин; между тем позитивное направление стремится к превращению всех понятий абсолютных в относительные»³. Милютин делает попытку связать это стремление к абсолютной истине с отсутствием историзма у метафизических направлений политэкономии. «Всякому, кто знаком с состоянием современной литературы, хорошо известно, что все школы, политические и экономические, поддерживают, каждая с своей стороны, какой-нибудь безусловный,

¹ «Отечественные записки», 1847 г., т. LV, стр. 1.

² Там же, стр. 18—19.

³ Там же, стр. 19.

неподвижный тип общественной организации и отвергают тем всякую возможность изменения и развития цивилизации»⁴. Мы не будем останавливаться на критике релятивизма. Очевидно, что подлинный историзм в политэкономии, как и в других общественных науках, невозможен без вскрытия диалектики развития реальных противоречий жизни. Позитивная философия Конта ничего не давала для вскрытия этой диалектики. Само противопоставление абсолютной и относительной истины как двух исключających друг друга моментов характерно для недиалектического подхода Конта. Для радикальной перестройки политэкономии позитивизм оказывается совершенно негодным орудием.

В отношении вопросов, связанных с практическим применением науки, Милютин проводит следующее различие между метафизическим и позитивным направлением: первое «теряет из виду существование естественных и необходимых законов, которым подчиняются все явления, и содействует таким образом распространению мысли о возможности произвольного, неограниченного изменения этих явлений влиянием и деятельностью человека»¹, между тем второе ведет к отказу навсегда от стремления к произвольному и безграничному влиянию на общественные факты. Тут-то проявляются отмеченные выше материалистические тенденции в концепции Милютин. Но очевидно, что эта материалистическая тенденция меньше всего могла получить опору в идеалистическом учении Конта, считавшего основой общественного движения развитие науки и выдвигавшего поэтому на передний план свой закон о трех стадиях в движении наук.

Милютин правильно охарактеризовал современные ему экономические школы как метафизические, но совершенно ошибочно пытался преодолеть это метафизическое направление при помощи позитивной философии Конта. Придерживаясь последней, Милютин оказался неспособным вскрыть подлинно метафизический характер современной ему политэкономии. Для доказательства своего основного тезиса, что политэкономия находится в метафизической фазе, он прибегает к весьма несерьезным аргументам. Метафизичность политэкономии Милютин например усматривает в наличии споров по кардинальным вопросам этой науки. «Самый простой и вместе самый верный признак зрелости науки — и ее положительного характера, — пишет он, — состоит в прекращении всякого разногласия между учеными относительно установления основных принципов и решения важнейших вопросов. В науке положительной коренные истины признаются всеми одинаково и никем не оспариваются: в этом именно и заключается преимущество положительной методы над метафизической»². Такое формальное определение метафизического направления ничего не дает для выяснения действительной сути последнего.

Позитивный метод у Конта преследовал также цель сближения общественных наук и точных. Это сближение осуществлялось им путем некритического перенесения некоторых понятий точных наук (например теоретической механики) в общественные науки. Конт был первым, кто предложил разбить социологию на статику и динамику. Милютин заимствует и это предложение своего учителя. Учению о статике и динамике Милютин придает очень большое значение. «В большей части наук положительных, — пишет он, — самое первое и необходимое средство для успешного анализа явлений состоит в

¹ «Отечественные записки», 1847, т. LV, стр. 18—19.

² Там же, стр. 10.

установлении при их описании и изучении двух различных, хотя и тесно связанных между собой точек зрения — «статической и динамической» (разрядка автора)¹.

Статьи Милютина характеризуют искания сильного и оригинального ума, лишенного правильного метода. Но эти искания весьма симптоматичны для наиболее левых кругов русской интеллигенции 40-х годов. Эти статьи сыграли несомненную положительную роль. Как указывает Семевский, «статьи его (т. е. Милютина. — И. Б.) давали читателю хотя и краткие, но полезные сведения о социалистических учениях (поскольку это было возможно при тогдашних цензурных условиях) и при сочувствии автора, несмотря на критическое отношение, социализму, в общем содействовали его пропаганде»².

Важнейшей заслугой Милютина, как мы показали выше, является то, что он впервые на русском языке дал яркую и широкую картину растущего обнищания на Западе. Отдельные указания на пауперизм встречались и до него в русской литературе, но обычно эти указания имели своей целью доказать гниение Запада и преимущества «истинно русской» крепостнической экономики. Между тем Милютин пытается увязать критику капитализма с необходимостью борьбы за более прогрессивный идеал. Возражая славянофилам, Милютин писал: «Можно ли назвать устарелым то общество, которое сознает в себе несправедливость и силится победить ее? Можно ли находить признаки упадка там, где все дышит свежестью юности, где все взоры и все умы с надеждой обращены на будущее, где все движется, все живет, все развивается?.. Гнил только тот, кто вовсе не примечает своей гнилости. Тот только малодушен, кто, отгадывая у себя зло и неправду, предпочитает спокойно лежать в грязи, вместо того, чтобы трудом и пожертвованиями стремиться к благородной цели»³.

Другая заслуга Милютина в том, что он впервые в русской литературе вскрыл апологетический характер вульгарной экономики. В своей статье о Мальтусе Милютин очень отчетливо показал, что теория народонаселения Мальтуса пытается возложить вину за перенаселение и все бедствия рабочих на природу. Милютин очень отчетливо вскрывает буржуазный характер теории Сэя. Теория последнего, указывает Милютин, «была принята с восторгом французской «bourgeoisie». Сэй был самым верным органом интересов, идей и потребностей среднего сословия, его одушевляли те же начала отрицательного либерализма, какие руководствовали постоянно исторической деятельностью этого сословия. Этим объясняется, почему Сэй сделался любимым, привилегированным экономистом «bourgeoisie», почему его теория получила во Франции больше авторитета, нежели теория самого Смита»⁴.

Не понимая исторической прогрессивности капитализма, Милютин не понимал различия между прогрессивной и реакционной буржуазией. Он не проводил различия между классической и вульгарной экономией. Поэтому у него только вульгарная экономия по существу выступает как носительница классовых интересов буржуазии. Но при всех своих ошибках Милютин правильно отметил апологетический характер господствовавшей тогда школы Сэя.

¹ Там же, стр. 20.

² Статья «Сен-симонисты и фурьеристы в России в царствование имп. Николая I», «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV, ч. 2, стр. 366.

³ «Отечественные записки», 1847 г., т. L, стр. 4—5.

⁴ «Современник». 1847 г., № 11, стр. 28.

И. Посошков о крестьянском вопросе

(Из истории меркантилизма в России)

I

Первая четверть XVIII в., время Петра I, отличается своеобразной публицистической литературой. «Доношения», «изъявления» и «пункты», подававшиеся правительству отдельными лицами, затрагивали самые различные стороны политики и экономики того времени. К этой литературе принадлежит и знаменитая «Книга о скудости и богатстве» Ивана Посошкова, предназначавшаяся им для представления Петру I. Эта книга вероятно явилась причиной ареста ее автора Тайной канцелярией, где он и умер. Посошков (1652—1726 гг.) однако вышел далеко за пределы обычного прожектерства и дал в этом сочинении широкую программу политических и экономических реформ с точки зрения интересов «нарождавшегося купеческого класса», проникнутую типичными идеями меркантилизма¹.

Меркантилизм являлся идеологией торгового капитала, действовавшего в Западной Европе или в условиях феодального способа производства (монетарная система) или в эпоху первоначального накопления (меркантильная система в собственном смысле). Между тем буржуазная историография рассматривала Посошкова как выразителя интересов крестьянства. В связи с этим для правильного понимания его классовой позиции необходимо подвергнуть критике соответствующие высказывания буржуазных историков и внимательно рассмотреть проекты Посошкова, касающиеся положения крепостного крестьянства.

В дореволюционной исторической литературе мы встречаем различные и к тому же совершенно противоположные мнения об отношении Посошкова к крепостному строю. Большинство исследователей видело в авторе «Книги о скудости и богатстве» одного из первых сторонников будущего освобождения крестьян. В 1870 г. историк-юрист Романович-Словатинский, проникнутый типичным для 60-х годов буржуазно-либеральным настроением, в своей книге по истории дворянства повидимому первый указал, что Посошков «как бы прозревал их (крестьян) будущее освобождение». При этом он ссылаясь на слова Посошкова, что «крестьянам помещики не вековые владельцы». Тот же взгляд на Посошкова, но более детально, развил народник В. И. Семевский: «Хотя Петр Великий принял кое-какие меры для ограничения крепостного права, но некоторые его современники желали гораздо большего в этом направлении. Таким энергичным заступником за поработенный народ явился Посошков»,—говорит Семевский. Посош-

¹ Общая характеристика мировоззрения Посошкова и анализ его социально-экономических взглядов, типичных для меркантилизма, даны мною во вступительном очерке к выходящему в ближайшее время под моей редакцией новому изданию «Книги о скудости и богатстве» (Соцэкгиз, 1936 г.).

ков предвидел возможность освобождения крестьян: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, — говорит он, — того ради они не весьма их берегут, а прямой их владелец всероссийский самодержец, а они владеют временно. И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство — богатство царственное». Правда, Семевский сейчас же вносит в свое положение некоторое ограничение. «Предвидя, что рабству крестьян настанет когда-нибудь конец, — говорит он, — Посошков не мечтал, однако, о полном их освобождении, он считал повидимому несвоевременным прекращение личной зависимости и даже полагал, что надзор помещиков необходим, чтобы крестьяне не предавались праздности... Но он желал точно определить размер поборов и повинностей в пользу помещика». Итак, по мнению Семевского, Посошков предвидел в будущем освобождение крестьян, но для своей эпохи считал раскрепощение еще несвоевременным и поэтому предлагал пока ограничиться регламентацией крепостных повинностей.

Вслед за Семевским и Романовичем-Словатиным то же самое, почти не прибавляя новых доводов, утверждали и другие исследователи, в том числе известный исследователь феодализма в России Н. П. Павлов-Сильванский, написавший биографию Посошкова. Того же мнения держался В. О. Ключевский. «Безнадзорный рост помещичьей власти пробуждал мысль о необходимости законодательного ее ограничения, — говорит Ключевский. — К концу царствования Петра эта мысль, можно думать, не у одного Посошкова, созрела до ясного и твердого убеждения. Крестьянин по происхождению, он смотрел на крепостную неволю крестьян как на временное зло... Значит среди сколько-нибудь мыслившего крестьянства, литературным представителем которого выступил Посошков, — продолжает Ключевский, — еще тледа или уже загоралась мысль, что помещичья власть над крестьянами не вечное право, как на рабочий скот, а государственное поручение, которое в свою очередь снимут с помещиков, как снимают должность с чиновников за выслугой лет или за ненадобностью... Очевидно начинали подумывать о развязке крепостного узла». Таким образом В. О. Ключевский утверждал, что Посошков смотрел на помещичью власть «как на временное зло» и думал о «развязке крепостного узла». Это мнение защищалось крупнейшими представителями буржуазно-либеральной литературы. Представление о Посошкове как о противнике крепостного права перешло и в западноевропейскую литературу. В известной «Истории политической экономии» немецкого ученого Августа Онкена мы читаем, что Посошков «защищал обычные идеи меркантилизма и рядом с ними отмену крепостного права».

Противники этой точки зрения писали по данному вопросу лишь мимоходом, не пытаясь детально обосновывать свои взгляды. Так А. Брикнер, более определенно высказавшийся в своей немецкой книге, нежели в своем сочинении о Посошкове на русском языке, излагая его взгляды на крестьянский вопрос, замечает, что при этом «нет и речи о свободе и человеческих правах». М. Клочков в небольшой статье «Посошков о крестьянах» определенно утверждал, что «Посошков, не касаясь существа крепостного права и не имея в виду освобождение крестьян от крепостной зависимости, приходил к замечательной мысли, что необходимо законом определить, какие повинности крестьяне должны отбывать на помещиков». Казалось бы, последний автор, писавший в новейшее время, должен был серьезнее

обосновать свое мнение, так резко расходившееся с приведенными выше взглядами. Наконец следует сказать, что марксисты Г. Плеханов и М. Покровский в своих высказываниях о Посошкове не приписывали ему каких-либо «освободительных» тенденций, но вместе с тем они и не останавливались на критике наиболее распространенного взгляда на данный вопрос.

Для полноты обзора и в качестве свидетельства существования различных точек зрения по этому вопросу следует упомянуть мнения Е. Карновича и А. Царевского, которые считали, будто Посошков не мог дойти «до мысли о пользе уничтожения крепостного права и, напротив, выражает мысль, что положение помещичьих крестьян потому бывает плохо, что они еще мало укреплены за помещиком, как полная их собственность». Оба автора при этом ссылались на те же слова о временности помещичьих прав на крестьян¹.

Таким образом существовали три различных точки зрения: 1) что Посошков был противником крепостного права, мечтал об его уничтожении, 2) что у него, напротив, не было и мысли об освобождении крестьян и 3) что он предлагал усилить крепостную зависимость.

Остановимся более внимательно на точке зрения большинства буржуазных историков. Народник В. И. Семевский в подтверждение того, что «Посошков предвидел возможность освобождения крестьян», ссылается на следующие его слова: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их берегут, а прямой им владелец всероссийский самодержец, они владеют временно» и т. п.² Однако объяснение Семевского способно вызвать ряд сомнений.

Исследователями например не было обращено внимание на то, что Посошков гораздо чаще, чем о временном владении крестьянами, говорит о временности прав помещиков на землю. Посошков возмущается, что помещики противозаконно не разрешают устраивать на своих землях казенные кабаки, бьют и гонят целовальников, желая самостоятельно продавать свое вино. Дворяне «забыли, — говорит он по этому поводу, — что самая истинная земля, коя и под ним самим, не его, но великого государя, а и сам он не свой, а его ж величества, а страха на себя ни малого не имеют. И такое препятие чинитца в мелких помещиках, а о сильных и спрашивать нечего. Те и ногой ступить на ту землю, коя под его временным владением, с питьем государевым не пускают». Таким образом Посошков называл временным не только право помещика на крепостного, но и право его на землю. Временность прав помещика на землю служит у Посошкова основанием для распространения на все помещичье землевладение поземельного налога. «Под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней боль-

¹ А. Царевский, Посошков и его сочинения, М. 1933 г., стр. 89; Е. П. Карнович, Крестьяне и помещики по мнениям Посошкова, «Современник», 1858 г., т. 71, прилож. стр. 42; Семевский, Крестьянский вопрос, т. I, стр. 5—6; «Завещание отечское», сочин. И. Т. Посошкова, СПб 1893 г., предисл. Е. М. Прилежаева, стр. XVI; Н. П. Павлов-Сильванский, Сочинения, т. II, стр. 68; В. О. Ключевский, Курс русской истории, т. 4-й, изд. 2-е, стр. 134; А. Онкен, История политической экономии, СПб, стр. 250; Романович-Словатинский, Дворянство в России, изд. 2-е, Киев 1912 г., стр. 330 (1 издание 1870 г.); Г. Плеханов, История русской общественной мысли, т. II, гл. III; М. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. III; Клочков, Посошков о крестьянах—в книге «Великая реформа», изд. Сытина, т. I, стр. 72; A. B. Güllner, Iwan Possoschkow. Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peter des Grossen, Leipzig 1878, S. 318, 322.

² Цитаты из книги Посошкова в настоящей статье приведены по новому изданию Соцэкгиза, выходящему в ближайшее время.

шая и вековая, и им меньшая и временная и не токмо им питейною продажею самовольно владеть, но и земель без платы не можно им владеть». Посошков предлагал отделить крестьянскую землю от барской и распространить поземельный налог также и на эти отдельные помещичьи земли. Следовательно под самой истинной землей, «коя под ним самим» и владеть которой он считает невозможным без платы, Посошков разумел и эту отмежеванную от крестьянской, собственно, барскую землю, и даже эту землю он называет царской и считает временным владением помещика.

Если Семевский видел в словах Посошкова о временности прав помещика на крестьян мысль о возможности их освобождения, то, оставаясь последовательным, он должен был точно так же понимать и слова Посошкова о временности дворянского землевладения; ему следовало бы признать Посошкова сторонником не только освобождения в будущем крестьян с землей, но и отобрания в казну всей помещичьей земли, даже и той, «коя под ним самим», как временного владения. Оставаясь последовательным, надо было признать Посошкова крайне смелым социальным реформатором. Но это разумеется неверно. Главное сомнение в правильности распространенного толкования заключается в естественно возникающем вопросе о том, почему предвидевший освобождение крепостных Посошков в своих проектах, касающихся крестьянства, все же исходил из крепостного строя, ограничиваясь предложением определения законом крепостных повинностей.

В самом деле в своих проектах реформ Посошков намечает для помещиков обширные полицейско-административные функции по отношению к крестьянам. Он хочет видеть помещика опекуном и педагогом, будто бы заботливо оберегающим каждого крестьянина и его хозяйство от губительных последствий хозяйственной нераспорядительности. Посошков поручает местным администраторам наблюдать, чтобы дворяне «за крестьянами своими сами бы смотрели и приказчикам и старостам накрепко бы наказали, чтобы никакой крестьянин гуляком не был ни летом, ни зимой, не токмо большие, но и малые ребята даром не шатались бы, но иные учились бы грамоте, а иные рукоделию, каковое вводится во крестьянах, учились бы; буде какой топором еще не сможет владети, то прять учились и научась шли бы на полотняные дворы, и так бы зимой из найму, или из хлеба работали, а летом полевую работу работали. И аще в юности навькнет работать, то и под старость гуляком не будет». Тотчас же вслед за изложением мероприятий по ограничению прав помещика на труд крепостных Посошков замечает. «А буде кой крестьянин, хлеба напахав, да станет гулять и впредь не станет ничего запасть и таковых, не токмо помещикам иль прикащикам, но и сотским надлежит за ними смотреть и жестоко наказывать, чтобы от лености своя в скудость не приходили и в воровства бы, ни в пьянство не уклонялись». Помещичья опека, по его представлению, должна якобы иметь в виду хозяйственные интересы самих крестьян, «дабы от лености во всеконечную скудость не приходили». Он надеялся, что при определении законом крепостных отношений, при реформе подворного налогового обложения, а также при условии, что помещики будут смотреть за своими крестьянами, «то никогда крестьянин весьма не оскудеет». «А буде кой крестьянин будет лежебочить,—добавляет Посошков,—то бы таковых жестоко наказывать, понеже кой крестьянин нагуляется,

в том уже пути не будет, но токмо уклонится в разбой и иные воровства». Так, наряду с ограничением права помещика на крепостной труд Посошков хотел бы видеть в помещике наилучшего организатора крестьянского хозяйства и блюстителя общественного спокойствия. Советы Посошкова чрезвычайно близки к суждениям, высказанным дворянскими публицистами того времени. В. Н. Татищев в «Кратких экономических записках» точно так же развивает систему мелочной опеки над крестьянами. У него проявляется то же недоверие к собственному разуму крестьянина: за крепостными надо строго следить, чтобы они даже в собственном хозяйстве работали исправно, а ленивых следует сажать в тюрьму. Те же самые мысли высказывает другой современник Посошкова Вольтерский в своей «Инструкции дворянскому Немчинову», где между прочим предписывается каждый вечер проверять, все ли крестьяне ночевали дома¹.

Так как Посошков предлагал ограничить крестьянские повинности определенным «повытком» в соответствии с размером надела, то вотчинная полиция в его проектах должна почти совсем потерять для дворянства значение средства выжимания из крестьянина добавочного дохода. Посошков имеет в виду идеального помещика, якобы пользующегося своей полицейской властью над людьми не столько в фискальных или собственных помещичьих интересах, сколько в интересах самого крестьянина, его хозяйства, его нравственности и безопасности. Все это плохо вяжется с представлением, будто Посошков видел в крепостном праве «временное зло», как говорит В. О. Ключевский.

Для выяснения отношения Посошкова к крепостному строю представляют также интерес предлагаемые им мероприятия по борьбе с крестьянскими побегам. В этом случае он очень заботливо отнесся к интересам помещиков, особенно мелких, теснимых знатными «господами». Посошков с негодованием относится к петровскому законодательству о беглых, которое, по его мнению, не достигает цели, так как дает возможность «сильным персонам» укрывать беглых в своих отдаленных вотчинах и заселять ими многие села. При этом Посошков имеет в виду современный ему «нынешний указ», повидимому указ 19 февраля 1721 г.² Посошков точно передает содержание одной статьи этого указа; согласно которой помещики, принявшие к себе беглых крестьян, обязаны отвозить их к прежним владельцам и заплатить им по 20 руб. за каждый прожитой у них год. Если же беглый был принят приказчиком без письменного приказа помещика, то закон ограничивался предписанием бить кнутом приказчика, но «пожилых» денег не взимать. По мнению Посошкова, «сей указ вельми с делом прямой правды противен», так как всей своей тяжестью падал на мелких помещиков и освобождал от наказания богатых владельцев, которые сами не жили в своих деревнях, а имели там своих приказчиков и старост.

Другой — вышедший через год — указ, в котором шла речь именно о том постановлении, которое возбудило негодование Посошкова, свидетельствует о меткости его критики. Это постановление было изменено в том смысле, что владельцы освобождались от платежа зажитых денег лишь после тщательного расследования, если они докажут свою непричастность к приему беглых³. Характерно при этом,

¹ «Временник» Общества истории и древностей российских, т. XII, стр. 13; «Москвитянин», 1854 г., № 1 и 2.

² «Полное собрание законов», издание 1-е, № 3743.

³ «Полное собрание законов», № 3939.

что замечания Посошкова направлены против привилегий крупной знати и в защиту интересов мелкопоместных дворян, но не имеют в виду интересов самих беглецов-крестьян. Предлагая свой проект законодательства о беглых, он думает, что следует наказывать каждого помещика, во владениях которого укрывались беглые независимо от того, сам ли помещик или его приказчик принимал беглеца, так как приказчик обычно действовал с согласия владельца. По его мнению, владельцам следует предоставить определенный срок — год или больше — для возвращения живущих у них беглых крестьян; уплата зажитых денег отменяется, но при нарушении закона, если «кто оставит у себя хотя малых ребят, не то что многое число, но и хотя одного», то с подобного владельца следует взимать 100 руб. за женщину и 200 руб. за мужчину.

Посошков подумал также о возвращении крестьян, бежавших за границу: «А и тех есть ли его и. в. указ состоитца, что послать и за рубежи к тамошним жителям, то и они, чаю, что ослушны его в-у не будут, вышлют все, у кого колько их есть. А буде кои на королевское имя записались, то и наипаче короли и курфисты тамошние с царским величеством в тех беглых пришлецах соритися не будут и колико у кого есть, чаю, что поскоряе наших вельмож» (вышлют). В этом случае проекты Посошкова снова обнаруживают значительное сходство с настроением его современников-дворян и с направлением петровского законодательства. Отлив населения за рубеж издавна беспокоил помещиков пограничных уездов, представлявших Петру ходатайства о принятии мер против разорительных побегов крестьян за границу. Так, с таким челобитием обратились к нему в 1723 г. (т. е. когда писалась «Книга о скудости и богатстве») дворяне Новгородского уезда, где находились владения Посошкова¹. Было отдано распоряжение военным властям во всех пограничных городах учинить крепкие заставы, и на границах был размещен целый полк. Но военной силы оказалось недостаточно, и сенат решил снестись по этому поводу с польским правительством с предложением отправить с обеих сторон комиссаров, которые бы «перебежчикам отдачу учинили и впредь принимать запретили². Как видим, проекты Посошкова относительно беглых вполне соответствовали взглядам правительства и интересам дворянства. Но Посошков хорошо знал, что для крестьянина побег был главным средством борьбы с насилием помещиков, он говорил, что помещики «царство пустошат, обирая крестьян, а от таковые нужды (крестьяне) дома свои оставляют и бегут». Едва ли Посошков так заботливо относился бы к интересам помещиков, потерявших своих крестьян, едва ли придумал бы меры против побегов, если бы надеялся на ликвидацию феодально-крепостного строя. К этому следует добавить, что в другом своем сочинении «Завещание отеческое» он рекомендует холопу и крестьянину смирение и беспрекословное послушание по отношению к помещику, советует ему безропотно терпеть все лишения и жестокость и работать на барщине, как на самого себя³.

Таким образом Посошков мечтал об идеальном помещике, попечительном и строгом опекуне своих крепостных, и составлял рецепты лучших способов возвращения беглых их прежним владельцам. Возникает вопрос, как можно совместить эти взгляды нашего публициста

¹ М. М. Богословский, Областная реформа Петра Великого, стр. 416. М. 1902.

² «Полное собрание законов», ММ 4181, 4273, 4318, 4334, 4489, 4581.

³ И. Посошков, Завещание отеческое, изд. 2-е, дополн., под ред. Е. Прилежаева, СПб. 1893, стр. 148, 168.

с его ожиданием будущего освобождения крестьян? Семевский следующим образом разъяснял эти сомнения: «Предвидя, что рабству крестьян настанет когда-нибудь конец, Посошков не мечтал однако о полном их освобождении, он считал повидимому несвоевременным прекращение личной зависимости и даже полагал, что надзор помещиков необходим, чтобы крестьяне не предавались праздности, поэтому он предоставляет владельцам право наказывать крепостных, виновных в лености, пьянстве и воровстве. Но он желал точно определить размер поборов и повинностей «в пользу помещиков». Согласно разъяснению В. И. Семевского Посошков, считая возможным полное освобождение крестьян лишь в будущем, ограничился временным облегчением их участи полумерами. Но с таким толкованием также трудно согласиться, так как «Книга о скудости и богатстве» проникнута убеждением в огромном, едва ли не вечном, значении развиваемых в ней проектов; у Посошкова отсутствует также и представление о системе реформ, долженствующих постепенно одна за другой проводиться в жизнь и рассчитанных на достижение своей цели в туманной дали будущего. Предлагая правительству точно определить законом размеры помещичьего и казенного тягла крестьян в строгом соответствии с отведенной им землей, он видел в этих проектах не полумеры, а коренное улучшение, долженствующее обогатить крестьянство. При этом новые отношения между крестьянами и помещиками должны остаться неизменными, «нерушимыми»: «И тако еще нерушимо будет стоять, то крестьянства все будет сыти, а иные из них и обогатятся». В «доношении» Петру I, являющемуся как бы предисловием к его книге, Посошков писал: «И еще никогда изменения тем новорасположенным делам не будет, то год от году богатство, яко царское, тако и всенародное умножатися будет... вражды и обиды вси истребятца и... высокомыные дворяня могут претворитися в кроткие овчата и будут иметь любовь и с простым народом». При осуществлении его проектов в области крестьянского вопроса, «если тако во всей России устроено будет, — говорит Посошков, — то ни богатому, ни убогому обиды ни малые не будут, но всякой по своей мочи, как великому государю, так и помещику будет платить». Он видел в своих проектах средство для осуществления одной из важнейших задач, которая, по его мнению, стояла перед государственной властью: «Яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто в убожество не входил, но все бы по своей межности изобильны были». Совершенно очевидна громадная разница между этим изображением будущего неизменного и всеобщего достатка и современным ему обычаем стричь крестьянина «яко овцу». Все это совсем не вяжется с представлением о планах Посошкова, как о временных мерах, паллиативах. Следует признать, что именно от определения законом крепостных отношений, отделения крестьянской земли от помещичьей и реформы прямого обложения он ожидал окончательного, по его мнению, решения крестьянского вопроса. Таким образом нельзя согласиться с В. И. Семевским, и тем самым отпадает всякое основание считать Посошкова противником крепостного строя.

Обратимся далее к самому затруднительному пункту интересующего нас вопроса. Если на основании вышесказанного трудно признать Посошкова противником феодально-крепостного строя, то как совместить с этим его утверждения о временности прав помещика на крепостных, на которых основывается наиболее распространенное понимание его взглядов. Для выяснения этого вопроса остановимся

на некоторых местах этого произведения, которые мало привлекали внимание исследователей. Попытаемся прежде всего выяснить те признаки, какими характеризует Посошков право помещика на свое имение — крестьян и земли. Это право прежде всего согласно Посошкову обуславливается военной службой дворянина. «А кои дворяне на службе написаны и ни в какой службе не бывали, — говорит Посошков, — и буде каким пролазом добыютца начальства, а будя кто... подлинно уведает, что пожалован в судьи иль в комиссары, или во иное какое правление, или кто и без начальства в доме своем живет и крестьянами владеет, а великому государю никаковые службы не показал, то у таковых бы людей отнимать и отдавать тем, кои его и. в. служат...» Таким образом помещик должен владеть своими крестьянами при условии военной службы или для «пропитания на время», как говорит Посошков в другом месте, пока он служит. Если помещик избегает службы, то он должен лишиться своих крестьян. Ничего нового в этих высказываниях Посошкова мы не находим. При Петре было издано множество указов против «отлынивания» дворян от военной службы с угрозой отнятия имения на государя — указов, подобных приведенному проекту Посошкова.

Сопоставим теперь слова Посошкова о «временности» помещичьей власти с этими высказываниями. Выше уже отмечалось, что Посошков говорит не только о временности прав помещика на крестьянский труд, но и о временности их владения землей.

Посошков считал, что «под всеми ими (дворянами) земля вековая царева и помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней большая и вековая, а им меньшая и временная». Он говорит о дворянах, противодействующих устройству казенных кабаков в их владениях, что «самая истинная земля, коя и под ним самим, не его, но великого государя, а и сам он не свой, но его ж величества, а страха на себе ни малого не имеет. И такое препятие чинитца в мелких помещиках, а о сильных лицах и спрашивать нечего. Те и ногой ступить на ту землю, коя под его временным владением, с питьем государевым не пускают». В таком же духе, как и о земле, высказывался Посошков о крепостных крестьянах, говоря в знаменитом месте своей книге, что помещики владеют ими временно, а царю они «вековые» и т. д. Владельцем и земли и крестьян на полном праве собственности, «прямым владельцем», объявлялся царь, а дворянам лишь принадлежит «временное право», «меньшая воля» на землю и крепостных. Если к этому прибавить, что Посошков настаивает на обусловленном военной службой характере владельческих прав, то нельзя не заметить полной аналогии этих рассуждений с юридическим характером поместного землевладения. Следует прийти к выводу, что Посошков переносил на все дворянское душе- и землевладение феодальные понятия, заложенные в поместной системе. И дворянские земли и крепостных он считал условным и временным владением, пожалованным дворянам полным собственником — государем при условии службы. По аналогии с поместным правом Посошков говорит о временном неполном праве на крестьянина каждого дворянина в отдельности, а не о временности самого крепостного строя в целом.

Конечно в то время как Посошков писал свое сочинение, в первой четверти XVIII в., принципы поместного права были уже глубоким анахронизмом. Посошков сам хорошо понимает, что речь идет не о чем-то новом и незнакомом его современникам. Дворяне «забыли, — говорит он, — что самая истинная земля, коя и под ним самим, не его,

но великого государя», и т. д. Таким образом в неполном, обусловленном службой и временном характере права дворян на свои имения нельзя не узнать признаков условного феодального владения. Но едва ли Посошков думал о возрождении самой поместной системы, о возвращении уже исчезнувшего поместного строя. Согласно его проектам дворяне обладают правом не только пользования, но и распоряжения своими имениями, которые могут по их желанию идти в раздел и продажу. Посошков лишь возражал против дробления имений на множество мелких частей. Интересно, что Посошков не отличает поместье от вотчины, хотя упоминает о тех и других. Говоря о вотчинах, он настаивает на таком же временном характере владения ими. В этом нельзя не видеть отражения длительного процесса слияния обоих видов землевладения, что было окончательно зафиксировано указом об единонаследии 1714 г., который объединил поместье и вотчину одним понятием недвижимых имуществ. В своих практических проектах, касающихся дворянского землевладения, Посошков одинаково далек как от практики поместного строя эпохи его расцвета, так и от указа об единонаследии, запрещавшего разделы имений. Его проекты более всего соответствуют фактическому положению дворянского землевладения в конце XVII и в начале XVIII вв.

Убеждение Посошкова в условном, феодальном характере дворянских прав не было только анахронизмом. Феодальная форма собственности как раз в это время получила отчетливое выражение в другой области — в сфере промышленности. Компании фабрикантов, получавшие в свои руки казенные заводы и фабрики, были в то время не столько собственниками, сколько «содержателями» этих предприятий. Например компания Щеголина, получившая при Петре бывший до того казенным «Московский суконный двор», владела им «условно-бессрочно», продукция Суконного двора сдавалась в большей своей части государству; правительство обнадеживало компанейщиков, что не отнимет у них фабрики, «покамест они станут содержать его в добром состоянии». Продажа фабрики или ее оборудования разрешалась лишь с согласия правительства. Новейший исследователь М. Вяткин указывает, что форма собственности на такой «обязанной» мануфактуре была «типично феодальной, это — условное владение при сохранении верховной собственности «dominium» за собирательным феодалом — государством»¹.

Итак, настаивая на временности помещичьих прав, Посошков совсем не думал об уничтожении феодально-крепостного строя. Если правительство давало поместья в условное и временное владение, то эта временность прав относилась к правам каждого помещика в отдельности и несколько не колебала существования самой системы. Подобно этому и Посошков, говоря о временности владельческих прав, не имеет в виду временности самого института крепостного права. Проектируя определение законом крестьянских повинностей, Посошков повидимому имел в виду только борьбу с злоупотреблениями помещичьей властью, стремился ввести в рамки власть помещика, но не думал «потрясать» самые основы феодально-крепостной системы. Следует сказать, что эта мысль не была совсем чужда В. Ключевскому, который мимоходом сравнил взгляд Посошкова на крестьянское дело с поместным правом. «Затягивая мертвую петлю, называющуюся крестьянской крепостью,—говорит Ключевский,—закондательство руководилось не чувством справедливости, даже не расчетом

¹ «Крепостная мануфактура в России», изд. Академии наук СССР, ч. V, «Московский суконный двор» Л. 1934, стр. XXVI.

общей пользы, а соображением возможности, создавало не право, а только временное положение. Такой взгляд держался еще при Петре Великом и решительно выражен крестьянином Посошковым в его «Книге о скудости и богатстве», где он пишет, что помещики владеют крестьянами временно, а царю они вековые. Стало быть на крепостное крестьянство смотрели, как на поместные земли: это государственное достояние, уступленное на время частным лицам и учреждениям»¹. Но это вскользь брошенное замечание не помешало затем Ключевскому считать, что Посошков смотрел на крепостное право как на временное зло и думал о развязке «крепостного узла»².

II

В своих суждениях о временности помещичьих прав на крепостных Посошков нашел исходную точку зрения, опорный пункт для своего проекта ограничения крепостного строя, а не для его уничтожения. Тотчас вслед за словами о тягостном положении крестьянства, о том, что «крестьянам помещики не вековые владельцы» и т. д., он замечает: «И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими». В соответствии с такой задачей необходимо по плану Посошкова, точно установить законом размер «поборов» и повинностей крепостных в пользу помещиков. По его словам, правительство должно «помещикам учинить расположение указное, почему им с крестьян оброку и иного чего иметь» и «расположить имянно, по чему с целого двора и по чему с полудвора или с четверти или с осьмые доли двора иметь денег и столовых запасов», «также и подводы (т. е. подводную повинность) расположить по расположению дворовому». Кроме того закон должен установить размер барщины, сколько «дней в неделе на помещика своего работать» и т. п. Эти повинности должны составлять урок, норму, установленную законом, сверх которой помещик не вправе ничего требовать от своего крестьянина. Таким образом право помещика на труд крепостного должно быть точно определено в законе, чтобы «никакой помещик сверх уреченного числа ни малого чего не требовал с него и ни чем бы таковых не теснил». Посошков предусмотрительно подумал о наказаниях, если помещик потребует с крестьян платежей не по указу или наложит на них излишнюю работу. В таком случае земля и крестьяне помещика подлежат конфискации: «на то смотря и самый ядовитый помещик сократит себя и крестьян разорять не станет». Донесший об этом крестьянин должен получить свободу и денежную награду; при сообщении со стороны постороннего человека последний получает все имение вместе с крестьянами. Смертная казнь грозит судье, который отказывается от производства следствия по подобным делам или будет «норовить» помещику.

Размер повинностей и платежей устанавливается с каждого двора в зависимости от количества принадлежащей ему земли. При этом двор с принадлежащей к нему землей является основанием для раскладки как помещичьих поборов, так и налогов в пользу казны. Повинности крепостных в пользу помещиков определяются государственной властью и должны взиматься согласно записи «валовыми писцами»: «Буде кто дворы свои целые полудворами или четвертями или осьмушками напишет, то и сам помещик не может уже с них

¹ «Курс русской истории», ч. III, М. 1916, стр. 236.

² Там же, ч. IV, М. 1915, стр. 134—135.

больше того взять, ибо всякий крестьянин на чем будет жить и чем будет владеть, с того будет и платить, как царю, так и помещикам своим».

Важное значение имеет предложение Посошкова отделить крестьянскую землю от владельческой, «не числить» ее совсем за помещиками. Он советует обложить помещичьи земли «платежом с земли..., которая останется за раздачею к крестьянским дворам под пашню их и под сенокосы в помещичьих полях и пустошах и в лесах и в болотах, потому что всякая земля, коя отделена будет к крестьянским дворам, с тоя земли будет платить крестьяне по дворовому своему окладу... и того ради ту землю за помещиками и числить не надлежит». Посошков думал об установлении налога с помещичьей земли, но значительно низшего по сравнению с обложением крестьянских земель. В то время как крестьянский тяглый двор должен платить согласно его проекту налога в 3—4 рубля, он предлагал с помещичьей запашки брать лишь восьмикопеечный сбор с десятины.

Посошков считает необходимым наделить «целый тяглый двор» участком в 6 десятин пашни, покосом в 20 копен сена и 720—600 кв. сажень под усадьбу¹. Хозяйство, признанное полудвором, должно обладать запашкой и покосом в половинном размере, а на четверть двора приходится надел вчетверо меньший, нежели на целый двор. Довольно затруднительно сравнивать этот надел с фактическим земельным участком крестьян того времени. В исторической литературе отсутствуют данные о размерах крестьянских наделов в начале XVIII в. Для предшествующего XVII столетия данные Ю. Готье по писцовым книгам показывают следующие средние цифры крестьянской запашки в трех полях на служилых землях: в первой половине XVII столетия — 6 дес. на двор, или 2,75—3,75 дес. на душу, во второй половине того же столетия — на двор от 7 до 9,3 дес., или 1,75—2,95 дес. на душу². Наибольшие размеры надела первой половины XVII столетия отражают разорение, которым отличается начало этого столетия. В конце следующего, XVIII, века, по исследованиям Семевского, в нечерноземной полосе средний душевой надел равнялся 3,8 дес. пашни в оброчных имениях и 2,5 дес. в барщинных. Предлагаемый Посошковым надел в 6 дес. на двор совпадает со средним размером крестьянской запашки первой половины предшествующего столетия, но уступает цифрам конца XVII столетия.

Между размером крестьянской запашки и тяглом, по мысли Посошкова, должно существовать прямо пропорциональное отношение — чем больше пахотный угодок, тем тяжелее повинности. Точно так же пропорциональность между тяглом и «владением земли» сохраняется в отношении к сенокосам. На тягловую единицу — двор — Посошков назначает 20 копен сена, на хозяйство в 2½ двора — 50 копен. Но пропорциональность несколько нарушается при наделении крестьян усадебной землей; согласно его проектам, площадь усадьбы должна быть следующей: на целый двор 60 кв. саж. × 12 = 720 кв. саж., или 50 × 12 = 600 кв. саж., на полдвора — 480 кв. саж., или 400 кв. саж., на четверть двора — 360—300 кв. саж., на восьмую двора — 240—200 кв. саж. Таким образом сокращение усадебных участков отстает от уменьшения

¹ Еще В. Якушкин («Очерки поземельной политики XVIII в.», стр. 185, прим.) отметил, что Посошков имел в виду надел в 6 десятин пашни, он возражал Семевскому, считавшему будто в проектах Посошкова на целый двор назначалось то 6, то 9 десятин. Семевский вероятно был введен в заблуждение тем обстоятельством, что Посошков при вычислении пашни употребляет термин «четверть» то как единицу для измерения площади (¼ дес.), то как меру сыпучих тел.

² Ю. В. Готье, Замосковский край, стр. 509—513.

тягла и площади пашни и покосов; площадь усадьбы сокращается не столь резко, что вполне понятно, так как в большинстве случаев усадьба не является доходной статьей в крестьянском хозяйстве. Все же размеры усадебного участка должны стоять в строго определенном, хотя и не прямо пропорциональном отношении к тяглу: целому двору всегда соответствуют 720—600 кв. саж. усадьбы, плудвору — 480—400 кв. саж. и т. д.

Не следует думать, что Посошков мечтал о каком-либо всеобщем поравнении земли, не следует также видеть в предлагаемом им наделе целого тяглого двора какой-либо обязательной нормы. Надо помнить, что Посошков признавал значительное разнообразие крестьянских участков. Наряду с крупными участками он допускал существование явно недостаточных мелких наделов. Это разнообразие участков согласно его проектам повидимому не находится ни в какой определенной обязательной связи с размерами рабочей силы хозяйства или числом потребителей. Все зависит в конце концов от желания помещиков и согласия крестьянина. «А буде кой помещик, видя коего крестьянина семьяниста и лошадеиста, даст ему землю с удовольствием, что высевать он будет четвертей по 10 на лето ржи, а ярового по 20, а сенокосу отведет ему на 50 копен, то с такого крестьянина можно брать, как его и в-ву, так и помещику с полутретья двора». Допуская столь значительные участки (15 дес. пашни и 5 дес. покосу), Посошков в то же время не возражал против наделения крестьянина столь малым клочком земли, что он «и четверти ржи на ней не высеет». Говоря об этих разнообразных по размеру крестьянских участках, он настаивает лишь на необходимости соответствия их с тяглом. При этом надо иметь в виду, что «двор» и «полдвор» не только означают у него определенный земельный участок, но и податное бремя. Целый двор в его проекте является условной тягловой и хозяйственной единицей, точно определяющей зависимость между тяглом и наделом, двор с наделом в 6 дес. платит 3—4 рубля податей. Этот целый двор не только мыслился может быть Посошковым в качестве среднего двора с средним наделом, но и выполнял в то же время роль масштаба для измерения объекта обложения. Единицей для измерения платежеспособности крестьянского хозяйства и был для него целый двор с определенным наделом и определенным размером платежей и повинностей. В этой единице должно быть выражено каждое крестьянское хозяйство, которое приравнивается в целях обложения к двору или нескольким дворам или могло составлять долю двора — четверть, шестую, восьмую его часть. Объектом такого измерения служил земельный участок, который мог быть больше или меньше участка целого двора, принятого за единицу. Так согласно Посошкову происходит обложение крестьян по «владению земли».

С другой стороны, земля служит для исправного несения тягла. Поэтому наделение земель по тяглу должно, по Посошкову, служить руководящим правилом для установления поземельных отношений. «Кто похочет на себя тягло прибавить, только и земли ему под пашню и сенокосу прибавить». Тягловой целый двор должен быть наделен 6 дес. пашни, покосом на 20 копен и 720—600 кв. саж. под усадьбу; двор, несший двойное тягло, обладает и участком вдвое большим; двор, обложенный четвертным и осьмушным тяглом, обеспечивается участком пропорционально меньшего размера.

При всем очень значительном разнообразии крестьянских наделов, допускаемом Посошковым, неизменно постоянным правилом должна быть признана, во-первых, установленная им пропорциональность пла-

тежей и наделов: каждое хозяйство с 6 дес. пашни платит 3—4 руб. налога и несет определенные оброки и барщину в пользу помещика, двор с половинным тяглом наделяется участком вдвое меньшим. Затем при всем разнообразии наделов неизменно постоянным должно оставаться согласно проекту Посошкова принятое им постоянное соотношение между отдельными угодьями в хозяйстве. Если целый двор обладает 6 дес. пашни и покосом на 20 копен, то «полутретья» ($2\frac{1}{2}$) двора должна иметь 15 дес. пашни и 50 копен сена. Далее, каждое крестьянское хозяйство должно обладать строго определенным усадебным участком. Итак, два условия определяют, по проекту Посошкова, поземельные отношения в крепостном хозяйстве: 1) пропорциональность тягла и надела и 2) постоянное, точно установленное, отношение между земельными угодьями. Оба эти условия должны быть признаны выгодными для крестьян. Наконец весьма важное значение для крестьянства должно было бы получить отделение крестьянской земли от помещичьей.

Проект крестьянской реформы, развиваемый Посошковым, имеет некоторое сходство с инвентарными правилами, введенными при Николае I в 40-х годах в Юго-западном крае. «В инвентарных правилах мы находим подробное урочное положение работам, т. е. точное определение того, какое количество каждой работы обязан исполнить работник в день как с рабочим скотом, так и без него». Подобно планам Посошкова в инвентарных правилах повинности сообразовались с размерами надела на каждый двор, «не допуская повинностей, превышающих трех дней в неделю с тяглого двора, наделенного нормальным количеством земли». Полутяглый двор, отбывавший повинности в меньшем размере, обладал наделом не менее половины тяглого¹.

Крестьянские проекты Посошкова не имеют никакого соответствия ни в законодательстве Петра I, ни в проектах его современников.

«Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев,— говорит т. Сталин.— Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры². Реформы Петра, имевшие прогрессивное значение, сопровождались слиянием крестьянства с холопством и мероприятиями по борьбе с бегством крепостных от своих помещиков, припиской крестьян к заводам, разрешением заводчикам покупать крепостных. Лишь в отдельных немногих случаях государственные нужды невольно приводили к некоторой защите крестьянских интересов, что однако не меняло общего положения. Таков много раз подтверждавшийся указ об устранении от управления имениями тех дворян, которые «своим деревням сами беспутные разорители суть..., налагая на крестьян всякие несносные тягости»³. Закон этот мотивировался тем, что от разорения крестьян «в государевых податях умножается доимки». Было запрещено в 1711 г. дворянам ставить на «правеж» за долги вместо себя крепостных, но при этом имелось в виду лишь помешать помещикам уклоняться от платежа податей и т. п. В указе 15 апреля 1721 г. Петр обращал внимание сената на продажу крепостных врозь от семей, «как скотов»; он предлагал ограничиться

¹ Семевский, Крестьянский вопрос, ч. II, стр. 495—500.

² Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, «Большевик», 1932, № 8, стр. 33.

³ Полное собрание законов, № 3294, п. 31.

продажею «целыми фамилиями или семьями, а не порознь». Но даже и это предложение никогда не было осуществлено.

Разработку законопроекта, точно определяющего крестьянские оброки и барщину, Посошков поручает особому дворянскому съезду: «И о сем, яко высоким господам, тако и мелким дворянам надлежит между собою посоветовать о всяких крестьянских поборах помещичьих и о сдельи, как бы их обложить с общего совета и доклада его и. в-ва». Такому же съезду нужно передать и вопросы податной реформы, поручить в точности определить податную единицу — «двор». «Я сему вельми удивляюсь, что в российском царстве премногое множество помещиков богатых и судейством владеющих, а того не могут сделать, чтобы собравшись посоветовать и уложить, что то тот крестьянский двор именовать, или полдвора, или четверть двора». Посошкову не надо было заново придумывать этот дворянский съезд — нечто подобное уже существовало в действительности. В 1721—1722 гг. был произведен грандиозный смотр всему служилому классу, дворяне и приказные были вызваны в Москву и Петербург для выяснения служебной годности каждого и назначения ему определенной обязанности¹. Об этом смотре знал и Посошков. Такие смотры производились и до того. Во время этих смотров в столицы съезжался если не весь состав дворянства, то все-таки значительная его доля. Большие дворянские смотры получили характер всероссийских съездов, на которых собирались дворяне со всех концов страны.

Кроме того в это время продолжали действовать местные дворянские общества, деятельность которых ко времени написания «Книги о скудости и богатстве» приобретает особый характер, сближающий их с проектируемым Посошковым съездом «высоких господ и мелких дворян». Начало XVIII столетия знаменуется усилением хозяйственного значения дворянского сословия, что между прочим отчетливо проявилось в новой роли уездных дворянских корпораций во время введения подушной подати. Как раз в Новгородский уезд, где находилось имение самого Посошкова, ранее чем в остальные, еще в январе 1721 г. был откомандирован генерал-майор Волков для примерного расквартирования полков на «вечные» квартиры и расположения их на податные души. Волкову поручалось разъяснить местному дворянству новый порядок содержания армии, указать размер и сроки платежа подушной и т. п. По этому поводу он созвал местный съезд дворян и представителей дворцового, монастырского и церковного землевладения. Такие же съезды собирались затем в остальных провинциях, а в конце 1723 и в начале 1724 г. повсюду на дворянских съездах происходили выборы нового комиссара, избираемого для сбора подушной подати под контролем местного дворянского общества. Еще раньше новгородское дворянство проявило значительную активность по поводу первых указов по сбору подушной. Новгородские землевладельцы обратились в 1719 г. к правительству с челобитной, в которой просили разъяснения некоторых пунктов указов, и наряду с этим самостоятельно предложили ряд мер для организации сбора подати. Наконец в 1723 г. новгородские дворяне представили Петру ходатайство о мероприятиях против крестьянских побегов. Подобные же ходатайства подавали и соседние уезды.

Все это было связано с возрастающим хозяйственным значением местных дворянских обществ, которые до того имели целью разверстку и отбывание военной службы. Но этим функциям был нане-

¹ М. М. Богословский, Областная реформа Петра Великого, стр. 277.

сен удар созданием при Петре регулярной армии; она набиралась из людей без различия местности и замещала прежние уездно-дворянские отряды. Но в то время как военная реформа вела к разрушению дворянских корпораций, податная реформа приводила к их восстановлению, на дворянские общества возлагалась финансовая служба, им поручалось избирать из своей среды комиссаров для взимания подати и контролировать сбор податей. Вместо ежегодного сбора на лето в полк дворянство стало собираться ежегодно на съезд, на котором выбирало земского комиссара для сбора податей.

Дворянские съезды, всероссийские и местные, созывались в то время часто, причем местные съезды стали получать значение государственно-хозяйственной организации. Посошков не изменял направления деятельности дворянских съездов и корпораций, он только расширял их хозяйственное значение, передавая на рассмотрение дворянства не только вопросы фискального характера — определение податной единицы, но и определение крестьянских повинностей в пользу помещиков.

Подведем итоги. Посошков не имел в виду освобождения крестьян от крепостной зависимости, он оставался на почве современных ему феодально-крепостнических отношений. Он предлагал определить законом крестьянские повинности, но в его проектах оставлена довольно широкая свобода помещицкому усмотрению; помещик может устанавливать по своему желанию земельный надел крестьянина, соблюдая лишь при этом определенное соотношение между тяглом и наделом, он продолжает обладать полицейскими полномочиями в деревне; наконец дворянский съезд обсуждает детали реформы.

Эти обстоятельства не дают возможности признать Посошкова литературным представителем «сколько-нибудь мыслившего крестьянства». В качестве типичного представителя меркантилизма он является защитником интересов «нарождавшегося купеческого класса», не выходя при этом из рамок феодально-крепостнического строя. Проекты Посошкова в области торговли и промышленности требуют однако самостоятельного рассмотрения.

Неопубликованная работа Маркса о деньгах

„Архив Маркса и Энгельса“, том IV, под редакцией
В. Адоратского, 1935 г., стр. 274, ц. 3 р. 75 к.

Институт Маркса — Энгельса — Ленина опубликовал в IV томе «Архива Маркса и Энгельса» первую часть экономических рукописей Маркса, написанную им зимою 1857/58 г. Эта работа является первым систематизированием многолетних экономических исследований, одним из этапов работы над книгой «К критике политической экономии», вышедшей летом 1859 г.

Опубликованная часть озаглавлена «Глава о деньгах». Если сравнить эту часть работы с тем, что напечатано было в «К критике политической экономии», то можно сразу увидеть, как значительно сократил и переделал Маркс эту свою работу. В этом смысле опубликование «Главы о деньгах» имеет тем большую ценность, что она является не повторением уже напечатанной и известной книги, а дает богатейшее по содержанию дополнение к опубликованным работам Маркса. В своем основном содержании она направлена против реакционных утопий мелкобуржуазного социализма и заострена против прудонистов. В письме к Йосифу Вейдемайеру от 1/II 1859 г. Маркс, сообщая ему план своей работы по политической экономии, пишет:

«В этих двух главах (имеются в виду главы «К критике политической экономии». — М. Б.) вместе с тем разбивается на голову модный теперь во Франции прудоновский социализм, который хочет сохранить частное производство, но организовать обмен частных продуктов, хочет товара, но не хочет денег. Коммунизму необходимо избавиться прежде всего от этого лже-брата»¹. В письме к Энгельсу от 22 июля 1859 г. Маркс, указывая, что нужно в особенности подчеркнуть при рецензии на книжку «К критике политической экономии», пишет: «Если ты будешь писать, надо не забыть: 1) что прудонизм уничтожен в корне (разрядка моя. — М. Б.), 2) что уже в простейшей форме, в форме товара, выяснен специфически общественный, а отнюдь не абсолютный характер буржуазного производства»².

Таким образом сам Маркс рассматривал борьбу с лже-братом, с прудонистским мелкобуржуазным социализмом, как важнейшую политическую задачу в борьбе за правильный и успешный путь завоевания диктатуры пролетариата. Реакционно-утопический, мелкобуржуазный

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 238.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 428.

социализм мечтал при помощи денежной или биржевой реформы уничтожить основы капиталистического строя; Маркс, диалектик-материалист, ищет в самом буржуазном обществе те силы, которые взорвут это общество.

«В буржуазном обществе, основанном на меновой стоимости, — пишет Маркс в «Главе о деньгах», — возникают условия производства и связи, которые представляют собою одновременно подкобы для взрыва этого строя. (Масса антагонистических форм общественного единства, антагонистический характер которых однако нельзя взорвать при помощи мирных метаморфоз. С другой стороны, если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения обмена [необходимые] для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством)» (стр. 93). Борьба против мелкобуржуазного донкихотства — тогда против прудонизма — была для теоретиков пролетарской революции важнейшей политической задачей. Поэтому, когда Маркс подытоживает свои многолетние исследования в области буржуазной экономики, он исходит в этом исследовании из необходимости разоблачения «теоретических» установок прудонизма, чтобы уничтожить этого опаснейшего противника, заманивающего пролетариат на ложный путь, «вскрыть самую основу вещей», указать путь борьбы за бесклассовое общество.

★

Опубликованная рукопись и начинается с критики прудонистской работы Альфреда Даримона, которая под заглавием «Реформа банков» вышла в 1856 г. В ней автор пробует дать объяснение экономического кризиса и пути выхода из всех зол капиталистического общества. Вопрос, который хочет решить Даримон в своей книге, Маркс формулирует таким образом: «Вопрос в общем виде заключается в следующем: возможно ли путем изменения в орудиях обращения (Zirkulationsinstrument) — в организации обращения — революционизировать существующие производственные отношения и соответствующие им отношения распределения? Спрашивается далее: может ли быть принято подобное преобразование обращения, не затрагивая существующих производственных отношений и покоящихся на них общественных отношений?» (стр. 19).

Эта постановка вопроса относится не только к мелкобуржуазным теориям 50-х годов прошлого столетия, она и по сей день является источником теоретической контрверзы многих мелкобуржуазных «реформаторов» современного капиталистического общества, мечтающих о том, как при помощи изменения денежной системы вывести капитализм на путь обновления. Политически эти реакционные фантазии означают, как и раньше, ослабление идейного вооружения пролетариата, расчищение пути для классово-чуждой пролетариату идеологии и отвлечение его от основной линии борьбы за диктатуру пролетариата. Поэтому опубликованная «Глава о деньгах» является актуальнейшей в борьбе с теми социал-реформистскими утопиями, которые путем «огосударствления кредита» (известный план де Мана) или путем «социального кредита» и т. п. желают найти выход из кризиса капитализма.

Маркс формулирует дальше следующий вопрос: «Могут ли различные цивилизованные формы денег — металлические, бумажные, кредитные, рабочие деньги (последние, как социалистическая форма) — достичь того, что от них требуется, без того, чтобы было уничтожено

само производственное отношение, выраженное в категории денег» (стр. 19). Эта постановка вопроса является исходной для анализа денег и связи их с производственными отношениями капиталистического общества. И тут Маркс дает в начале своей работы предварительный ответ, который в самой главе исследуется им со всей глубиной, во всех его разветвлениях, с привлечением богатейшего исторического материала, изучение которого является ценным. Маркс отвечает: «Никакие формы, пока они остаются формами денег и пока деньги остаются существенным отношением производства, не могут уничтожить внутренне присущих отношению денег противоречий, а могут лишь выражать их в той или иной форме» (стр. 21).

И дальше идет детальное разоблачение теоретических аргументов прудонистов. Даримон объясняет кризис 1855 г. — кризис, в действительности вызванный неурожаем хлеба, шелка и большей инвестицией заграничной, — современной организацией банков и существующей денежной системой. «Все зло, — говорит Даримон, — происходит от преобладающей роли благородных металлов, которая упорно сохраняется за ними в обращении и обмене». Маркс шаг за шагом проверяет аргументы Даримона, разбивает их и указывает в первую очередь на основную ошибку прудонистов — «смешение потребностей кредита с потребностями денежного обращения, — смешение, на котором в сущности покоится вся тайна прудоновской премудрости» (стр. 5).

«Даримон, — говорит Маркс, — полностью отождествляет денежное обращение и кредит, что экономически ошибочно». Даримон говорит, что банк, организованный на современных началах, т. е. на основе господства золота и серебра, отказывает публике в услугах как раз в тот момент, когда публика больше всего нуждается в них. Маркс разъясняет Даримону и всем тем, которые и впоследствии, вплоть до сегодняшнего дня, при любом кризисе выставляют аналогичные претензии, что банки, торгующие деньгами, делают то, что все купцы всегда делали, т. е. когда является большой спрос на деньги, то цена этих денег, т. е. в данном случае цена кредита, повышается.

«Разве филантропы-хлеботорговцы... исходили из той мысли, что так как публика сейчас больше всего нуждается в хлебе, то их долг — отпустить ей хлеб по более дешевым ценам; не прибегали ли они, наоборот, к помощи банка, чтобы использовать рост хлебных цен, народную нужду, несоответствие спроса и предложения? А разве банк должен быть изъят из действия этого всеобщего экономического закона? Что за чушь!» (стр. 13—15).

Даримон смешивает кредит с денежным обращением. В периоды кризиса кредит удорожается, но это не зависит ни от денежного обращения, ни от форм денежного обращения. Здесь вопросы золота и серебра как базы денежной системы не играют никакой роли.

«Но, быть может, — спрашивает Маркс, — современная организация банков приносит с собой необходимость накопления золота в столь большом количестве, что покупательное средство, которое... могло бы быть применено самым полезным для нации образом, осуждено на бездействие, что вообще капитал, который должен был бы пройти прибыльные производственные превращения, делается непроизводительной и гнилой базой обращения» (стр. 15). Но тогда весь вопрос, говорит Маркс, «низведен с социалистических высот в равнину буржуазного практицизма» и фактически сводится к определению размера необходимого минимума металлического запаса, к вопросу, имеющему чисто практическое значение на базе существования современных банков. «Предположим теперь, — говорит Маркс, — что Фран-

цузский банк не покоился на металлической основе и что за граница готова была принять французский эквивалент или капитал в любой форме, а не только в специфической форме благородных металлов. Разве банк не был точно так же вынужден повысить условия своего учета как раз в тот момент, когда «публика» больше всего требовала его услуг?» (стр. 17).

Предположим, что банкноты, выпускаемые банком, являются чеками не на золото и серебро, находящиеся в подвалах банка, а на национальный запас продуктов и на рабочую силу, могущую быть непосредственно примененной. Ведь и этот запас национальных продуктов ограничен, а рабочая сила может быть увеличена в очень точных пределах и в определенные периоды — что же тогда? Тогда и неограниченный выпуск банкнот привел бы к повышению цен на продукты сырья и труда, это привело бы к падению цен на банкноты, а с этим обесценением наступил бы внезапный застой в производстве. Таким образом не в металлическом основании денежной системы, не в золоте и серебре как базе денежной системы лежат причины «всего зла», и никакими изменениями в форме денег, будут ли это банкноты, чеки на золото и серебро или на национальные богатства страны, нельзя уничтожить внутренних противоречий капиталистического общества.

«Отмените привилегию золота и серебра, — говорят прудонисты, — низведите их до степени всех других товаров..., тогда вы не будете иметь специфических бед, связанных с золотыми и серебряными деньгами или разменными на золото и серебро банкнотами. Этим вы отмените все беды» (стр. 27) капиталистического общества.

Маркс отвечает:

«Одна форма этого орудия обмена или этого эквивалента может быть более удобной, более подходящей, связанной с меньшими затруднениями, чем другая. Однако затруднения, вытекающие из существования особого орудия обмена, особого, но вместе с тем всеобщего эквивалента, должны были бы вновь возникнуть при всякой форме, хотя бы различным образом» (стр. 27).

Критикуя анализ кризиса 1855 г., данный Даримоном, Маркс выясняет, чем бы отличались подобные кризисы, если бы отвлечься от денег. Маркс анализирует положение нации в случае неурожая хлеба и приходит к выводу, что «как при наличии, так и при отсутствии металлических или каких-либо иных денег нация оказалась бы в состоянии кризиса, который охватил бы не только хлеб, но все другие отрасли производства, так как не только сократилась бы в известной части их производительность и упала бы цена их продукции по сравнению со стоимостью, определяемой нормальными издержками производства, но и все договоры, обязательства и т. д. также основаны на средних ценах продуктов» (стр. 31—33).

Таким образом совершенно независимо от форм денег в странах наступил бы кризис. В результате кризиса произошло бы обесценение товаров, причем это обесценение не являлось бы результатом функционирования металлических денег, ибо обесценение произошло бы и там, где нет металлических денег. Обесценение это есть результат отклонения цены от стоимости. И не всегда происходит обесценение товаров за счет повышения цены металлических денег. Правда, говорит Маркс, «золото номинально не может быть обесценено не потому, что только оно выражает подлинную стоимость, а потому, что оно в качестве денег выражает вовсе не стои-

мость, а определенное количество своей собственной материи» (стр. 41).

«Даримон и компания, — говорит Маркс, — видят лишь одну сторону, которая прорывается в кризисах: вздорожание золота и серебра по отношению почти ко всем остальным товарам; они не видят другой стороны — обесценения золота и серебра или денег по отношению ко всем остальным товарам (за исключением, быть может, труда, но не всегда) в период так называемого процветания, в периоды временного всеобщего повышения цен» (стр. 41). Если прудонисты видят в металлических деньгах источник всех бед потому, что в период кризиса цены товаров падают по сравнению с деньгами, т. е. происходит разрыв цены и стоимости, то такое же явление происходит и в период процветания — деньги обесцениваются по отношению к товарам, и вся проблема прудонистов состоит в том, чтобы прекратить повышение и понижение цен, установить неизменные цены для всех товаров. Но это означает уничтожить цены, т. е. отменить обмен.

«Подлинный вопрос, — говорит Маркс, — заключается в следующем: не вызывает ли сама буржуазная система обмена необходимости в специфическом орудии обмена? Не создает ли она необходимым образом особого эквивалента всех стоимостей?» (стр. 27).

Так из равнины буржуазного практицизма Маркс поднимает на высокий научный уровень вопрос об условиях, вызывающих необходимость существования денег в капитализме.

Маркс подходит к решению этого вопроса, анализируя разные формы орудий обмена. Он берет деньги, основанные на металлической базе, и рабочие деньги, часовые боны, являющиеся для прудонистов важнейшим средством против всех зол капиталистического общества. Анализ денег на металлической базе дал Марксу возможность разработать свою теорию денег в противовес буржуазным теориям денег. А анализ рабочих денег, часовых бон дает ему возможность разделиться с иллюзиями мелкобуржуазных социалистов, вводящих в заблуждение рабочих идеей реформы денежного обращения как основного источника кризисов капиталистического общества и всех отрицательных сторон капитализма.

Колоссальнейший интерес опубликованной работы Маркса «Глава о деньгах» состоит в том, что Маркс дает здесь развернутую критику этого основного конька мелкобуржуазных социалистов, критику, которая в последующих трудах Маркса дана в самой сжатой форме. Достаточно указать, что в книге «К критике политической экономии» этой теме посвящены 2½ странички, а идеям Даримона посвящена одна строчка в сноске. В «К критике политэкономии» Маркс в главе «Теории единиц измерения денег» говорит о предшественнике прудонизма — Джоне Грее, который разработал учение о рабочем времени как непосредственной единице измерения денег. «То, что у Грея остается скрытым и неизвестным ему самому, а именно, что рабочие деньги суть экономически звучащая фраза, прикрывающая благое желание уничтожить деньги, вместе с деньгами — меновую стоимость, с меновой стоимостью — товар, а с товаром — буржуазную форму производства, — это прямо высказывается некоторыми английскими социалистами, писавшими частью раньше Грея, частью после него. Но только на долю господина Прудона и его школы вы-

пала задача серьезно проповедывать низвержение денег и апофеоз товара как сущность социализма и тем самым свести социализм к элементарному непониманию необходимой связи между товаром и деньгами»¹. А в сноске Маркс добавляет: «В качестве сводки этой мелодраматической денежной теории можно рассматривать книгу Alfred Darimont, *De la réforme des banques*. Paris 1856».

В опубликованной теперь «Главе о деньгах» имеется детальная критика прудоновской теории, как она изложена в книжке Даримона, критика, шаг за шагом доказывающая донкихотство прудонизма в его теоретических положениях и практических предложениях. Анализ часовых бон посвящена значительная часть «Главы о деньгах». Изучая эту работу, можно увидеть, с какой добросовестностью и глубиной Маркс прослеживает теоретические положения этих «лжебратьев», доказывая абсурдность этих положений, непонимание прудонистами характера капиталистического хозяйства, связанности их основных элементов. Это самым ярким образом проявляется в непонимании роли и характера денег в капиталистическом обществе. Маркс, противопоставляя прудонистское понимание капиталистического хозяйства действительности, тут же выявляет внутреннюю сущность и внешнее проявление этих элементов буржуазного общества.

«Предположим, например, — говорит Маркс, — что соверен назывался бы не только совереном, что является лишь почетным названием для *x*-ой доли унции золота (счетное название) подобно тому, как метр — для определенной длины, а что он назывался бы, скажем, *x* часов рабочего времени» (стр. 43). Возьмем фунт золота, пусть он будет продуктом 20 рабочих часов, и он должен был бы иметь возможность купить продукт 20 рабочих часов в любой момент. Будет ли тогда обеспечена стабильность цен товаров? Чтобы рабочие боны были стабильными, нужно, чтобы сохранилась неизменность производительного труда. Возможно ли это?

«В силу всеобщего экономического закона, — говорит Маркс, — по которому издержки производства постоянно падают, а живой труд постоянно становится производительнее и, стало быть, овеществленное в продуктах рабочее время постоянно обесценивается (*depreziert*) — неизбежной судьбой этих золотых рабочих денег было бы постоянное обесценение» (стр. 43). Если бы соверен, который является определенной долей унции золота, был заменен бумажным знаком рабочих денег, от этого ничего не изменилось бы. Эти бумажки были бы лишь представителями рабочего времени подобно тому, как они являются представителями золота и серебра. Таким образом получилось бы, что при каждом повышении производительности рабочего часа «возросла бы покупательная сила бумажки, являющейся его представителем, и наоборот; совершенно так же, как теперь за пятифунтовую банкноту можно купить большее или меньшее количество предметов, смотря по тому, возрастает или падает относительная стоимость золота по сравнению с другими товарами» (стр. 45). Но так как производительность труда систематически растет, рабочие деньги всегда были бы переоценены. Это может казаться не столь плохим, и мелкобуржуазные демагоги могли бы считать, что это в интересах рабочих. Рабочие, имея на руках часовые боны, выигрывали бы на росте производительности труда. Но это глубочайшее заблуждение. «Если мы уже допускаем деньги, — говорит Маркс, — хотя бы это были часовые боны, то мы должны предположить и накопление этих

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 103, изд. ИМЭЛ, 1933 г.

денег, а также договоры, обязательства, твердые обложения и т. д., которые оплачивались бы этими деньгами. Накопленные бумажки постоянно дорожали бы точно так же, как и вновь выпущенные, и, таким образом, с одной стороны, рост производительности труда пошел бы на пользу нетрудовым элементам (Nichtarbeitern), а, с другой стороны, тяготы, установленные ранее заключенными договорами, шли бы в ногу с ростом производительности труда» (стр. 45). Неизменность цен товаров исчезла бы. И основная затея прудонистов и их сторонников ликвидировать противоречия между ценой и стоимостью на базе капиталистической системы является чистейшим донкихотством.

Маркс переходит к анализу основных понятий цены и стоимости, что дает «возможность заглянуть в глубочайшую тайну, которая связывает прудоновскую теорию обращения с его общей теорией — теорией относительно определения стоимости» (стр. 45), без чего нельзя понять ошибок этих мелкобуржуазных социалистов и не найти действительных путей, ведущих к подкопам для взрыва капитализма.

«Стоимость (реальная меновая стоимость) всех товаров (включая труд) определяется их издержками производства, иными словами — рабочим временем, требующимся для их изготовления. Цена есть эта их меновая стоимость, выраженная в деньгах» (стр. 47). Цена, выраженная в металлических деньгах, т. е. в определенных количествах золота или серебра, выражает то количество качественно однородного, общего труда, которое под давлением спроса и предложения на рынке признается общественно-необходимым трудом. Рабочее время, потраченное на производство какого-нибудь продукта — это номинальная меновая стоимость. Когда этот продукт подвергается рыночной оценке, он превращается в действительную реальную меновую стоимость, он приравнивает свой труд по качеству к общему труду, а по количеству — к необходимому труду и получает цену. Если бы металлические деньги были заменены рабочими деньгами, которые получили бы свое наименование непосредственно в рабочем времени, это означало бы уравнение (gleichsetzen) реальной стоимости и номинальной стоимости, стоимости и цены. Что такое металлические деньги или заменяющие их бумажные и кредитные деньги? Это реальная меновая стоимость, определенное весовое количество золота и серебра, могущее быть обмененным на другой товар. А что такое рабочие деньги? Деньги, показывающие количество проработанных часов. Это тоже стоимость, ибо они показывают количество проработанных часов для производства товаров. Однако этот труд (определенное количество проработанных часов), овеществляемый в разных товарах, должен быть, во-первых, качественно однородным, а, во-вторых, количественно определенным как общественно-необходимый труд. Он должен сделаться реальной меновой стоимостью и получить цену, которая находится под давлением спроса и предложения. Маркс дает следующие существенные объяснения: «Определяемая рабочим временем стоимость товаров есть лишь их средняя стоимость... От этой средней стоимости товаров всегда отлична рыночная стоимость его, она стоит всегда выше или ниже ее. Рыночная стоимость выравнивается в реальную стоимость путем своих постоянных колебаний» (стр. 47).

Цена и стоимость не одно и то же — многократно, в разных формулировках разъясняет Маркс. Прудонисты смешивают «рыночную

стоимость» с «меновой стоимостью». Через рабочие деньги, часовые бонны они номинально, по форме, выравнивают цену, находящуюся под давлением спроса и предложения, со стоимостью, т. е. тем количеством издержек производства, которое еще рынком не признано общественно необходимым; через часовые талоны прудонисты устраняют на словах определение реальной меновой стоимости, выступающей «как закон тех движений, которые проходят цены» (стр. 49).

Прудонисты с их идеей рабочих денег уничтожают различие между стоимостью и деньгами, и им кажется, что этим они могут добиться установления неизменных и справедливых цен. «Первая основная иллюзия сторонников часовых бонн состоит в том, что, уничтожая номинальное различие между реальной стоимостью и рыночной стоимостью, между меновой стоимостью и ценой, — т. е. выражая стоимость не в определенном овеществлении рабочего времени, скажем, в золоте и серебре, а в самом рабочем времени, — они также устраняют действительное различие и противоречие между ценой и стоимостью» (стр. 49). По их идее получается, что денежная цена товаров равна их реальной стоимости, спрос равен предложению, производство равно потреблению, деньги одновременно отменены и сохранены. «Достаточно лишь констатировать рабочее время, продуктом которого является товар и которое осуществляется в товаре, чтобы создать соответствующий ему двойник в виде знака стоимости, денег, часовых бонн. Таким образом, всякий товар был бы непосредственно превращен в деньги, а золото и серебро, со своей стороны, были бы низведены до ранга прочих товаров» (стр. 49).

В заключительной части этого отдела Маркс детально останавливается на вопросе, почему в капиталистическом обществе нужен отдельный товар, выполняющий функцию денег, отдельный денежный товар, и какой товар лучше всего исполняет роль денежного товара. Но раньше чем к этому перейти, Маркс еще останавливается на непригодности для выполнения функции денег часовых бонн.

Определение стоимости товара даже в рабочем времени имеет смысл только для обмена товаров. «Стоимость товара, — говорит Маркс, — отлична от самого товара. Стоимостью (меновой стоимостью) товар является только в обмене (действительном или представляемом); стоимость есть не только способность товара к обмену вообще, но это его специфическая способность к обмену... Стоимость есть количественно определенная способность товара к обмену» (стр. 55). Делать все товары деньгами невозможно. «Как стоимость каждый товар делим на равные части: в своем естественном бытии — нет. Как стоимость товар остается одним и тем же, сколько бы метаморфоз и форм существования он ни прошел; в действительности товары обмениваются лишь потому, что они не одинаковы и отвечают различным группам потребностей» (стр. 55). Результатом этого противоречия между товаром как определенным товаром и товаром в качестве меновой стоимости являются деньги, т. е. обособленный товар, являющийся результатом труда, равного определенному количеству рабочих часов, которые являются измерителем меновой стоимости всех других товаров.

Почему же этими деньгами не могут быть часовые бонны? На это можно ответить следующим образом, подводя итоги исследования: «Часовой бонн, который представляет среднее рабочее время,

никогда не соответствовал бы действительному рабочему времени и никогда не мог бы быть разменным на последнее; т. е. овеществленное в каком-нибудь товаре рабочее время никогда не могло бы распоряжаться равным себе количеством рабочих денег и наоборот, а оно [распоряжалось бы] большим или меньшим количеством [рабочего времени], подобно тому, как в настоящее время всякое колебание рыночных стоимостей выражается в повышении или падении их цен, выраженных в золоте или серебре» (стр. 51).

Вторая причина, почему часовые боны не могут быть деньгами, объясняется следующим образом: «Так как цена не равна стоимости, то элемент, определяющий стоимость — рабочее время — не может быть тем элементом, в котором выражаются цены, ибо рабочее время должно было бы выражаться одновременно как определяющее и определяемое, как равное и неравное самому себе» (стр. 53).

Третья причина, почему часовые боны не могут быть деньгами: «Рабочее время непосредственно не может само быть деньгами (требование, которое, иными словами, сводится к тому, чтобы каждый товар был непосредственно своими собственными деньгами) именно потому, что оно фактически существует всегда лишь в особенных продуктах (как объект): в качестве всеобщего объекта оно может лишь символически существовать, но опять-таки в каком-нибудь особенном товаре, играющем роль денег. Рабочее время не существует как всеобщий независимый и отделенный (оторванный) от естественных особенностей товаров объект обмена» (стр. 109).

Четвертая причина: «Само рабочее время, как таковое, существует лишь субъективно, лишь в форме деятельности. Поскольку оно, как таковое, способно к обмену (само есть товар), оно определено не только количественно, но и качественно, оно различно, оно вовсе не всеобщее, равное себе рабочее время; оно так же мало соответствует как субъект всеобщему рабочему времени, определяющему меновые стоимости, как особенные товары и продукты соответствуют ему как объекту» (стр. 115).

Для того чтобы труд, выраженный в рабочем времени, сделался деньгами, т. е. меновой стоимостью, необходимо, чтобы этот труд был всеобщим трудом, общественно необходимым равным трудом. Чтобы измерять меновую стоимость рабочим временем, нужно одинаковое качество труда. «Что предполагает чисто количественное различие вещей? Одинаковость их качества». Когда же возможна одинаковость качества этого труда? Это возможно тогда, когда труд был бы коллективным общественным трудом. Но это в данных условиях возможно определить только в обмене, «на основе меновых стоимостей труд лишь путем обмена полагается всеобщим» (*Die Arbeit erst durch den Austausch als allgemein gesetzt*) (стр. 117).

Прудонисты же исходят из того, что труд полагается коллективным, общественным еще до обмена. Таким образом «обмен продуктов вообще не был бы промежуточной операцией, путем которой опосредствуется участие отдельного лица в общем производстве» (стр. 117).

Другое дело, если бы исходили из существования коллективной организации общества, когда труд отдельного лица устанавливается уже как часть коллективного труда. Тогда, говорит Маркс, «каков бы ни был особенный материальный образ продукта, который это лицо создает или помогает создать, — оно купило своим трудом не определенный особенный продукт, а определенное участие в коллективной продукции... Его продукт — не меновая стоимость.

Этот продукт не должен быть предварительно превращен в особенную форму, чтобы приобрести всеобщий характер для отдельного лица. Вместо разделения труда, которое неизбежно порождается в обмене меновыми стоимостями, здесь имела бы место организация труда, имеющая своим следствием участие отдельного лица в коллективном потреблении» (стр. 117). В первом случае, т. е. при существовании капиталистической системы хозяйства, общественный характер производства устанавливается «лишь задним числом (wird post festum gesetzt) путем превращения продуктов в меновые стоимости и обмена этих стоимостей» (стр. 119).

Во втором случае, т. е. при коллективном производстве «общественный характер производства является предпосылкой, и участие в мире продуктов, участие в потреблении не опосредствовано обменом независимых друг с друга работ или продуктов труда» (стр. 119). В соответствии с этим часовые бонусы не были бы деньгами, не имели бы обращения, или, как говорит Маркс уже в другом месте, каждый «получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом части его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество средств потребления, на которое затрачено столько же труда»¹. Во II томе «Капитала» Маркс говорит: «При общественном производстве... производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительных запасов то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения отнюдь не деньги. Они не обращаются (sie zirkulieren nicht)².

Из приведенного выше положения прудонистов Маркс делает соответствующий вывод: «Желать сделать при условиях существования капиталистического хозяйства труд отдельного лица (т. е. также его продукт) непосредственно деньгами, реализованной меновой стоимостью, значит определить его непосредственно, как всеобщий труд» (стр. 119), т. е. отрицать капиталистическое хозяйство.

Посвятив значительную часть этой главы всестороннему разбору реакционной мелкобуржуазной утопии этих фальшивых друзей народа, Маркс не мог не разобрать критически буржуазных отцов этих реакционных утопий прудонистов. Он в отдельных местах и указывает на источник теоретических ошибок прудонистов. Здесь не место излагать эту грандиозную работу критики классиков буржуазной экономики, которая нашла себе место в последующих опубликованных трудах Маркса. Но есть некоторые вопросы, которые разработал Маркс в этой главе и которые в крайне сжатой форме нашли свои формулировки в «К критике политической экономии» и «Капитале». На них не мешало бы указать.

На вопрос, почему золото и серебро сделались денежным материалом, Маркс в «К критике политэкономии» отвечает одной фразой: «Товары выделяют из своей среды один специфический товар, например золото, в качестве непосредственной материализации всеобщего рабочего времени или в качестве всеобщего эквивалента»³, а в главе о «благородных металлах» той же книги Маркс дает сжатое и скупое объяснение, основанное на специальном исследовании. В

¹ «Критика Готской программы», соч. Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 274

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVIII, стр. 384, 385.

³ Маркс, К критике политической экономии, стр. 82, 83, изд. 1933 г.

«Главе о деньгах» Маркс посвящает этому вопросу большое исследование, основанное на изучении всех форм денег за время существования человеческого общества. И исходит он из того, что «далеко не безразлично, в каком именно субъекте будет воплощен этот материал, который должен стать субъектом денег... Поэтому исследование благородных металлов как субъектов денежного отношения, как воплощения последнего, вовсе не лежит вне области политической экономии, как полагает Прудон, — так же как физические свойства красок и мрамора не лежат вне области живописи и скульптуры» (стр. 123).

«На той ступени развития, — говорит Маркс, — о которой пока только и может идти речь, эти требования полнее всего реализованы в благородных металлах. Металлы сами по себе как орудия производства [имеют] преимущество перед другими товарами, а из числа металлов — тот металл, который был раньше других найден в виде физически чистых самородков: золото; затем медь, далее серебро и железо... Благородные металлы единообразны по своим физическим свойствам, так что одинаковые их количества должны быть настолько тождественны, чтобы не было никаких оснований предпочесть одно из них другому. Иначе обстоит дело например с одинаковыми количествами скота и одинаковыми количествами зерна» (стр. 123). И дальше Маркс исследует золото и серебро в сопоставлении с другими металлами, физические, химические, минералогические качества и геогностические свойства их. Он цитирует разные источники, указывающие на преимущества золота и серебра с древних времен, указывает, что золото следует признать самым древним из известных металлов; в первых же памятниках развития человечества оно является показателем положения человека («кибо оно выступает как излишек, в форме которого появляется богатство»).

Дальше Маркс выясняет колебание стоимостных отношений различных металлов — между золотом, серебром и медью в различные эпохи и между золотом и серебром, вставляя в отдельных местах указания на то, что данный вопрос требует еще дополнительной разработки.

В части этой главы, где он исследует обращение и оборот денег, мы находим выяснение закономерностей денежного обращения, которое им изложено в «К критике политической экономии».

Нет нужды разбирать отдельные эти положения, которые уже вошли как ценный вклад в сокровищницу марксизма и известны всем. Теоретические положения и замечания Маркса в рецензируемой книге актуальны и на сегодняшний день. Так например замечание о том, что золото и серебро как средство обращения может быть заменено знаком, имеющим хождение только в границах одной нации, а вне этой нации деньги и серебро выступают уже не как деньги (средства обращения), а как капитал, — это замечание, являющееся результатом изучения денег в различных их функциях, бьет по сегодняшним знахарям капитализма, мечтающим о том, чтобы организовать единый эмиссионный банк для всех государств и построить на этой единой базе мировые деньги.

Во всей своей критике прудонизма и буржуазной экономии Маркс, разбирая анатомию буржуазного общества, т. е. его экономику, не теряет из виду коллективного общественного хозяйства и указывает на то принципиальное отличие, которое существует между капиталистическим обществом и бесклассовым обществом. Эти его замечания

имеют для нас в период борьбы за бесклассовое общество не только теоретическое, но и существенное практическое значение. В одном месте Маркс говорит: «При предположении коллективного производства определение времени естественно сохраняет существенное значение. Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального или духовного. Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени. К экономии времени сводится в конечном счете вся экономия. Общество также должно целесообразно распределить свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям, подобно тому как отдельное лицо должно правильно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворить различным требованиям, предъявляемым к его деятельности. Поэтому экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится даже в гораздо более высокой степени законом» (стр. 119, разрядка моя. — М. Б.).

В наше время, когда под руководством гениального продолжателя дела Маркса—Энгельса—Ленина великого Сталина происходит строительство бесклассового общества, этот закон реализуется во всей своей полноте.

Командный состав народного хозяйства СССР

А. Е. Бейлин. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. Под редакцией И. Кравая, М. 1935 г., стр. 420, ц. 9 руб.

Выход книги т. Бейлина, систематизирующей материалы ЦУНХУ и отдельных наркоматов о командном составе народного хозяйства, нельзя не приветствовать.

Проблема командных кадров промышленности и других отраслей народного хозяйства является наиболее сложной частью общей проблемы кадров.

Капитализм доводит отделение умственного труда от физического до наивысшей точки. Капитал отделяет функции руководства и организации производственного процесса от функций исполнения, науку от труда и делает первые своими специфическими функциями. Непосредственное выполнение этих функций передоверяется на капиталистической фабрике особой группе наемных работников, являющихся доверенными лицами капитала. Пролетариат приходит к власти, не имея собственной инженерно-технической интеллигенции. Поэтому на первых же шагах хозяйственного строительства перед ним встает задача использования старых специалистов. В своей массе эти специалисты в прошлом были тесно связаны с капиталом не только своими специфическими функциями в процессе производства, но и рядом более интимных связей (например по своему происхождению). По выражению В. И. Ленина, большинство их «насквозь проникнуто буржуазным мирозерцанием»¹. Поэтому проблема использования руководящих кадров была несомненно труднейшей на первом этапе социалистического строительства. И Ленин, высказывания которого по этому поводу хорошо систематизированы т. Бейлиным (в гл. II и VII), неоднократно и с огромной настойчивостью повторял мысль о необходимости использования буржуазных специалистов. Эта мысль, как известно, была сформулирована в качестве одного из пунктов программы ВКП(б), принятой VIII съездом партии.

Партия указывала на всю сложность процесса вовлечения этой общественной группы в дело социалистического строительства и подчеркивала необходимость величайшей бдительности и беспощадного подавления всяких проявлений злостного саботажа и контрреволюционных поплзновений со стороны части специалистов. Одновременно с этим партия призывала «так же беспощадно бороться с мнимо-радикальным, на самом деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними» (программа ВКП(б).

Владимир Ильич указывал не только на необходимость, но и на полную возможность привлечения основного ядра буржуазных специалистов на нашу сторону. В 1919 г. на VIII съезде партии, затем на VII Всероссийском съезде советов он констатировал конкретные успехи советской власти в этом направлении. «Нам

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 142.

изменяли сотни и тысячи этих специалистов, а служили все более и более верными десятками тысяч, потому, что в ходе самой борьбы они привлекались на нашу сторону»¹, — говорил он на VII съезде советов. Вся дальнейшая история нашего хозяйственного строительства показала, что пролетариат под руководством партии Ленина—Сталина успешно разрешил эту сложнейшую задачу.

Приводимые т. Бейлиным в главе II книги данные учета, произведенного Наркомтрудом в 1922—1923 гг., показывают, что представляли собой специалисты, с которыми пролетариату пришлось иметь дело на другой день после захвата политической власти. Количество специалистов в промышленности в 1913 г. составляло около 46,5 тыс. чел. (1,8 на 100 рабочих). За годы гражданской войны и разрухи количество их несколько уменьшилось: в 1922—1923 гг., по данным учета Наркомтруда, было 27 393 работающих и 10 992 безработных специалистов промышленности и транспорта. По образованию ученые специалисты разбивались таким образом: с высшим образованием — 41,6%, со средним — 27,4% и практиков 31%. Около 67—70% всего состава специалистов приходилось на возраст от 30 лет, 75% имели стаж работы свыше 5 лет. К великому сожалению учет Наркомтруда не дал сколько-нибудь вразумительных данных о социальном составе специалистов. Но, как нам кажется, достаточное представление об этом дает интереснейшая таблица о социальном составе учащихся профтехнических учебных заведений царской России, приводимая т. Бейлиным на стр. 62 книги. Среди учащихся десяти университетов России в 1914 г. было: потомственных и личных дворян и чиновников — 35,9%, лиц духовного звания — 10,3%, почетных граждан и купцов — 10,9%; среди учащихся пяти высших технических учебных заведений перечисленные группы соответственно составляли 24,5, 2,3, 14%. В общем представители эксплуатирующих классов в университетах составляли, как можно судить по приведенной в книге таблице, около 60%, а высших технических учебных заведений — около 40% всего количества учащихся. Фактически же удельный вес этих групп в высшей школе был еще выше. Цифры эти несомненно дают известное представление о социальном составе наиболее квалифицированных кадров технической интеллигенции дореволюционной России.

Победы советской власти на фронте гражданской войны, а затем на фронте восстановления промышленности и всего народного хозяйства все более привлекали на нашу сторону основные массы инженерно-технических работников. Но, с другой стороны, в связи с укреплением нового строя и с крахом надежд на восстановление капитализма в СССР часть наиболее квалифицированной производственно-технической интеллигенции перешла к актам прямого вредительства. Шахтинское дело, а затем процесс «промпартии» заострили вопрос о необходимости создания собственной производственно-технической интеллигенции. Выступая на активе ленинградской организации 13/VII 1928 г., товарищ Сталин по этому поводу говорил: «Урок, вытекающий из шахтинского дела, состоит в том, чтобы ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего класса, преданных делу социализма и способных руководить технически нашей социалистической промышленностью»².

Эта задача, с другой стороны, подчеркивалась и огромным размахом строительства и технической реконструкции в первой и второй пятилетках. В период реконструкции проблема кадров специалистов стоит непосредственно как проблема создания наивысшими темпами и в огромных масштабах собственной производственно-технической интеллигенции из людей рабочего класса. Достаточно указать, что согласно наметкам первого пятилетнего плана общее число специалистов промышленности должно было возрасти за пятилетку с 100 тыс. чел. на 1/X 1929 г. до 318 тыс. чел. на 1/X 1933 г., т. е. больше чем в три раза (стр. 188). Фактически же общее число специалистов, занятых только в промыш-

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 605.

² Сталин, Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б), изд. «Прибой», 1928 г., стр. 26.

денных предприятиях, возросло в 1933 г. до 361,9 тыс. чел.¹, т. е. до 360% от уровня 1929 г. при росте общего числа рабочих и служащих за этот же период примерно до 185%. Таким образом осуществление плана великих работ потребовало создания армии специалистов, почти в четыре раза превышающей наличие их на начало пятилетки. И на эту сторону дела со всей ясностью было указано в речи товарища Сталина на совещании хозяйственников в июне 1931 г. «Нам нужно, — говорил товарищ Сталин, — теперь обеспечить себя втрое, впятеро больше инженерно-техническими и командными силами промышленности, если мы действительно думаем осуществить программу социалистической индустриализации СССР»².

Социалистическая реконструкция промышленности и всей страны предъявляла ряд новых качественных требований к новым пополнениям инженерно-технических и хозяйственных работников. На том же совещании хозяйственников в 1931 г. товарищ Сталин указывал, что «нам нужны не всякие командные и инженерно-технические силы. Нам нужны такие командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть. А что это значит? Это значит, что наша страна вступила в такую фазу развития, когда рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса»³.

Вместе с тем реконструктивный период предъявлял новые требования и к технической квалификации специалистов. Эти требования определялись основной задачей периода — задачей перехода к новому укладу техники, который, как указывал в своем докладе на XVII партийном съезде т. Куйбышев, «ранее не был известен ни широким кадрам рабочих, ни основным кадрам хозяйственников, ни широким кадрам инженерно-технических работников»⁴. Страна советов в этот период должна была перенести и освоить передовые образцы мировой техники, и в этом процессе кадры специалистов призваны были играть ведущую роль. На их долю выпадала почетная задача непосредственной организации строительства и освоения новой промышленности, создававшейся по новейшим техническим образцам. Этим самым вопрос о технической квалификации специалистов заострялся в необычайной степени.

Итоги истекших лет реконструктивного периода показывают, что и эту сложнейшую задачу — задачу создания собственной производственно-технической интеллигенции, стоящей притом на уровне мировой техники, мы вполне успешно разрешили. Основная часть книги т. Бейлина посвящена подведению изумительных итогов работы, проделанной в этом направлении. Приведем некоторые цифры. Мы уже указывали на то, что общее число специалистов в промышленности увеличилось за годы 1929—1933 в 3,6 раза. Если принять во внимание убыль специалистов, то окажется, что новые пополнения специалистов, пришедших в этот период в промышленность, составляли в 1933 г. более 75% общего количества специалистов. Таков «коэффициент обновления» командного состава промышленности.

В результате бурного роста количества специалистов насыщенность промышленности инженерно-техническими силами увеличилась в 1933 г. вдвое по сравнению например с 1930 г. и втрое по сравнению с 1927/28 г. В этом в частности находит свое выражение повышение технического уровня промышленности. Интересно отметить различия в темпах роста отдельных групп командиров промышленности. За время с 1930 по 1933 г. основные категории руководящих кад-

¹ А по данным ежегодника ЦУНХУ «Труд в СССР» — до 378,8 тыс. чел.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 457, изд. 10-е.

³ Там же.

⁴ «Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б)», стр. 398.

ров промышленности дают такой рост (в % к 1930 г.): директора и их заместители — 199%; руководители цехов и отделов и специалисты без административных функций — 347%, мастера и десятники — 400% (стр. 216).

Процесс концентрации производства, выразившийся в укрупнении действующих предприятий (и отдельных цехов этих предприятий), а также в новом строительстве предприятий-гигантов, объясняет различия в темпах роста отдельных категорий специалистов. Однако т. Бейлин, приводящий эти интересные цифры, по существу не анализирует их с этой стороны.

Вполне естественно, что наибольшее число специалистов и наибольшие темпы роста их мы имеем в промышленности и прежде всего в отраслях тяжелой индустрии. Так за период с I/X 1929 г. по I/XI 1933 г. количество специалистов выросло в угольной промышленности с 10 тыс. до 23,7 тыс., а нефтяной — с 2,47 до 7,3 тыс., в черной металлургии — с 8,7 до 23,5 тыс., в автотракторной промышленности — с 1,09 до 12,6 тыс., в химической — с 4,8 до 18,1 тыс., в сельскохозяйственном машиностроении — с 2,2 до 5,9 тыс. (стр. 212—213).

Каковы источники, за счет которых происходил этот невиданный по своим темпам рост специалистов?

Прежде всего этими источниками являются высшая и средняя техническая школа. Партия уделяла делу подготовки специалистов огромное внимание. Уже в 1921/22 г., т. е. непосредственно после окончания гражданской войны, общее количество учащихся в вузах почти в два раза превышало количество учащихся в 1914/15 г. В дальнейшем вопросы подготовки специалистов неоднократно стояли в центре внимания партии.

Уже в восстановительный период партия наряду с использованием и вовлечением в социалистическое строительство старых специалистов укрепляет высшую и среднюю техническую школу, широко открывает их двери для людей рабочего класса и таким образом подготавливает необходимые условия для разрешения задач периода реконструкции. В результате уже в годы первой пятилетки мы имели значительный прирост специалистов с высшим образованием с 24 тыс. чел. в 1929 г. до 53,3 тыс. в 1933 г., со средним образованием — 27,7 тыс. до 70 тыс.¹ Этот рост явился результатом увеличения выпусков высшей и средней технической школы (стр. 313). Но темп роста промышленности и всего народного хозяйства был настолько значителен, что выпуски высшей и средней школы не могли удовлетворить всей громадной потребности в специалистах. В этих условиях серьезное значение в качестве источника пополнения приобрело выдвижение практиков. Товарищ Сталин в своей речи в июне 1931 г. обратил особое внимание хозяйственников на этот источник. Он указал, что производственно-техническая интеллигенция «будет рекрутироваться также из практических работников наших предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте. Инициаторы соревнования, вожаки ударных бригад, практические вдохновители трудового подъема, организаторы работ на тех или иных участках строительства — вот новая прослойка рабочего класса, которая и должна составить вместе с прошедшими высшую школу товарищами ядро интеллигенции рабочего класса, ядро командного состава нашей промышленности. Задача состоит в том, чтобы не оттирать этих инициативных товарищей, смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность проявить свои организаторские способности, дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег»².

¹ Речь здесь идет только о специалистах, занятых непосредственно в промышленных предприятиях. Во всех же звеньях системы промышленности на I/XI 1933 г. число специалистов с высшим образованием составляло около 119 тыс. чел., а со средним — около 100 тыс. чел.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 458, изд. 10-е.

Практика показала, какое значение имели для дела социалистического строительства эти слова товарища Сталина. В то время как число специалистов с высшим и средним образованием выросло за 1929—1933 гг. в 2,36 раза, число практиков выросло за то же время почти в пять раз. Удельный вес практиков в общем числе специалистов был достаточно высок и в 1929 г. — около 48,4%, но он еще более повысился в 1933 г., достигнув почти 66%. По отдельным отраслям промышленности увеличение удельного веса практиков дает следующую картину: автотракторостроение — с 22,8 до 60,1%, сельхозмашиностроение — с 43,0 до 64,2%, химия — с 22,9 до 54,8, черная металлургия — с 57,3 до 66,2, нефтяная — с 14,4 до 60,9, угольная — с 62,6 до 76,4% (стр. 212—213).

Разумеется, в первую очередь за счет практиков растет низовое звено командного состава — мастера. Достаточно указать на то, что в 1933 г. удельный вес практиков среди мастеров составил 91,2%. Можно сказать, что формирование кадров мастеров за годы первой пятилетки шло исключительно за счет выдвижения квалифицированных рабочих, показавших образцы борьбы за освоение новой техники.

Но не только по группе мастеров имел место рост общего числа практиков и повышение их удельного веса. Удельный вес практиков среди специалистов без административных функций возрос в 1933 г. примерно до 53% общего числа специалистов этой группы против примерно 30% в 1929 г. Среди руководителей цехов, смен и других участков производственного предприятия удельный вес практиков еще выше — около 62,5%. Это значит, что наряду с продвижением рабочих на низшие командные должности шел интенсивный процесс передвижки в самом командном составе промышленности от низших его звеньев к высшим. Эти интереснейшие процессы т. Бейлин к сожалению также не анализирует по существу. Автор ограничился в этой связи лишь одним замечанием, что практики 1933 г. — это уже иного типа работники по сравнению с практиками 1929 г., что это люди, прошедшие серьезную школу практической борьбы за новую технику, сумевшие при помощи партии и государства получить и известные технические знания и т. д. Это все верно. Указание товарища Сталина о выдвижении лучших людей из рабочего класса и о помощи им в деле овладения наукой производства промышленность выполнила блестяще. Самый факт выдвижения и воспитания такой армии специалистов-практиков (их в 1933 г. было в предприятиях промышленности около 240 тыс. против 48—50 тыс. в 1929 г.) является прекрасным доказательством преимуществ новой хозяйственной системы. Но совершенно ясно, что одного этого замечания т. Бейлина здесь недостаточно. Практики — это целая проблема для промышленности и проблема довольно сложная. Об этом говорит довольно ясно уже одно их количество. Читатель книги т. Бейлина невольно задается вопросом: что же представляют собой специалисты-практики, каким путем пополняли они свои технические знания и пополняют их сейчас, какие задачи в связи с этим стоят перед промышленностью в настоящее время и т. д. и т. п.? На эти вопросы ответа в книге нет, может быть и не по вине автора. Дело в том, что существовавший учет специалистов давал материал лишь по очень общим и укрупненным показателям. Недостатки книги в этом отношении отражают в известной мере недостатки в постановке учета специалистов.

Весьма интересные данные приводятся в книге о социальном составе специалистов промышленности. Эти данные показывают, как осуществлялась директива товарища Сталина о создании производственно-технической интеллигенции из людей рабочего класса. Удельный вес рабочих среди специалистов в 1933 г. повысился до 48,5%, причем это повышение характерно для всех категорий специалистов. Процесс этот происходил как за счет выдвижения рабочих непосредственно в процессе производства, так и за счет непрерывного увеличения удельного веса рабочих среди учащихся высших и средних технических учебных за-

ведений. Так например удельный вес рабочих в индустриальных вузах повысился с 38,3% в 1928 г. до 64,6% в 1933 г. Впрочем улучшение социального состава учащихся в силу длительности сроков обучения в вузах не могло с достаточной полнотой отразиться на выпусках учебных заведений периода первой и начала второй пятилетки. Оно сказывается лишь сейчас. Наряду с увеличением удельного веса рабочих среди специалистов значительно выросла и партийная прослойка.

Сельское хозяйство является второй после промышленности отраслью народного хозяйства по количеству и по темпам роста занятых специалистов. За период с 1929 г. по 1933 г. число специалистов сельского хозяйства выросло с 64 тыс. до 180 тыс. человек, т. е. в 2,8 раза. Появился целый ряд новых типов специалистов, которых не знало раздробленное, частнособственническое сельское хозяйство, например такая группа специалистов, как механики, появление которой непосредственно связано с возникновением и развитием МТС и совхозов. А группа эта не маленькая: в 1933 г. насчитывалось около 12 тыс. механиков. Интересно отметить, что среди этой группы специалистов сельского хозяйства насчитывается только 28,3% имеющих высшее и среднее образование. Остальные имеют лишь низшее образование и получили необходимые технические знания непосредственно на практической работе. Чрезвычайно важно было бы установить, из каких источников формировалась эта новая группа специалистов сельского хозяйства, откуда пришли эти 70% практиков, каким путем получили они технические знания. Высокий удельный вес рабочих среди механиков (68,8%) позволяет думать, что многие из них пришли на работу в сельское хозяйство из промышленных предприятий. Но материалов для точного ответа на все эти вопросы мы в книге к сожалению не находим.

Вслед за главой о кадрах в сельском хозяйстве идут главы о кадрах специалистов транспорта (гл. XII) и торговой сети (гл. XIII). В этих главах дается интересный материал о сдвигах в кадрах на транспорте и в торговой сети и их подготовке за годы первой пятилетки. Недостатком является то, что этот материал также дан в разрезе весьма общих показателей.

Какие изменения по линии кадров специалистов происходят в годы второй пятилетки? Некоторый ответ на этот вопрос дают главы XVI и XVII книги, где автор приводит материал специального учета Наркомтяжпрома на I/XI 1934 г. Согласно приведенным данным, за один год (с ноября 1933 г.) число специалистов тяжелой промышленности выросло на 16,5%. Обращает на себя внимание интенсивный рост числа специалистов, занятых непосредственно на предприятиях. Количество специалистов на производстве, имеющих высшее образование, возросло на 23%, имеющих среднее образование — на 30%. Количество же специалистов в управленческом аппарате снизилось с 8573 чел. в 1933 г. до 4813 чел. в 1934 г. Рост числа специалистов, занятых непосредственно в производстве, в значительной мере явился результатом передвижки специалистов из управленческих аппаратов трестов и главков на производство.

Следующей характерной чертой второго года пятилетки в отношении кадров специалистов является относительно более интенсивный рост специалистов со специальным образованием по сравнению с практиками. Удельный вес практиков по тяжелой промышленности в целом и по отдельным ее отраслям снижается по сравнению с 1933 г. Этот процесс по отдельным отраслям рисуется в следующем виде (давние берем из таблиц на стр. 212—213 и 324—325 книги):

Удельный вес практиков в общем числе специалистов (в %)

	1933 г.	1934 г.
Сельхозмашиностроение	64,2	53,8
Химия	54,8	46,3
Черная металлургия	66,2	61,0
Нефтяная	60,9	50,6
Угольная	76,4	55,2

Только в автотракторной промышленности удельный вес практиков остался в 1934 г. примерно на уровне 1933 г. Указанные изменения в удельных весах специалистов с законченным образованием и специалистов-практиков представляют безусловно положительное явление, которое, с своей стороны, говорит о том, что наиболее трудный перевал на пути создания кадров командного состава промышленности уже в 1934 г. был позади. Несомненно, что значительную роль в этом деле сыграла высшая школа. Приходится сожалеть, что главы, посвященные сдвигам в составе кадров за годы второй пятилетки, очень бедны материалом. Кроме того следует указать, что этот материал расположен таким образом, что сравнение данных 1934 г. с приведенными ранее данными 1933 г. чрезвычайно затруднительно.

Заканчивается книга главами о женских кадрах специалистов (глава XVIII), о научно-исследовательских кадрах (глава XIX), об основных показателях второй пятилетки (глава XX) и заключением (глава XXI). Таково содержание книги т. Бейлина. Книга эта—несомненно значительное положительное явление в области нашей экономико-статистической литературы.

Имеющиеся в книге некоторые недостатки в известной части следует отнести за счет недостатков в общей постановке учета специалистов. Автор в максимальной степени использовал имеющиеся статистические данные. В качестве примера одного из недостатков, наложившего свой отпечаток на всю книгу, мы уже приводили чрезвычайно скудный объем и весьма общий характер основных показателей учета специалистов. Все показатели, приведенные в книге т. Бейлина, в основном ограничиваются следующими: образование (удельный вес специалистов с высшим, средним образованием и практиков), распределение по основным отраслям, распределением по основным категориям (главным образом с точки зрения объема административных функций — директора, руководители отделов и цехов, специалисты без административных функций, мастера), состав по социальному происхождению (удельный вес рабочих), партийно-комсомольская прослойка. Для настоящего этапа нашего развития этот круг показателей конечно совершенно недостаточен. Он оставляет без ответа целый ряд актуальнейших вопросов, которые уже выдвинуты и выдвигаются практикой пробы за новую технику, за кадры, овладевшие техникой. Очередная задача работников учета — так продумать и перестроить систему учета специалистов, чтобы данные этого учета полностью соответствовали запросам сегодняшнего дня.

Сильно затрудняет пользование книгой некоторая тяжеловесность ее построения, влекущая за собой повторения. Укажем для примера, что таблица о составе студентов вузов СССР приводится в книге трижды (стр. 65, 75, 311). Изложение цифрового материала следовало бы организовать таким образом, чтобы для читателя было в максимальной степени облегчено сравнение его за разные периоды нашего развития. Все это несомненно еще более повысило бы ценность книги.

О производительности труда в колхозах

(ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР, 1935 г., стр. 96, ц. 1 р. 20 к.)

В своей замечательной речи на Первом всесоюзном совещании стахановцев вождь страны товарищ Сталин подчеркнул, что рост производительности труда имеет решающее значение. «Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства»¹. Почему колхозный строй победил? Потому что крупное коллективное хозяйство обладает громадными преимуществами, обеспечивает более высокий уровень производительности труда по сравнению с мелким крестьянским хозяйством и дает возможность всем беднякам и середнякам, вступившим в колхоз, достигнуть зажиточной и культурной жизни.

Рецензируемая книга дает статистически обоснованный ответ на вопрос о том, насколько производительность труда в колхозах выше, чем в мелком крестьянском хозяйстве. Авторы дают также анализ влияния различных факторов на повышение производительности труда в колхозах. Книга представляет собой сборник статей: 1) М. Власов «Производительность труда и элементы баланса труда колхозников», 2) И. Меринов и А. Силин «Производительность труда в колхозном полеводстве» и 3) Т. Ануфриева «Производительность труда в колхозном животноводстве». Написана она на основе материалов всестороннего изучения хозяйственной деятельности 400 колхозов, проведенного в 1933 г. по девяти основным областям Союза. Для сопоставления с индивидуальным хозяйством взяты данные бюджетного обследования крестьянских хозяйств за 1922—1924 гг.

В качестве показателей производительности труда в сельском хозяйстве авторы берут, во-первых, количество определенной сельскохозяйственной продукции (зерна) в натуральном (весовом) выражении, производимое в единицу рабочего времени (человекодень)². Во-вторых, авторы берут в качестве показателя производительности труда количество произведенной в единицу времени работы в гектарах посевной площади или, что то же самое, количество рабочего времени (человекоднев), затраченного на 1 га посева.

Если взять затраты на все работы по производству зерна, то сумма этих затрат на 1 га посева была в 1933 г. в среднем на 40% меньше затрат труда в единоличном хозяйстве. В среднем по обследованным ЦУНХУ областям затра-

¹ Доклад т. Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 7, Партиздат, 1935 г.

² Авторы учитывают живой труд в конкретных его формах, непосредственно затраченный на производство зерна, т. е. все затраты труда, начиная с подготовки семян и почвы и кончая доставкой зерна на заготпункт и в колхозный склад. Затраты труда, который косвенно относится к производству зерна, например ремонт сельскохозяйственного инвентаря, уход за рабочим скотом вне поля и т. п., не включены.

чно на 1 га зерновых культур в единоличных крестьянских хозяйствах 20,3 человекодня, в колхозах — 12,3 человекодня. Рост производительности труда на основе коллективизации виден также из следующих цифр (по массовым данным): в 1928 г. на одного трудоспособного в крестьянском хозяйстве приходилось 1,63 га посева, в 1933 г. на одного трудоспособного в колхозах приходилось 2,22 га посева, т. е. на 36% больше.

В 1933 г. в отношении колхозников к коллективному труду произошел решительный перелом, подготовленный годами реорганизационного периода. Этот перелом виден в частности на примере резкого повышения от 1932 к 1933 г. количества выработанных трудодней на одного работника. По данным 10-процентной выборочной разработки годовых отчетов колхозов, в среднем на 1 работника по СССР выработано трудодней в 1932 г. — 120, в 1933 г. — 148.

Перелом в отношении колхозников к коллективному труду обусловил подъем урожайности в 1933 г. и значительный скачок в производительности труда. Так, в колхозах (в 1933 г.) на один человекодень труда приходилось 0,58 ц зерновой продукции, в единоличном крестьянском хозяйстве (1922—1924 гг.) — 0,31 ц. Таким образом производительность труда в зерновом хозяйстве в колхозах в 1933 г. была на 88% выше, чем в единоличном хозяйстве. Это подтверждается и более массовыми данными: валовой сбор зерна на одного работника составлял по СССР в бедняцко-средняцких хозяйствах в 1929 г. 13,3 ц, а в колхозах в 1933 г. — 23 ц, т. е. на 73% больше. Все приведенные цифры показывают значительный рост производительности труда в сельском хозяйстве в результате коллективизации.

Тов. Власов приводит в своей статье интересные цифры, показывающие влияние различных факторов на производительность труда. Уже в 1929 г. товарищ Сталин указал, что «простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики» («К вопросам аграрной политики в СССР»). Это положение иллюстрируется следующими цифрами: все затраты труда на 1 га зерновых культур в колхозах, не обслуживаемых машинно-тракторной станцией, составляли в среднем по обследованным в 1933 г. областям 15,7 человекодня, а в крестьянских хозяйствах затраты труда на 1 га зерновых культур составляли 20,3 человекодня. Таким образом даже без тракторов, при конной тяге простое сложение крестьянских средств производства дало сокращение затрат труда примерно на 25%. При тракторной тяге наблюдается дальнейший рост производительности труда в колхозах. Затраты труда на 1 га зерновых культур на пахоту составляют в колхозах, обслуживаемых машинно-тракторной станцией, 0,70 человекодня против 2,32 человекодня в крестьянском хозяйстве, по севу соответствующие цифры составляют 0,33 и 1,65, по уборке 2,84 и 7,56.

Колхозы, обслуживаемые тракторными станциями, отличаются от необслуживаемых значительно более высоким уровнем производительности труда. Превышение валового сбора зерна в колхозах, обслуживаемых МТС, сравнительно с необслуживаемыми на одного работника составляло в 1933 г. в Западной Сибири 5,5 ц, в Азово-черноморском крае — 5,9 ц, в УССР — 7,8 ц. Это является наглядной иллюстрацией влияния МТС на повышение производительности труда в колхозах.

Нужно учесть, что в 1933 г. МТС еще не вышли из периода освоения новой техники и в их работе были большие недостатки, которые снижали производительность труда. Достаточно сказать, что выработка на один трактор составляла в 1933 г. 363 га, а в 1935 г. — около 410 га. В 1933 г. уборка комбайнами в МТС была мало распространена, к тому же и плохо организована. В 1933 г. на один комбайн было выработано 70 га против 259 га в 1935 г. Отсюда ясно, что сравнение колхозов, обслуживаемых МТС, с единоличным крестьянским хозяйством по показателям работы колхозов за 1933 г. далеко не вскрывает в полной степени преимущества колхозов перед мелким хозяйством в отношении производитель-

ности труда: эти преимущества значительно больше, чем они показаны в рецензируемой работе.

Опубликованные данные ЦУНХУ имеют большое значение: они показывают, что еще тогда, когда колхозы только что вышли из реорганизационного периода, когда МТС еще делали первые шаги по освоению новой машинной техники, уровень производительности труда в колхозах был значительно выше, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах.

Рост производительности труда оказывает существенное влияние на баланс труда колхозников. Экономия труда в колхозах на 1 га посева составила по сравнению с единоличным крестьянским хозяйством 40%. Эта экономия, с одной стороны, позволила колхозам значительно расширить объем производства: посевная площадь в колхозах на одного работника выросла к 1933 г. по сравнению с единоличным крестьянским хозяйством до коллективизации на 36%, при увеличении удельного веса более трудоемких незерновых культур. Кроме того известная, хотя и небольшая часть экономии в рабочей силе по обследованным областям шла на развитие новых отраслей с.-х. производства. С другой стороны, экономия эта высвободила часть рабочей силы для работы в промышленности. Автор указывает, что «если брать в целом все обследованные области, то высвобождающаяся вследствие роста производительности колхозного труда рабочая сила в основном шла (по расчетам для 1935 г.) на расширение и развитие самого же колхозного хозяйства, прирост же ее в коллективизированных крестьянских хозяйствах составлял основные резервы рабочей силы колхозников, шедшей на развитие несельскохозяйственных отраслей народного хозяйства» (стр. 15).

В статье гг. Меринова и Силина есть попытка осветить роль агротехники в поднятии производительности труда. Они приводят цифровые данные об увеличении машинного сева, машинной уборки и молотбы в колхозах, в то время как в единоличном хозяйстве эти работы выполнялись преимущественно вручную. Нужно однако признать неправильным, что авторы сводят агротехнику в основном к замене ручного способа работы машинным. Такие мероприятия, как севооборот, ранний сев, лущение, снегозадержание и т. п., которые либо совсем не имели места в единоличном крестьянском хозяйстве, либо были распространены крайне слабо, — эти агротехнические мероприятия выпали из поля зрения авторов. Поэтому анализ влияния агротехники на производительность труда в колхозах является далеко неполным.

Урожайность — это важнейший показатель производительности труда в полеводстве. Между тем, сравнивая агротехнику в колхозах и крестьянском хозяйстве, авторы даже не пытаются сравнить урожайность в них и влияние повышения урожайности на рост производительности труда. Совершенно неосвещенным остался вопрос о том, как используются тракторы и машины в колхозах, обслуживаемых МТС. Такое изолированное изучение производительности труда в колхозах, вне связи с производительностью труда в МТС, является совершенно неправильным.

В области животноводства колхозы также дают экономию затрат труда по сравнению с единоличным крестьянским хозяйством. Годовые затраты труда на 1 корову в единоличном хозяйстве на 24% выше, чем в колхозах; выше также затраты труда и на 1 л молока. Здесь прежде всего сказываются преимущества кооперации труда, ибо механизация колхозных животноводческих ферм пока стоит на невысоком уровне.

В статье о животноводстве приводятся данные, показывающие, что в обслуживании крупного рогатого скота нагрузка на одного работника в центральных областях (Московская, Ленинградская области) ниже, чем в Западносибирском крае и Уральской области; например в центральных областях пастух обслуживает в среднем 25 голов, а в Западносибирском крае и на Урале — 46 голов. Из этих цифр т. Ануфриева делает неверный вывод, предлагая учитывать эти районные различия при выработке в центре норм нагрузок. В действитель-

ности районные различия объясняются тем, что в Московской и Ленинградской областях фермы более мелкие, чем в Западносибирском крае и Уральской области. Один и тот же пастух с подпаском пасет 50 голов, а при наличии мелкого стада — 30 голов. Но совершенно ясно, что исходить из существующих норм нагрузки никак нельзя. Норма нагрузки несомненно будет повышаться, во-первых, с ростом поголовья скота на фермах и, во-вторых с улучшением организации труда.

Книга содержит целый ряд интересных данных по важнейшему вопросу — о преимуществах крупного коллективного хозяйства перед мелким, индивидуальным. Но надо прямо сказать, что эти данные отражают вчерашний день, отражают пройденный этап в борьбе за производительность труда. В 1935 г. сельское хозяйство на основе стахановского движения поднялось на новую, более высокую ступень производительности труда. Передовые МТС и колхозы сломали старые нормы использования тракторов и машин, урожайности и удоев; они показали, что развитие стахановского движения на основе роста кадров, освоивших передовую машинную технику, и на основе правильной организации труда может и должно принести невиданный, огромный рост производительности труда.

Правильно отмечая преимущества колхозов перед мелким крестьянским хозяйством, авторы в то же время не дали конкретного анализа крупнейших недостатков в использовании тракторов и машин, в организации труда, мешающих росту производительности труда. Авторы также не привели конкретных образцов высокой производительности труда в передовых МТС и колхозах. Они ограничились средними данными, за которыми скрываются и передовые и отстающие хозяйства.

Авторы, чувствуя недостаток своей работы, отмечают, что в конечном счете производительность труда зависит от живых людей, от состояния кадров, от степени освоения новой техники, от правильной организации труда. Но они ссылаются на отсутствие статистических материалов, нужных для освещения вопроса о влиянии этих факторов на производительность труда. Очевидно тут сказываются недостатки в самой организации сбора материалов. Вместе с тем очевидно, что для изучения производительности труда в колхозах массовые статистические материалы нужно сочетать с монографическим, более углубленным исследованием вопроса.

«Меркантилизм». Под редакцией и со вступительной статьей И. С. Плотникова. Библиотека истории экономической мысли, Огиз, Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1935 г., стр. 340, цена 6 р. 85 к.

Вышедший под редакцией проф. И. Плотникова сборник произведений меркантилистов XVII столетия, преимущественно английских, удачно заполняет давно ощущавшийся пробел в нашей литературе, отсутствие изданий литературы меркантилизма, если не считать коротких отрывков в хрестоматийных изданиях.

В различных местах «Капитала» и в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс останавливался на характеристике как меркантилизма в целом, так и на отдельных его представителях. Маркс называет меркантилизм «первой теоретической разработкой современного способа производства» (т. е. капитализма) и указывает, что меркантильная система «необходимо исходила из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому она касалась только поверхности явлений. Отчасти потому, что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще. Отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое он оказывал в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства»¹. Поэтому меркантилисты были еще далеки от научного изучения и раскрытия сущности экономических явлений. «Действительная наука современной экономии, — говорит Маркс, — начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»².

Сборник содержит переводы десяти памфлетов XVII в., из которых пять являются произведениями развитого меркантилизма (Антонио Серра, Томаса Мена, С. Фортрея и одного неизвестного автора), а пять памфлетов характеризуют разложение меркантилизма (Вильяма Петти, Николая Барбона, Норса и Гуго Чемберлена).

Книга открывается памфлетом итальянца Антонио Серра (1613 г.). Памфлет начинается с формулировки одного из основных положений меркантилизма: государство должно стремиться к изобилию золота и серебра. Автор останавливается на средствах увеличения денег в стране главным образом путем развития внешней торговли, затем ремесла и роста населения. Основная задача этого произведения заключается в том, чтобы выяснить причины отсталости Неаполя по сравнению с знаменитыми торговыми городами того времени, Венецией и Генуей, и наметить ряд средств, типично меркантилистических, для ликвидации этой отсталости.

Центральное место в сборнике среди этой первой группы вполне правильно отведено Томасу Мену, сочинение которого «Богатство Англии во внешней торговле» Маркс назвал «евангелием меркантилизма». Это сочинение ввиду его довольно значительных размеров приведено не полностью. Томас Мен дает отчетливое изложение основных принципов меркантилизма, начиная с такого важного

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 260, изд. 1930 г.

² Там же.

меркантилистического положения, что основным средством для обогащения и привлечения денег в страну является достижение благоприятного торгового баланса. Вместе с тем Мен подвергает критике «монетарную систему», рекомендовавшую запрещение вывоза денег. Он указывает, что вывоз денег для покупки товаров за границей в целях последующего вывоза товара столь же выгоден, как и обычный экспорт товаров из страны. Мен показывает противоположность интересов Англии и Голландии, настаивает на борьбе с последней и вместе с тем видит в меркантилистической политике Голландии образец для подражания. Маркс, как известно, называл Голландию «образцовой капиталистической страной XVII столетия»¹.

В сборнике помещено также сочинение Мена «Рассуждение о торговле с Ост-Индией». Мен защищает деятельность знаменитой Ост-индской компании, одним из директоров которой он состоял, и попутно излагает основные положения меркантилизма.

Значительный интерес представляет анонимное сочинение под названием «Правдивое раскрытие причин упадка торговли». На первый план здесь выдвинуты интересы промышленности. Памфлет начинается с указания, что «если сырые материалы этого королевства (Англия) будут обрабатываться руками своего же народа, то королевство станет богатым и счастливым». Автор рекомендует запретить вывоз сырья, в особенности шерсти, усилить экспорт готовых изделий, выдавать ссуды для расширения посевов льна и конопли, понизить ряд налогов и т. п. Он называет суконщика «жизненным центром и краеугольным камнем всей торговли и промышленности». «Если производитель сукна,— говорит он,— не будет окружен вниманием в его производстве, то дворянин не сможет продать шерсть, фермер и земледелец никогда не смогут благоденствовать и платить свою ренту, купец не сможет вести в значительных размерах заграничную торговлю, не говоря уже о тысяче менее имущих лиц, как например ткачи, каменщики, валяльщики сукна, шерстобиты, чесальщики, красильщики и различные другие рабочие, которые не имеют других средств к существованию кроме своей работы на суконщика». Так интересы зарождавшегося мануфактурного производства неправильно выдаются автором за интересы всех классов общества.

Следующий за ним памфлет Самуила Фортрея интересен не только изложением принципов меркантилизма — о необходимости достижения активного торгового баланса, развития суконной промышленности и т. п.—наряду с этим автор защищает огораживания, т. е. уничтожение крестьянских общинных земель и захват их помещиками. Огораживание, обезземеление крестьянства являлось одним из важнейших методов первоначального накопления и создания кадров городского и сельскохозяйственного пролетариата из лишенных земли крестьян, как это выяснено Марксом в знаменитой двадцать четвертой главе первого тома «Капитала». Являясь защитником торговых монопольных компаний, Фортрей вместе с тем защищает в этом пункте и интересы землевладельцев. И. Плотников в примечаниях к книге отмечает, что доводы этого автора «очень напоминают те, которые спустя два с половиной века применяли русские противники общин» во время столыпинской реформы.

Среди второй группы экономистов, характерных для разложения меркантилизма, центральное место принадлежит Вильяму Петти, которого Маркс называл основателем современной политической экономии и «одним из гениальнейших и оригинальнейших экономических исследователей»². В сборнике помещены два его произведения: «Трактат о налогах и податях» и «Кое-что о деньгах». В первом из этих сочинений Петти детально разбирает различные виды налогов и государственных расходов. Вместе с тем он дает замечательное определение

¹ Маркс, Капитал, т. I, гл. XXIV, стр. 603, изд. 1935 г.

² Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 17, Соцэкгиз, 1931 г.

стоимости товаров по количеству затраченного на их производство труда. Он обсуждал также проблему земельной ренты и пытался определить цену земли как капитализированную ренту. Являясь в этих вопросах прямым предшественником классической школы, Петти наряду с этим защищал положение меркантилизма, настаивая на запрете вывоза шерсти, на обложении ввозимых предметов роскоши и готовых товаров. Во втором произведении «Кое-что о деньгах» Петти обсуждает большой для той эпохи вопрос о порче монеты и предлагает перечеканить малоценную и обрезанную английскую монету в полноценную, имея в виду прежде всего интересы внешней торговли.

Своеобразную и противоположную позицию занимает Николай Барбон, который в приведенном в книге «Очерке о торговле» писал, что «деньги — это стоимость, созданная законом»; он считал, что лишь иностранная монета идет по весу заключенного в ней металла, тогда как внутри государства «деньги имеют ту же стоимость и то же употребление, будут ли они сделаны из бронзы, меди, олова или чего-нибудь другого». Он является таким образом предшественником номинализма. По его мнению, стоимость товаров определяется как потребностью в них, так и наличным количеством товаров или полезностью и редкостью, однако наряду с этим у него имеются также высказывания в духе трудовой стоимости, близкие к взглядам Петти. В согласии с меркантилизмом он предлагал установить достаточно высокие ввозные пошлины (вместо запретительных), чтобы иностранные товары стоили дороже отечественных.

Дедлей Норс, автор приведенных в рецензируемой книге «Очерков о торговле», интересен как прямой предшественник классической школы. Он отрицал исключительное значение золота и серебра как источника богатства и считал, что они «ничем не отличаются от других товаров». Норс недоволен законами против роскоши и протестует против характерного для меркантилизма вмешательства власти в хозяйственную жизнь. Этот идеолог торгового капитала в условиях перехода к промышленному капитализму был последовательным сторонником свободы торговли, и в этом отношении он является предшественником классиков.

Сборник заканчивается небольшой главой из памфлета Гуго Чемберлена (1696 г.), посвященной проблеме денег. Эта проблема обсуждается им в связи с финансовой реформой того времени. Памфлет представляет интерес тем, что повторяет мысли Петти о трудовой стоимости.

Таким образом настоящий сборник впервые дает советскому читателю важнейшие произведения меркантилизма и эпохи его разложения. Можно выразить лишь пожелание, чтобы в будущем при переиздании книги, в нее было бы включено хотя бы одно произведение, характерное для монетарной системы, с теорией денежного баланса которой полемизируют приведенные в сборнике произведения меркантилистов. Желателен также перевод Девенанта, о котором говорит Маркс в «Теориях прибавочной стоимости». Следует надеяться, что будет осуществлено и намечавшееся планами Соцэкгиза более полное издание сочинений Петти.

Сборнику предшествует большая статья редактора проф. И. С. Плотникова «Меркантилизм и его разложение». В некоторой части она является переработкой и местами дословным повторением прежней, весьма ценной, статьи автора о меркантилистах, напечатанной в 1930 г.¹ Но кроме того заново дана характеристика экономического положения Западной Европы XVI—XVII вв., добавлены замечания о теории народонаселения, учении о производительном труде меркантилистов и т. п. Вновь написана большая глава о разложении меркантилизма, где указаны классовые корни этого разложения. Используя английскую памфлетную литературу, автор указывает, что критика меркантилизма шла как со стороны землевладения, так и со стороны промышленной и торговой бур-

¹ И. И. Плотников, Развитие экономических воззрений меркантилистов. «Проблемы марксизма» № 1, 1930 г.

жуазии. Это было связано с глубокими переменами в социально-хозяйственной области, с созданием капиталистической мануфактуры, обезземелением английского крестьянства, внедрением капитализма в сельское хозяйство и выходом торговли из узких рамок торговых монополий. Дана подробная характеристика взглядов Вильяма Петти как первого теоретика товарно-капиталистического хозяйства, затем рассматриваются взгляды Дедлея Нурса как теоретика торгового капитала эпохи разложения меркантилизма, боровшегося против торговых монополий и защищавшего свободу торговли; статья заканчивается анализом сочинений идеолога землевладельцев Николая Барбона. Обширное введение проф. И. Плотникова вместе с предыдущей его статьей несомненно является ценной оригинальной работой о меркантилизме. Некоторым недостатком ее следует признать отсутствие критического анализа новейшей западноевропейской литературы по истории меркантилизма. Автор ссылается только на Рошера и Янжула, тогда как за последнее время выросла новая буржуазная литература о меркантилизме (Зомбарт, Гекшер и др.). Затем И. Плотников ограничился немногими замечаниями о неомеркантилизме современного капитализма, правильно указав, что сближение с меркантилизмом современного империализма с его таможенными барьерами, стремлением к автаркии, погоней за рынками сырья и сбыта, колониями и т. п. является чисто формальным. Он называет неомеркантизм «старческим хрипением дряхлости капиталистического способа производства». Но эти весьма краткие замечания И. Плотникова, лишенные указания на соответствующую литературу, не могут дать отчетливого представления о теории неомеркантилизма. Конечно этот пробел может быть восполнен лишь в специальном монографическом исследовании о меркантилизме, его теории и практике. В таком исследовании могла бы найти свое место и развернутая критика новейшей буржуазной литературы. Но все же и в рецензируемой работе следовало отметить и подвергнуть критике например тенденцию новейшей буржуазной и фашистской литературы к возвеличению и противопоставлению меркантилистов либерализму классиков, как это делает Зомбарт в главе о меркантилистах во втором томе своего «Современного капитализма» (не переведенного на русский язык) и еще раньше Шмоллер.

Сборник И. Плотникова снабжен примечаниями, содержащими фактические данные, а также интересны комментарии к важнейшим местам печатаемых памфлетов. Кроме того каждому произведению предшествует краткое вступление с общей характеристикой воззрений памфлетиста и биографическими данными. Вместе с вводной статьей этот аппарат примечаний чрезвычайно помогает пониманию и усвоению печатаемых английских меркантилистов. Надо отметить допущенную в издании небрежность, именно: отсутствие примечаний 7, 8, 9 и 10 к анонимному «Правдивому раскрытию причин упадка торговли», тогда как в тексте дана ссылка на эти примечания.

Настоящая книга является ценным приобретением, весьма полезным как для экономистов, так и для историков народного хозяйства. Вместе с вышедшими в короткий срок вторым изданием переводами сочинений Адама Смита и Рикардо рецензируемая книга свидетельствует о возросших требованиях советского читателя и наличии огромного интереса к теоретическому и историческому освещению проблем политической экономии.

Сельское хозяйство Чехословакии

Dipl. Agr. Jng Dr. Eduard Reich, Die Tschechoslowakische Landwirtschaft, ihre Grundlagen und ihre Organisation. Berlin, Verlag Parey, 1935.

Emerich Fekete, Die landwirtschaftliche Planung und die «Planwirtschaft» der CSL. Agrarier. 1. Getreidewirtschaft. Kritik und Entwurf. Prag 1935, S. 63.

Чехословакия мало изучена не только в нашей экономической литературе, но и в мировой. Между тем страна, возникшая на развалинах старой Австро-Венгрии, представляет собой во многих отношениях большой интерес. Она состоит из четырех частей, сильно различающихся между собой по своей экономической структуре: из Богемии, на которую приходится 37,05% (в 140,5 тыс. км²) территории и 48,27% населения всей страны (в 1930 г. 14,7 млн.), Моравии и Силезии (19,02 и 24,2%), Словакии (34,89 и 22,61%) и Карпатской Руси (9,04 и 4,92%). Богемия и Моравия — промышленные районы, Словакия и Карпатская Русь — земледельческие.

На 100 жителей приходилось занятых в 1930 г.:

	В сельском хозяйстве	В промышленности
Богемия	24,06	41,78
Моравия и Силезия	28,56	40,82
Словакия	58,82	19,07
Прикарпатская Русь	66,25	11,94
В среднем по стране	34,64	34,94

В восточных провинциях на занятых в сельском хозяйстве приходится больше половины, в Прикарпатской Руси — даже $\frac{2}{3}$ всего населения. Как это обычно бывает, в отсталых аграрных областях чувствуется относительное перенаселение: на каждое хозяйство приходится в среднем лиц, занятых в сельском хозяйстве: в Словакии — 4,09, в Карпатской Руси — 3,78, в то время как в Богемии — 2,63, в Моравии и Силезии — 2,23 (стр. 63). Велико число занятых в восточных областях и в отношении к сельскохозяйственной площади. Отсюда преимущественно идет волна эмигрантов. За годы 1922—1930 эмигрировало на 1 000 жителей: из Богемии — 9,8, Моравии и Силезии — 12,0, Словакии — 48,1, Карпатской Руси — 25,3, в среднем — 19,7 (стр. 81).

Но, несмотря на эту значительную эмиграцию, относительное перенаселение не уменьшалось, а еще увеличилось. Благодаря относительно большой рождаемости в этих областях прирост населения с 1921 по 1930 г. составил в процентах: в Прикарпатской Руси — 20, в Словакии — 11, в Моравии и Силезии — 6,8, в Богемии — 6,6 и в среднем по всей стране — 8,2 (стр. 63).

Как уже видно было из данных о профессиональном распределении населения, восточные области имеют незначительную промышленность. Во

всей стране имелись в 1930 г. 720 тысяч промышленных, торговых и т. п. предприятий (в том числе 378 промышленных). Промышленные, торговые и т. п. предприятия распределяются по главным областям следующим образом: Богемия — 59,5%, Моравия и Силезия — 24,6, Словакия — 13,6, Прикарпатская Русь — 2,3%.

Таким образом промышленность и поныне сосредоточена в западных областях.

Чехословакия значительно развилась в промышленном отношении. По официальным подсчетам, промышленное производство с 1921 по 1929 г. выросло на $\frac{2}{3}$. Но за годы нынешнего кризиса оно упало ниже уровня 1921 г. Самый низкий уровень промышленной продукции приходится на март 1933 г., когда он составлял 56,1% уровня 1929 г. С тех пор производство достигло (в октябре 1935 г.) 75% докризисного уровня.

Под давлением кризиса Чехословакия вынуждена была девальвировать свою крону (17 февраля 1934 г. курс кроны снижен на 16,66%). Благодаря этому усилился вывоз.

Как развивалось в годы кризиса сельское хозяйство Чехословакии? На этот вопрос дает уже достаточный ответ уменьшение пашни с 1929 по 1934 г. на 290 тыс. га и количества крупного рогатого скота за годы 1926—1934 на 287 тыс. голов. Еще в июне 1934 г. за с.-х. продукты получали только $\frac{3}{4}$ того, что за них можно было купить до кризиса. Чехословакия пыталась разрешить аграрную проблему, проведя «аграрную реформу»¹. Наконец Чехословакия — одна из немногих капиталистических стран, ставших на путь попыток «планирования» сельского хозяйства.

Работа Рейха касается проблемы кризиса, аграрной реформы и «планирования» только мимоходом. Автор (генеральный секретарь Сельскохозяйственной академии в Праге) обещает в предисловии к своему труду дать «картину условий производства и сбыта». «Мы желаем, — говорит он, — ознакомить читателя и с культурным уровнем сельского населения Чехословакии и с условиями его жизни и труда, как оно добивается высокого уровня производства и продолжительной рентабельности. Цель, которой в последнее время добиваются с упорством и настойчивостью, состоит в удешевлении и улучшении производства при плановом регулировании и руководстве всем сельскохозяйственным производством». Сельское хозяйство, — пишет он далее, — сильнее других областей пострадало от кризиса и раньше остальных стало стремиться к созданию «целесообразной организации всей экономической жизни страны».

Д-р Рейх далеко не выполнил того, что обещал в своем предисловии. По существу он ограничивается в своей работе только общей характеристикой природных и транспортных условий и описанием систем культуры, размера продукции сельского хозяйства и тех отраслей промышленности, которые связаны с сельским хозяйством. Заключительная глава характеризует еще постановку с.-х. образования. Социальные проблемы почти совсем обходятся. Чресполосице уделены всего 10 страниц, дифференциации крестьянства — 7 страниц, аграрной реформе — 3 страницы, хлебной монополии — 2 страницы. Проблема ренты совершенно исчезла из поля зрения нашего автора. Задолженности крестьян уделено всего лишь несколько слов (полстраницы)! Нет данных о зарплате сельскохозяйственных рабочих, об условиях их жизни и т. д.

Вся работа насквозь апологетическая не только в отношении капитализма в целом, но и в отношении аграрной политики господствующих в Чехословакии классов. Старательно обходится все то, что выявляло бы в деревне противоречия между мелкими и средними хозяйствами, с одной стороны, и капиталистическими предприятиями — с другой, не говоря уже о противоречиях

¹ Об этой реформе, которая состояла в наделении 607 тыс. дворов небольшими прирезками земли, мы говорим ниже.

между трудом и капиталом. Не приводятся даже общезвестные данные о распределении земли между отдельными группами, о различии в урожайности посевов в хозяйствах различной величины. Поскольку же имеются данные по отдельным группам хозяйств, то они приведены в расчете на единицу площади и только затушевывают, смазывают классовые противоречия в деревне.

Тем не менее этой работе не удалось полностью скрыть отрицательные стороны капиталистического развития в деревне. А так как обобщающих работ о сельском хозяйстве Чехословакии имеется сравнительно мало, то мы считаем необходимым остановиться на нескольких характерных моментах этого развития. Чехословакия была частью старой Австро-венгерской монархии и носит на себе еще последствия «прусского типа» развития этой империи. Как в Германии, так и в старой Австро-Венгрии сохранились значительные остатки феодализма в виде чресполосицы, натурального пайка для сельскохозяйственных рабочих, которых прикрепляют к своему хозяину предоставлением им клочка земли и т. д.

От этого старого наследия страдает Чехословакия. Здесь процесс дробления земли в некоторых районах еще продолжается. Имеются деревни, где земля разрезана на 10 тыс. парцелл. Некоторые хозяйства в 15 га разрезаны на 100 и больше полос, далеко лежащих друг от друга. «Эту раздробленность земли, — говорит Рейх, — следует считать одной из главных причин культурной отсталости восточных провинций». За годы 1890—1932 проведено регулирование на площади в 150 тыс. га, а нуждается в нем площадь в 6 млн. га! Констатируя, что попытки добровольного регулирования земли не удалось, Рейх меланхолически замечает, что соответственные законы еще не изданы (стр. 32).

Чехословакия переняла в наследие от Венгрии огромные латифундии полуфеодалного типа. Во время мировой войны солдатам была обещана земля. И что же они получили? Из всей сельскохозяйственной площади в 8,5 млн. га для наделения малоземельных получено было 0,85 млн., или 10%. Всего 603 тыс. дворов (36% всех дворов) получили прирезки размером в среднем по 1,04 га, в то время как средний размер имений, от которых были получены эти отрезки, составляет и после реформы 87 га (стр. 48). И еще поныне 43,4% всей земли (19,4% с.-х. площади) находится в руках крупных землевладельцев и капиталистических предприятий (с 50 и больше га). Если еще приписать владения кулаков (от 20 до 50 га), то окажется, что господствующему в деревне классу принадлежит 55,7% всей земли (35,2% с.-х. площади).

Рейх совсем не говорит о том, во что эти участки обходились «благодарительствованным» крестьянам. В Германии за них перед нынешним кризисом платили, по словам Зеринга, в 6 раз дороже действительной цены.

Аграрная статистика Чехословакии не лучше, а гораздо хуже, чем в США, о которой Ленин писал, что «в силу неумелой, непродуманной, рутинной сводки и группировки этот богатейший материал совершенно теряется, пропадает, обесцвечивается и становится часто никуда негодным для изучения законов эволюции сельского хозяйства»¹. Как и всюду в капиталистических странах, в Чехословакии группировка производится по размерам площади. Но вот оказывается, что почти половина всех хозяйств не имеет хозяина: их «владельцы» имеют свое основное занятие не в сельском хозяйстве. Другими словами, «промышленные рабочие находят в этих хозяйствах свое побочное занятие» (стр. 75). Таким образом половина сельского населения принадлежит к пролетарским элементам. Если к ним прибавить и малопиющих, то бедняцкий слой чехословацкой деревни составит три четверти или больше всех хозяйств, в то время как капиталистическая верхушка насчитывает 4—5% всех дворов, а крупные землевладельцы (с 50 и больше га)— всего 1% всех дворов.

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 611.

Главная мысль, которую проводил Рейх, сводится к тому, что образование самостоятельного чехословацкого государства привело к повышению уровня урожайности. Рост урожайности например в Словакии и в Прикарпатской Руси после образования Чехословакии более быстрый, чем до войны, хотя далеко не в отношении всех культур. Но этот прирост сам по себе еще мизерен: 0,09 квинтала пшеницы, 0,21 квинтала ржи. Однако в Прикарпатской Руси урожайность до сих пор ниже, чем в среднем в Венгрии. Рейх сам указывает, что восточные области страдают от недостатка железных и гужевых дорог, от неправильной тарифной политики, а главное от отсутствия более или менее развитой промышленности, которая создала бы на месте лучшие условия сбыта с.-х. продуктов. «Восток,— говорит Рейх,— отстает в сельскохозяйственном отношении от запада на 50 лет» (стр. 75). Таким образом противоречия между западными и восточными областями не преодолены.

Развитие сельского хозяйства в отдельных областях шло неравномерно. Восток отставал от Запада. Это видно из данных Рейха о распределении сбора хлебов по районам (стр. 125, 129, 132, 136 и 141).

Распределение сбора хлебов по районам (в %)

Р а й о н ы	Озимая пшеница		Озимая рожь		Яровой ячмень		Овес		Кукуруза	
	1925—1929гг	1930—1933гг	1925—1929гг	1930—1933гг	1925—1929гг	1930—1933гг	1925—1929гг	1930—1933гг	1925—1929гг	1930—1933гг
Богемия	39,0	44,1	54,6	57,0	36,0	36,6	52,8	55,9	46,6	49,4
Моравия и Силезия	20,9	20,8	26,5	25,7	25,7	27,2	27,3	27,4	25,2	25,3
Словакия	37,5	32,4	17,6	15,7	38,0	35,9	17,4	14,5	26,5	23,6
Карпатская Русь	2,6	2,7	1,3	1,6	0,3	0,3	2,5	2,2	1,7	1,7
Вся Чехословакия	100,0	100,0	100,0	100,9	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Доля Словакии в общем урожае хлебов в стране значительно снизилась, доля Богемии, промышленно развитой провинции, наоборот, увеличилась. Таким образом политика поддержки зерноводства идет на пользу господствующих областей.

Главной аграрной проблемой во время кризиса Рейх считает кроме задолженности вопрос о «стабилизации цен» (стр. 108). Сущность проблемы кризиса сводится следовательно не к изменению условий производства, а к регулированию рынка. Во всей работе нигде не дается анализа производственных расходов. Вопросу рационализации производства посвящены всего две страницы. Признавая невозможность для мелких хозяйств применять машины, он не ставит вопроса, как изменить эти условия и снабдить всех земледельцев этими орудиями. Ибо он вообще против замены работы членов крестьянской семьи машинами (стр. 106). Не видя перспектив на значительное улучшение условий производства, он требует высоких цен на с.-х. продукты.

О проблеме рынка Рейх говорит тоже только мимоходом, а специально о хлебной монополии сообщаются немногие статистические сведения без их анализа, без характеристики значения этого мероприятия.

Гораздо глубже вникает в эту материю Э мер и х Ф е к е т е, который якобы защищает интересы мелких крестьян и выступает против нынешней аграрной политики Чехословакии. Он не против планирования и в области сельского хозяйства, но считает, что в той форме, в которой это планирование осуществляется, оно оказывается разорительным для мелких крестьян. Он заявляет, что инте-

ресы этих слоев и интересы крупных землевладельцев не могут быть примиримы (стр. 60), что «мелкие крестьяне должны понять, что их место не рядом с крупными землевладельцами» (стр. 61). Вся его брошюра, которая появилась на чешском и на немецком языках (но в собственном издании автора!), является критикой аграрной политики не только Чехословакии, но и почти всех капиталистических стран, где крупные землевладельцы играют решающую роль. Во всех этих странах зерноводство, находящееся в основном в руках крупных землевладельцев, пользуется особой защитой и специальными привилегиями за счет не только городского потребителя, но и мелких и средних крестьян. И все аргументы Фекете против высоких цен на зерно, которые в Германии уже давно приводились Брентано и многими другими авторами, тоже выступавшими на словах якобы защитниками мелких (на деле кулацких) хозяйств, отнюдь не новы.

Фекете тоже не говорит полной правды, старается смягчить действительное положение, пользуясь заведомо прикрашенными данными крупных аграриев и их идеологов — Бредлига, Рейха и др. Да и его собственные исчисления явно преувеличивают значение мелких и средних хозяйств как продавцов хлеба. Так, на долю хозяйств с площадью от 10 до 20 га приходится всего 22,5% всей площади под пшеницей, а по подсчетам Фекете выходит, что они продают 26,12% в сей рыночной массы пшеницы. Между тем они имеют значительно более низкие урожаи, чем крупные хозяйства, и потребляют хлеба в своем хозяйстве относительно больше последних. Если правильно, что мелкие и средние хозяйства до 10 га не извлекают от хлебной монополии никакой выгоды и, наоборот, теряют много сотен миллионов (стр. 18), то неверным является заключение Фекете, что средние и зажиточные хозяйства (10—20 га) ничего не выигрывают, но и ничего не теряют в результате высоких цен на хлеба. Наоборот, и для них оказывается невыгодной современная политика, которая дает значительную сверхприбыль только крупным землевладельцам с 50 и больше га, составляющим 1% всех хозяйств.

С другой стороны, правильны подсчеты Фекете о сокращении потребления хлеба и мяса в городе и деревне, об ухудшении в связи с дороговизной положения промышленности, о падении реальной зарплаты и об увеличении безработицы. Все это бесспорные факты. Сомнительными нам кажутся положительные предложения автора. Он предлагает снижение средней цены на хлеб и повышение ее для мелких и средних хозяйств. Надо сказать, что положительные планы Фекете туманны и внутренне противоречивы. Ибо он хочет сохранить в деревне капиталистические отношения, но без их сущности, без того, чтобы капитал стремился к максимальной прибыли, а землевладелец к высокой ренте — своеобразный капитализм без тенденции к концентрации производства и монополизации сбыта. Мелкие хозяйства должны перейти от зерноводства к более интенсивным культурам, т. е. фактически стать крупными капиталистическими на небольших участках. Государство должно образовать машинно-тракторные станции и предоставлять мелким крестьянам возможность пользоваться машинами, не извлекая при этом для себя прибыли (стр. 50—51).

А куда тогда денутся «лишние» рабочие руки? И не вырастет ли земельная рента до колоссальных размеров так, что она поглотит с течением времени все вытекающие из такой политики выгоды? Достаточно только поставить эти вопросы, чтобы видеть, что Фекете не додумал своих предложений до конца.

Фашистские учебники политэкономии в Германии

Spann, Othmar. Tote und lebendige Wissenschaft. Kleines Lehrbuch der Volkswirtschaft in fünf Abhandlungen. Vierte abermals durchgesehene Auflage. Jena, Verlag von Custav Fischer, 1935, XVIII+418 S.

Bülow, Friedrich. Volkswirtschaftslehre. Ein Lehrbuch. Dritte, neubearbeitete Auflage. Leipzig, Alfred Kröner, Verlag, 1934, XI+602 S.

Weber, Adolf. Kurzgefasste Volkswirtschaftslehre und Volkswirtschaftspolitik in einem Bande. München, Verlag Duncker und Humboldt, 1935, XI+370 S.

Фашизация политической экономии в Германии началась задолго до прихода к власти Гитлера. Тем не менее довольно большая часть кафедр политической экономии в Германии была замещена профессорами, представлявшими так называемое «либералистическое» направление, т. е. обычными вульгарными апологетами капитализма, унаследовавшими свои взгляды от всех предшествовавших школ буржуазной политэкономии: австрийской, лозаннской, англо-американской, от одного из наиболее плоских эпигонов классической школы — Касселя и т. д. С приходом к власти правительства Гитлера многие из этих профессоров вынуждены были покинуть кафедры, а некоторые из них даже эмигрировали из Германии.

В результате университетское преподавание экономических дисциплин дошло до последней степени падения. Антинаучность и плоскость мысли, которые всегда были свойственны буржуазным профессорам Германии, преподающим политэкономии, этим «клопам полицейско-буржуазной университетской науки»¹, приобрели при гитлеровском режиме прямо-таки чудовищные размеры. Можно без всякого преувеличения сказать, что фашизм доконал буржуазную политическую экономии в Германии.

Некоторое представление о характере университетского преподавания политэкономии дают те распространенные учебники, которые вышли и выходят в последние два-три года. В них отражается (хотя и не вполне, ибо лекции, читаемые с кафедр, носят несомненно более ярко выраженный фашистский характер) все то, что преподносится буржуазной учащейся молодежи в высших учебных заведениях Германии.

В качестве характерного примера рассмотрим три учебника, вышедшие в 1934—1935 гг.

Остановимся прежде всего на книге Отмара Шпанна «Tote und lebendige Wissenschaft», которую он теперь переделал в «Маленький учебник политической экономии» и которая выдерживает уже четвертое издание.

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 33.

Основной чертой всей фашистской экономической литературы является, как известно, сочетание крикливой «антикапиталистической» демагогии с апологетикой монополистического капитализма. Но в то время как в ходовой массовой агитационно-пропагандистской литературе упор делается в сторону «антикапиталистической» демагогии, в более «солидных» сочинениях, в том числе и в учебниках, центр тяжести в гораздо большей мере лежит в апологетике капитализма.

Вот почему Отмар Шпанн как один из наиболее откровенных апологетов капитализма и притом капитализма в его современной монополистической стадии пришелся ко двору в фашистской Германии. Его «Маленький учебник политической экономии», содержащий в концентрированном виде всю его экономическую теорию, пользуется в Германии широким распространением.

Учебник этот состоит из пяти частей. Первая часть посвящается противопоставлению двух направлений экономической мысли, которые кажутся Отмару Шпанну основными: «индивидуалистического», под которым он подразумевает решительно все школы и течения политэкономии, начиная с Адама Смита и до Густава Касселя; для «удобства» причислен к «индивидуализму» и Карл Маркс; второе направление — «универалистское», истоки которого начинаются, по Отмару Шпанну, с Платона и идут через немецких романтиков Адама Мюллера, Баадера, Тюннена и Листа прямо к самому Отмару Шпанну. Вторая часть учебника содержит противопоставление «индивидуалистического» и «универалистского» учений об обмене и цене. Третья часть, которую Отмар Шпанн считает особенно важной, представляет собою изложение его учения об услугах и об их иерархии.

Эта часть подверглась в четвертом издании особенно большой переработке и расширению. Четвертая часть заключает в себе его теорию стоимости, цены и распределения. Последняя, пятая, часть посвящена характеристике четырех различаемых Отмаром Шпанном основных видов хозяйственного строя: 1) чистого обменного хозяйства; 2) тотального планового или коммунистического хозяйства; 3) регулируемого или «умеренного» капитализма и 4) проповедуемого Отмаром Шпанном «сословно-корпоративного хозяйства».

Отмар Шпанн в «Маленьком учебнике политической экономии» старается придать своей теории наиболее стройную и законченную структуру. Исходным пунктом у него является учение об «услугах» и о «преимуществах». Эти два понятия являются для Шпанна «решающими, поддерживающими всю систему категориями» (стр. 22). Вся хозяйственная деятельность, представляющая, по его утверждению, «совокупность средств для достижения целей», образуется из «услуг». Эти «услуги» по степени своей важности располагаются в иерархическом порядке.

Наиболее важными являются (по Отмару Шпанну) «услуги» организаторские, оказываемые государством и «хозяйственными союзами», под которыми автор понимает главным образом капиталистические монополии. Эти «услуги» он называет «капиталом высшего порядка». За ними в порядке убывающей важности идут «услуги» обыкновенного капитала или «услуги» фабрикантов, заводчиков, банкиров, ростовщиков, помещиков. На самом последнем месте стоят «услуги исполнительские».

В чем заключается объективный критерий важности «услуг», Отмар Шпанн не указывает. Он просто постулирует, что «услуги» капитала высшего порядка являются наиболее важными. Единственной попыткой придать некоторую видимость объективизма в распределении «услуг» по степени важности является проведение Отмаром Шпанном различия между «услугами, исчезающими от употребления», и «услугами, от употребления не исчезающими». «Услуга» рабочего, изготовляющего сапоги, исчезает по мере износа сапог, а «услуга» торгового договора и заключившего этот договор министра не может исчезнуть, ибо торговый договор от употребления, дескать, не исчезает. Поэтому, заявляет Шпанн,

«услуги» высшего порядка важнее «услуг» низшего порядка. Первые имеют, по его выражению, «преимущество» (Vorgang) перед вторыми.

Совершенно ясно, что вся эта теория «услуг», заимствованная Шпанном у Ж. Б. Сея, но значительно расширенная и детализированная им для приспособления к современным условиям монополистического капитализма, представляет собою откровенную апологетику капитала и защиту капиталистической эксплуатации. Отмар Шпанн всячески старается подчеркнуть заслуги «капитала высшего порядка», его «творческую, созидательную» роль. «Капитал высшего порядка, — говорит он, — есть не только пассивное хозяйственное средство, но также и созидатель хозяйственных сил, т. е. ведущих и приносящих пользу услуг. Каждое новое организационное мероприятие в рамках народного и мирового хозяйства, например каждый удавшийся торговый договор, договор о судоходстве, всякий картельный договор... всякое улучшение предприятия (например применение системы Тейлора) увеличивает уровень услуг, «доходность» соответствующей хозяйственной формы» (стр. 178).

На основе своей иерархии «услуг» Отмар Шпанн строит теорию цены. Цена, по Отмару Шпанну, это — оплата «услуг». Отсюда ясно, что чем выше «услуга», тем дороже, по этой теории, она должна оплачиваться. «Цены ведущих услуг, — заявляет Шпанн, — имеют... преимущество по сравнению с ценами ведомых услуг. В соответствии с этим например цены капитала идут впереди потребительных услуг» (стр. 237). Отмар Шпанн строит целую иерархию цен или «оплаты услуг». Выше всего должны оплачиваться конечно «услуги» «капитала высшего порядка». Оплату этих услуг он называет еще «организаторской премией или организаторским вознаграждением». Особенно энергично защищает Отмар Шпанн оплату «услуг» министров, чиновников и тому подобных «общепользных личностей» капиталистического строя. Он упрекает «индивидуалистических» экономистов в том, что они недостаточно защищали «услуги» и доходы этих групп населения. «То обстоятельство, — заявляет он, — что традиционное учение о распределении или совсем не упоминает о доходах министров, бургомистров, директоров, чиновников, управляющих банками и их помощников или же причисляет их к «производным доходам», характерно для отчужденности от жизни этого учения» (стр. 330).

Не оставлены без внимания у Отмара Шпанна и «услуги» промышленников и землевладельцев. «Услуги» первых он относит к изобретательским «услугам» или к «услугам» так называемой «предварительной зрелости» (Vorgreif). Он заявляет, что «оплата из прибылей может достигнуть огромной высоты. В качестве примера можно привести большие состояния изобретателей, как например Круппа, Сименса, Ауэра, Эдиссона, причем те, которые используют изобретение, как бы высоко они его ни оплачивали, все же имеют прибыль» (стр. 330). Что же касается землевладельцев, то их «услуги» должны, по Отмару Шпанну, оплачиваться особенно высоко. «Рента, — заявляет он, — есть преимущественное вознаграждение за преимущественную услугу» (стр. 345).

Учение Отмара Шпанна об «услугах» и об их оплате представляет собою яростную защиту капиталистической эксплуатации, защиту «безгрешных» доходов всех паразитических классов капиталистического общества. В этом своем стремлении изобразить всех эксплуататоров и туеядцев наиболее полезными членами общества Отмар Шпанн доходит до вопиющего абсурда. Он не ограничивается тем, что требует наивысшей оплаты «организаторских услуг» капиталистов по сравнению с «исполнительскими услугами» рабочих. Ему мало заявления о том, что «то обстоятельство, что доход предпринимателя, проистекающий из оплаты торговца и организатора, принципиально выше, чем вознаграждение за исполнительскую работу, и вытекает из преимущества организаторских и коммерческих функций» (стр. 338). Он еще выдвигает совершенно фантастическую теорию «прибавочной стоимости наоборот», которая заключается в том, что не капиталисты эксплуатируют рабочих, а рабочие — капиталистов. Он заявляет, что

«работники последней категории, а именно исполнители, присваивают бесплатно тем больше творческих услуг, чем ниже они стоят на лестнице ступеней и преимуществ».

Эксплуатация «творческого труда, а именно труда организатора, первоначального капитала высшего порядка и высшей ступени, является поэтому необходимым следствием. Далее идет эксплуатация изобретателя, учителя и выполнителя изобретения, конструктора и техника» (стр. 289). Отмар Шпанн заявляет рабочим, что они эксплуатируют всех тех, кто стоит выше их на выдуманной им лестнице иерархии «услуг». «Такие услуги, осуществляемые через исчезающие от употребления преимущества, прикарманиваются теми, кто пользуется услугами последней ступени и последнего порядка» (стр. 289).

Всю эту нелепость Отмар Шпанн назвал «переворотом прибавочной стоимости».

Вполне понятно, что в стране террористической диктатуры финансового капитала, в стране зверских расправ с рабочими и безудержной эксплуатации, такая «теория» приобретает все большее распространение, ибо при помощи ее идет подготовка кадров будущих угнетателей и эксплуататоров, тех, которые должны служить винтиками в механизме фашистской диктатуры и всячески охранять господство монополистического капитала. Свою антинаучную галиматью Шпанн преподносит с глубокомысленно-доктринерским видом, стараясь заключить откровенную и наглую защиту интересов финансового капитала в оболочку схоластических рассуждений и сложной терминологии.

Другой учебник политэкономии, вышедший в третьем, значительно переработанном издании, «Volkswirtschaftslehre» Фридриха Бюлова написан германским фашистским экономистом, сторонником «органической теории» Отмара Шпанна.

Учебник состоит из двух частей. Первая представляет собою изложение некоторых основ вульгарно-апологетической политэкономии. В нее входят: рассуждения автора об истории народного хозяйства, краткое изложение истории экономических учений, вопросы методологии и изложение взглядов автора на соотношение между техникой и хозяйством, правом и хозяйством, народонаселением и хозяйством. Вторая часть посвящена «политэкономии в собственном смысле слова».

Тут автор снова возвращается к вопросам методологии и к изложению «основных принципов экономической науки». Далее идут «учение о производстве благ», затем «учение об обращении благ» и «учение о доходах». Заканчивается учебник главой, посвященной «идее народного благоденствия». В приложении к учебнику даны библиографический указатель, наставления автора о том, как надо изучать политэкономия, хронологическая таблица главнейших сочинений по политэкономии по годам их выхода в свет. Начинается таблица с 1758 г., когда появилась «Экономическая таблица» Кенэ, и кончается 1931—1932 гг. Бюлов находит, что 1931 год ознаменовался выходом в свет «гениального» произведения Готфрида Федера «Манифест о сокрушении процентной кабалы денег» («Манифест» Готфрида Федера вышел не в 1931, а в 1920 г.). 1932 год в хронологической таблице Бюлова ознаменован появлением в свет «Общего учения о народном хозяйстве» Цвиллинек-Зюденгорста.

Такова схема учебника Бюлова. Что касается его содержания, то оно представляет собою смесь самых плоских, вульгарных политико-экономических дефиниций с восхвалением «национал-социалистского» режима и с совершенно откровенными попытками оправдать с «народнохозяйственной» точки зрения подготовку германского фашизма к войне. Излагая историю развития народного хозяйства, автор намечает следующую схему: домашнее хозяйство — городское хозяйство — народное хозяйство — мировое хозяйство. Однако он тут же оговаривается, что мировое хозяйство есть порождение индивидуалистического «либералистического» духа и что «органическая» школа, представителем которой он

является и которая ведет борьбу против либерализма, в центре своего внимания ставит народное хозяйство. «Не только на случай войны, — проговаривается Фридрих Бюлов, — но прежде всего для того, чтобы придать собственному народному хозяйству ту устойчивость и внутреннюю сплоченность, в которой оно нуждается по мотивам политической самостоятельности и народно-органического оформления, центр тяжести хозяйства должен находиться внутри страны. А это означает упорядочение внешнехозяйственных отношений, приспособление ввоза и вывоза к национально-политическим требованиям» (стр. 67). Дальше Фридрих Бюлов с полной откровенностью намечает цели, к которым стремится «народно-органическое хозяйство» германского империализма. «Мировая хозяйственная политика, — говорит он, — находится под знаком сырья. Снабжение сырьем — это краеугольный камень международной экономической политики. Рынок целого ряда видов сырья монополизирован. Давление, оказываемое владельцами сырья на отдельные народные хозяйства, оказывается невыносимым. Борьба из-за источников сырья принимает гигантские формы. Решающее значение приобретает изготовление искусственного сырья. Если оно будет развиваться, то те страны, которые его производят, смогут успешно бороться с растущей империалистической монополизацией сырья. На этой фазе развития сырьевого хозяйства Германии с ее химической промышленностью будет принадлежать важная роль» (стр. 68).

Этими откровенными заявлениями Фридрих Бюлов в достаточной мере характеризует цели и помыслы германского империализма, глашатаем которых он является.

Весь раздел учебника, посвященный истории экономических учений, построен Бюловым под углом зрения «критического преодоления» «индивидуалистических» течений в политэкономии. К этим течениям он относит не только всю буржуазную политэкономия, начиная от классиков и кончая австрийской школой, но и марксизм.

В этом отношении он следует своему учителю Отмару Шпанну и повторяет все то, что писалось и пишется на эту тему почти всеми германскими фашистскими экономистами. «Индивидуализму» Бюлов противопоставляет «универсализм» Отмара Шпанна и его предшественников — романтиков Адама Мюллера, Карла Х. Планка, Баадера, Б. Рилля, Руланда и др. Фридрих Бюлов считает, что основными принципами «универсализма» являются учения о сословно-корпоративном строе и об «услугах». Специальная глава в учебнике посвящена «Экономической теории национал-социализма». Глава эта сплошь состоит из демагогической болтовни, в которой повторяются разглагольствования Готфрида Феллера, Вальтера Дарро в сочетании с прямо противоположными им высказываниями Яльмара Шахта. В качестве образчика приведем например такие «теоретико-экономические» излияния Фридриха Бюлова: «В противоположность либерализму... национал-социализм отдает предпочтение национальному и социальному перед экономическим. Народная общность в государстве важнее хозяйства» (стр. 160). «Основу германского народного хозяйства образуют земля и сросшееся с нею крестьянство. Сельское хозяйство представляет собою фундамент всякого хозяйства» (стр. 162). «Отправным пунктом экономической мысли национал-социализма является земля, родина. Национал-социализм стремится к народно-органической структуре хозяйства» (стр. 163). Иногда Бюлов пытается пояснить, что все эти рассуждения вовсе не означают, будто национал-социализм собирается в чем-либо изменить капиталистический строй. Он заявляет, что «самое главное состоит вовсе не во внешней перестройке экономической системы. Последнее слово принадлежит лежащему в основе хозяйства этосу» (стр. 165). В чем же заключается этот «этос», который не то уже теперь лежит в основе хозяйства, не то еще только должен быть положен в основу хозяйства? «В борьбе против экономического эгоизма и против разлагающих сил капиталистического стремления к наживе, — вещает Фридрих Бюлов, — национал-социализм выдвинул лозунг:

«Общее благо выше частного», заповедь, которая представляет собою сильнейший социальный призыв к индивидуальной совести, категорический императив этики, состоящей на службе у народной общности» (стр. 165). Такого рода морализирующей болтовней, прикрывающей истинные цели фашистской диктатуры и ее зверского террора, заполнена значительная часть учебника Бюлова.

Для того чтобы как-нибудь обосновать, почему все эти моральные рассуждения включены им в «науку о народном хозяйстве», Фридрих Бюлов излагает свое воззрение на предмет и метод политической экономии. По его заявлению, «учение о народном хозяйстве характеризуется вовсе не тем, что оно имеет определенный объект, а тем, что оно исходит из народнохозяйственной точки зрения. Оно рассматривает не какой-либо отрезок жизни, который характеризуется как «хозяйство», — скажем, производственное предприятие, — а созерцает все в народнохозяйственном аспекте» (стр. 217). Что касается самого «народнохозяйственного аспекта», то он всецело определяется применяемым Фридрихом Бюловым методом. Бюлов отрицает «каузально-механистический» метод классической школы, т. е., выражаясь проще, отрицает вообще необходимость и целесообразность изучения объективных явлений хозяйственной жизни. Вместо этого он предлагает метод «телеологический». Этот «метод» состоит в том, что Фридрих Бюлов из собственных побуждений, продиктованных его «национал-социалистской душой», выдвигает перед народным хозяйством общую цель (такой целью для Бюлова является «народное благоденствие» в его понимании, которое расшифровывается как преуспевание фашистской диктатуры в Германии) и затем рассматривает всевозможные действия хозяйствующих субъектов с точки зрения того, насколько они способствуют достижению этой цели. Такой, с позволения сказать, метод политической экономии превращает весь учебник Бюлова в сплошную морализирующую фашистскую болтовню, которая называется у него «народно-органическим пониманием хозяйства». «Согласно этому явно выраженному народно-органическому пониманию, — заявляет он, — политика ставится выше теории, а ценность — выше причины» (стр. 233).

О том, в каком отношении находится «народно-органическое» «восприятие политической экономии» Фридриха Бюлова к вопросу о капиталистическом строе, он повествует в строгом соответствии с программой национал-социалистской партии и с писаниями бывшего главного теоретика национал-социалистской партии (ныне впавшего в немилость и забвение) Готфрида Федерера. «Национал-социализм, — пишет Бюлов, — направляет свою борьбу не против капитала, а против капитализма» (стр. 349). Однако, чтобы не было никаких сомнений в том, что означает это заявление, Фридрих Бюлов тут же расшифровывает его следующим образом: «Дело идет вовсе не о том, чтобы отменить капитал, национализировать или социализировать средства производства, как этого хотел марксизм. Нашей целью является противодействовать тому подчинению народного хозяйства интернациональным финансистам и биржевикам, которое с конца XIX в. наложило свой отпечаток на все развитие западной культуры... С целью отмены приобретенного без труда и усилий дохода был выдвинут главный лозунг национал-социалистской программы — лозунг «сокрушения процентной кабалы» (стр. 349). Лозунг этот был действительно выдвинут в те времена, когда германский фашизм в своей безудержной демагогии обещал «всем — все». Но затем, как известно, он был в 1934 г. выкинут в мусорный ящик вместе с его творцом Готфридом Федерером. На сцену выступил гораздо более «реальный политик» Яльмар Шахт, который, как известно, неоднократно заявлял и заявляет, что прибыль и процент являются неотъемлемой принадлежностью «благоденствия» национал-социалистского режима.

Весь учебник Фридриха Бюлова представляет собою смесь воззрений Отмара Шпанна с идеями Готфрида Федерера, рассуждений о сословно-корпоративном строе с моральными сентенциями о «народно-органическом благоденствии». Эта смесь должна служить возвеличению и укреплению фашистской диктатуры в Германии.

Об этом говорит Фридрих Бюлов и в заключительных строках своего учебника, заявляя, что «национал-социализм прилагает все усилия к тому, чтобы из массы сделать народ, чтобы влить весь народ в «форму» нового сословно-корпоративного расчленения, чтобы ради национальных и германско-социалистических целей крепко зажать народ в политические тиски (politisch fest im den Griff zu bekommen) (стр. 568) Этот заключительный аккорд Фридриха Бюлова в достаточной мере характеризует направление и содержание тех «экономических познаний», которые преподносятся студентам высших учебных заведений фашистской Германии.

Третий из рецензируемых нами фашистских учебников политэкономии вышел из-под пера известного буржуазного германского экономиста Адольфа Вебера, прославившегося своей теорией штандорта. Адольф Вебер — один из тех «либералистических» экономистов, против которых направляют свои стрелы «универсалисты» типа Отмара Шпанна, Фридриха Бюлова и пр. Это — типичный вульгарный экономист, последователь Густава Касселя. За последнее время он переменял свою окраску, превратившись в заправского апологета и интерпретатора фашистской экономической политики. Его вышедшая в конце 1935 г. «Краткая политическая экономия и экономическая политика» в одном томе представляет собою результат этой метаморфозы.

Надо однако оговориться, что Веберу не совсем и не во всем удалось переменить свой «либерализм» на «народно-органическое» мировоззрение прочих фашистских экономистов.

Учебник Адольфа Вебера распадается на две части. Первая представляет собою «Учение о народном хозяйстве». После введения, которое состоит из пяти глав (1) земля, 2) плотность населения, 3) типы хозяйства, 4) хозяйственные системы и 5) предмет и метод политэкономии), идет главная часть. Она состоит из пяти подразделений. Уже само заглавие всей этой главной части свидетельствует о «либералистических» реминисценциях Адольфа Вебера. Она называется: «Экономическая конкуренция на службе у народного хозяйства». Подразделения же озаглавлены следующим образом: 1) «Изготовление благ» (продукция); 2) «Обращение благ»; 3) «Регулирование обращения благ»; 4) «Цена как регулятор»; 5) «Препятствия регулирования благ».

Вторая часть книги, посвященная экономической политике, является в основном изложением законодательства гитлеровского правительства по экономическим вопросам. Первый раздел, трактующий об «основных законах германской аграрной политики», занят изложением гитлеровского аграрного законодательства и комментариями к нему; второй раздел, носящий заглавие «Поощрение ремесленного прилежания», содержит изложение и восхваление законодательных мероприятий германского фашизма, относящихся к ремеслу и промышленности; третий раздел, носящий широковещательный заголовок «Путь к потребителю», излагает торговую политику; четвертый раздел, посвященный «включению рабочего в народную общность», интерпретирует законодательство о труде, а последний, пятый раздел, который Вебер назвал «Междугосударственным обменом благ», касается вопросов внешнеторговой политики и транспорта.

Характерной особенностью всех теоретико-экономических высказываний Адольфа Вебера является его апологетика германского империализма. Он всячески старается при этом оправдать и возвеличить экспансионистские стремления германского империализма. С первых же страниц своей книги, говоря о земле как об экономической категории, он подготавливает своих читателей к восприятию территориальных экспансионистских планов германского империализма. Вебер заявляет, что «недостаток земли служит одной из важнейших основ экономических соображений... По политическим причинам карта земли дает много примеров того, что существуют одновременно народы без достаточной территории и территории без достаточного населения» (стр. 8). Перечисляя четыре типа хозяйства: 1) отдельное или единоличное хозяйство, 2) народное хозяйство, 3) национальное

хозяйство, 4) мировое хозяйство, Адольф Вебер особенно выделяет хозяйство «национальное», под которым он подразумевает «хозяйство государственно-объединенного народа», и при этом подчеркивает, что «источником особой силы для хозяйства является крепкое, глубоко укоренившееся национальное чувство» (стр. 17).

Как и все фашистские экономисты, Адольф Вебер превозносит «корпоративную систему», однако в отличие от «универсалистов» он высказывается против «корпоративного государства», считая, что это понятие является ложным, ибо «понятие государства включает в себя силу, господство и авторитет, между тем как смысл корпорации (сословия) заключается в добровольном сотрудничестве» (*genossenschaftliche Einordnung*) (стр. 23).

В своем изложении основных категорий политической экономики Адольф Вебер повторяет мысли старых вульгарных экономистов. Говоря например о труде, он различает «исполнительский труд рабочих» и «руководящий труд» капиталистов, зачисляя таким образом капиталистов тоже в разряд трудящихся. Под «капиталом» Адольф Вебер понимает «всякий окольный путь производства» (*Produktionsumweg*) (термин, заимствованный у Бем-Баверка). Таким образом в апологетических целях Адольф Вебер изображает капитал как совокупность потребительных стоимостей. Для объяснения накопления капитала он прибегает к «теории сбережений», причем прибыль на капитал объясняет в соответствии с воззрением Касселя как «вознаграждение за ожидание» (по сути дела то же самое, что и «награда за воздержание»). Процесс накопления капитала изображается Адольфом Вебером в соответствии со старой традицией вульгарной политэкономии как накопление «элементов производства», которые не употребляются для покрытия непосредственных потребностей» (стр. 39).

Много внимания уделяет Адольф Вебер в своем учебнике вопросу о предприятии и о предпринимателе. Тут перед нами сплошная апологетика капитализма. Автор подчеркивает, что для ведения предприятия нужно не только «арифметическое комбинирование элементов производства, но и понимание того порядка, в котором они должны комбинироваться» (стр. 47). Капиталистического предпринимателя Адольф Вебер расписывает следующим образом: «Предприниматель это тот, кто в силу своей самостоятельной способности принимать решения устанавливает хозяйственные связи между единоличными хозяйствами и включает их на основе сравнения издержек производства и пользы в народное хозяйство... Не масса, а отдельные люди, которые вкладывают все свое я в то, что они считают своим долгом, являются двигателями прогресса» (стр. 47). Впрочем гимн, спетый Адольфом Вебером в честь единоличного капиталиста, распространяется им и на капиталистические монополии, превращаясь тем самым в гимн в честь монополистического капитализма вообще.

В вопросе о стоимости Адольф Вебер становится на позицию субъективной школы.

Он определяет стоимость как «то значение, которое имеет хозяйственное благо для удовлетворения потребности определенного субъекта на основе сравнения субъективной пользы с издержками» (стр. 81). Однако он тут же заявляет, что теория стоимости вообще имеет для него второстепенное значение и не может служить отправным пунктом его теоретико-экономических построений. В качестве такого отправного пункта Адольф Вебер берет не стоимость, а цену, противопоставляя субъективизму стоимости объективизм цены. «В центре рассуждений,— говорит он,— находятся не субъективные соображения, а объективные факты, не представление о стоимости, а реальность цены» (стр. 83). Чем же определяется эта «реальность цены» у Адольфа Вебера? На это он дает столь же убогий и поверхностный ответ, как и все его вульгарные предшественники: цена, по Адольфу Веберу, определяется соотношением между спросом и предложением.

Этому плоскому тезису вульгарной политэкономии Адольф Вебер старается придать «ученый вид», заявляя, что «цена ни в коем случае не находится в прямом отношении к спросу и в обратном отношении к предложению. Она является скорее функцией соотношения между спросом и предложением» (стр. 93). Такого рода квазиученая дефиниция приводит Адольфа Вебера к следующему определению монополярной цены: «О монополярной цене мы говорим тогда, когда воля одного из контрагентов на рынке — обычно предлагающей стороны — добиться наивысшей прибыли может быть осуществлена при образовании цены» (стр. 96).

Другими словами, монополярная цена — это, по Адольфу Веберу, цена, устанавливаемая монополистами. Такими пустыми тавтологиями автор заполняет теоретико-экономическую часть своего учебника. Вообще весь учебник Адольфа Вебера — это сплошная вульгарно-экономическая эклектика. Он либо ограничивается пустыми тавтологиями, преподнося их читателю как бесспорное достижение экономической науки, либо же смешивает самые разнообразные взгляды различных буржуазных экономистов и эту смесь выдает за новейшие достижения политэкономии. Характерно в этом отношении его рассуждение о теориях кризисов.

Изложив теории перепроизводства, недопотребления, припутав ни к селу ни к городу марксов закон тенденции нормы прибыли к понижению и подробно остановившись на теории Ж. Б. Сэя о «закупорке путей сбыта», Адольф Вебер следующим образом излагает свое собственное воззрение на кризисы: «Вполне понятно, что ученый всякий раз поддается искушению свести конъюнктурные движения к одной последней причине, чтобы тем самым создать «монологичную» конъюнктурную теорию. Однако в ходе народнохозяйственной динамики дело идет о настолько сложном явлении, что всякая такого рода попытка в лучшем случае может привести лишь к полустине» (стр. 128).

Такого рода теоретико-экономические излияния и дефиниции густо переплетаются у Адольфа Вебера с изъяснениями любви и преданности фашистскому режиму и восхвалениями самого Гитлера.

Разобранные нами три типичных фашистских учебника политэкономии свидетельствуют о том, до какой степени падения дошла политическая экономия буржуазии.

Фашистская политическая экономия — это уж даже не жалкая карикатура на науку, это просто продукт умирания и гниения буржуазии, с безмерным цинизмом толчущей последние остатки своего идеологического наследства

Адрес редакции — Волховка, 14. Тел. 1-25-81.

Сдано в производство 1/VI 1936 г.
Подписано к печати 17/IV 1936 г.
Уполн. Главлита Б—19821
Формат 72×105^{1/16}—Союзгиз № 16 (П)
Заказ типографии № 2211.
Объем 12^{1/4} п.л.
Тираж 1370
Выпускающий А. Нахимов. Зак. 453

РЕДАКЦИЯ

Г. И. Крумин (отв. редактор)
Л. М. Гатовский
Э. И. Квининг
М. М. Кривицкий
М. М. Шурьгин

Набрано в 17 ф-ке над. книги Огиза РСФСР, треста «Полиграфкнига», Москва, Шлюзовая наб., д. № 10

Отпечатано в 18-ой тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., д. 10

О П Е Ч А Т К И

По вине издательской корректуры и типографии вкрались следующие опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
64	10 сверху (после таблицы)	недельный	неделимый
94	12 снизу	работников ученых,	работников, ученых,
104	1 снизу	УНХУ СССР	УНХУ АССР
116	1 снизу	Резолюция	Резолюции

Сноска на стр. 176 относится к стр. 177. На стр. 176 выпала сноска:

¹Свердловский Партархив. Дело Уральского Горного Управления № 220.